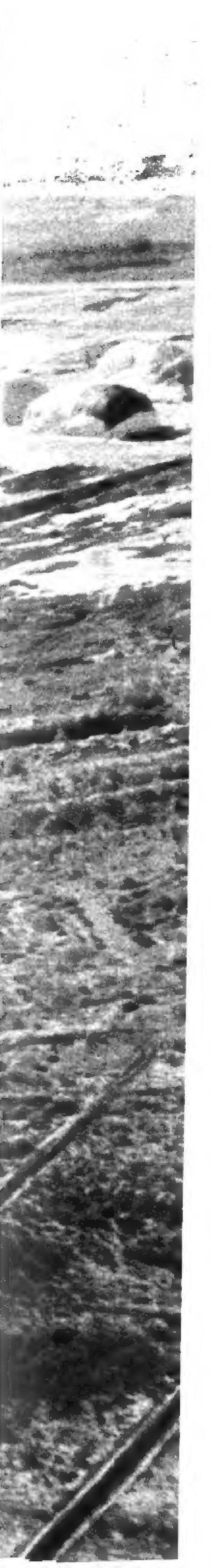

ОГОНЁК
№ 49 НОЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЩЕ ОДИН РУБЕЖ

Чемпионка совхоза Айсолтан Оразгельдыева.

Директор совхоза умолк. Задумался. Отхлебнул чай из пиалы, посмотрел куда-то мимо меня. Только что Чары Ханамов азартно рассказывал о своем совхозе «Теджен», сыпал на память цифрами. Потом такая вдруг фраза: «Раз сто я должен был умереть, а вот видишь — живой. Иногда даже самому не верится...» И замолчал. В окно заглядывало яркое туркменское солнце, за окном был большой сад, дальше виднелись двухэтажные дома совхозного поселка.

Мы сели в «газик» и отправились на хлопковые поля. На улицах поселка было многолюдно. За ночь выпала роса, и убирать хлопок еще рано. Сначала пусть солнышко с ветерком поработают. Значит, и нам особенно спешить не к чему. Директор без конца дымил сигаретами и молчал. Должно быть, никак не мог отделаться от воспоминаний.

...Во время войны Чары Ханамов был командиром пулеметного расчета. Накануне нового, 1942 года высадился с десантом на Керченский полуостров. Командовал счетверенным «максимом». Однажды ночью командир взвода послал Ханамова за продуктами. Идти далеко. Когда вернулся, смотрит — нет пулемета. Оказывается, приказ пришел отступить, и пулемет увезли ближе к Керчи. Артиллерия немецкая садит без перерывов. И дождь как из ведра.

— Восьмого мая это произошло. Немец лез как осатанелый. Командовал ими Манштейн. Фамилию такую слышал? Не знал он тогда, что ровно через три года война кончится. Только не его победа будет, а наша. В ту ночь он бы ни за что в это не поверил. А мы верили... Война — это рубеж. И для всей страны и для каждого из нас.

О войне Чары Ханамов рассказывал мне, пока наш «газик» колесил по поселку. Хороший поселок. Уютный, зеленый.

— Пулемет я свой отыскал. И ребята из расчета все живы. Расчет у меня получился интернациональный. Фамилии ребят до сих пор помню. У меня на фамилии память хорошая. Казах был Каджибеков, украинец Городянский, Беляев из Воронежа, и я — туркмен. Потом мы на переправе стояли, уже за Керчью. Без пулемета остались. Шальной снаряд в него угодил прямым попаданием. Мы вчетвером чудом все живые остались. Потом немецкие автоматчики подошли. А на переправе раненых полно. Я тогда одного грузина к катеру тащил, без сознания был парень. Слышу, командиры кричат: «Вперед! За Родину!» Мы всей своей четверкой кто с винтовкой, кто с пистолетом — в атаку. Отбили их. Несколько километров прогнали. И, поверишь ли, пулемет нашли. Целенький. Такой же счетверенный «максим». На машине. И боекомплект при нем. Тут еще «катюша» подошла, и мы дуэтом ка-а-к дали! Стоп! — Это уже шоферу.— Пойдем, знакомить с людьми тебя буду.— Это опять мне.

Мы вылезли из машины. Молоденькая мама

О. КУПРИН

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2162)

30 НОЯБРЯ 1968

гуляла около дома с сыном. Обычная сцена — семья на отдыхе. Потрепал я по головке мальчишку, узнал, что зовут его Курбангельды, а его маму — Оразгозель и что ей 22 года.

— Запиши фамилию,— посоветовал директор.

Записал: Оразгозель Амангельдыева.

— Кто она? — спросил я, когда мы возвращались к «газику».

— Председатель сельсовета. Коммунистка. Сейчас отпуск взяла за свой счет.

— Вроде бы не время в такую горячую пору в отпуске гулять,— заметил я.

— Она и в прошлом году гуляла в это же время,— нахмурился директор, сделал паузу и потом добавил: — За время отпуска собрала сто с лишним тонн. Отличный комбайнер Оразгозель! — Взглянул на меня и улыбнулся, довольный произведенным впечатлением: вот как разыграл корреспондента!

— Теперь в гараж,— сказал он шоферу.

Пока мы ехали до гаража, я узнал, что случилось потом на переправе за Керчью в мае 1942 года.

Директор совхоза Чары Ханамов.

Новый корабль пустыни.

— Я на одном из последних катеров переправлялся. И тут беда — в воду свалился. Правда, успел за борт ухватиться. Катер скорость набрал. Нет сил уже держаться. Кричу — никто не слышит. Да разве услышишь! Немец бомбит, из орудий бьет, снаряды вокруг водяные столбы поднимают. Все, думаю, конец. Собрался уже руки отпускать, и как раз в этот момент матросик какой-то меня заметил. Вытащил. Значит, думаю, поживу, повоюю... Сейчас еще одну фамилию запишешь. Хорошо?

Небольшая конторка гаража после яркого солнца показалась очень темной. За столом сидел широкоплечий крепыш и вел какой-то жаркий спор с высоким парнем. Я пытался угадать, чья фамилия сейчас появится в моем блокноте. Решил, что высокого.

— Пиши,— сказал директор.— Айсолтан Оразгельдыева.

И только тогда я заметил, что за спиной у крепыша стоит маленькая девчонка.

— Айсолтан, если перевести на русский, будет Царица луны. В этом году среди девушек она чемпионка, больше всех хлопка собрала.

«Царица луны» не знала, куда девать от смущения глаза. Чемпионке было от силы 18 лет.

— ...И тут на-а-ак ударит! Мина.— Мы ехали дальше, на поля, и директор продолжал свой рассказ.— Всю правую сторону мне разворотило. Осколки в голову попали, в плечо, в бедро и в ногу. Сознание потерял. Под Новороссийском было. В том же году за тысячи километров от меня, под Ленинградом, погиб мой брат. Меня в госпиталь отправили. Врачи потом говорили, что не должен был и выжить. Выжил. Видишь, вот он я... А вон они.

— Кто?

— Братья Баймухаммедовы. Запиши. Ашир и Гарамурад. Золотые ребята. Ашир в этом году больше четырехсот тонн соберет. И еще запиши. Аманмухаммед Якшиев, Аннагельды...

Опять фамилии! Такое впечатление, будто директор их коллекционирует.

— Сколько зарабатывают механизаторы в совхозе? — спросил я, когда все имена были перечислены.

— Примерно семь тысяч в год... В среднем больше пятисот рублей в месяц.

А комбайны между тем пошли. Все разом. Забушевала в бункерах белая хлопковая метель. Я нашел несколько нераскрывшихся коробочек. Они напоминали большие бутоны роз. Красивые.

— Красивые,— подтвердил директор.— Настоящие розы у нас тоже есть.

Расколол я одну коробочку. А там белые, по форме точь-в-точь апельсиновые, дольки хлопчатника. Очень похожи. Сказал об этом Ханамову.

— Апельсинов мы пока не выращиваем. Персики — пожалуйста, гранаты, яблоки, виноград, дыни... Много чего у нас есть, кроме хлопка.

Пять лет назад в это тоже не всякий бы поверил. Пять лет назад здесь никакого совхоза не было. Была пустыня. Один саксаул рос. Правда, Каракумский канал уже подошел. Потому и начали тут организовывать совхоз. Как раз пять лет назад приехали первые двенадцать рабочих. И Ханамов с ними. Еще один рубеж — и страны, и республики, и его личный.

— Ты цифры запиши.

Записал. Первый план совхозу дали 800 тонн, собрали 1 790 тонн; на следующий год сдали государству 3 700 тонн, потом 6 150; в прошлом году 7 800, в нынешнем будет 8 500.

— А план какой сейчас? — осведомился я.

— План всего четыре тысячи триста. И еще запиши: восемьдесят процентов машинного сбора.

И это за пять лет! Первые рабочие совхоза жили в юртах, а нынче двухэтажных домов целая улица.

— Плохие дома,— охладил мой восторг директор.— Многие квартиры пустуют. Невыгодно у нас их строить. Туркмены в селах десять месяцев в году на дворе живут, потому что жара. Нужен дом с усадьбой, с садом, чтобы тень была.

— А стиральные машины у вас есть?

— Стиральные машины? — удивился Ханамов.— Конечно, есть. И телевизоры есть, и приемники, и другая всякая техника.

О стиральных машинах я не зря спросил. И, продолжая разговор, все допытывался:

— А можно стиральную машину не в доме поставить, а во дворе?

— Почему нельзя? — недоуменно отвечал директор.— Во дворе даже лучше. Летом дома и так душно. И вообще, при чем тут стиральная машина? Запиши лучше еще одну фамилию...

— А если во дворе нет электрической розетки? — наступал я.

— Надо просто взять длинный шнур и подключить его к розетке, которая в комнате... Так вот пиши: Алламурад Италмазов, он один из основателей совхоза. Комбайнер отличный. Член райкома партии.

Я достал блокнот, записал очередную фамилию, а заодно прочел директору выдержку из статьи итальянского журналиста:

— «Во время посещения одного колхоза я стал фотографировать верблюда. Тогда один чиновник, который приехал вместе с нами из Москвы, выразил недовольство, сказав, что лучше бы я фотографировал стиральную машину, стоявшую посреди двора. Мы так и не поняли, зачем она там была, поскольку электрических розеток там нет. Я подозреваю, что ее туда специально притащили для того, чтобы порадовать взоры западных журналистов. При таких условиях мы не можем сказать, что мы знаем Туркмению».

Надо было видеть лицо Ханамова. Вероятно, в нем боролись два чувства — недоумение и веселье. Победило последнее. Когда директор немного успокоился, то спросил:

— Как называлась статья?

— «Туристы нежелательны в Туркмении, самой бедной республике СССР»,— прочел я в своем блокноте.— Еще журналист упоминает о восточной нищете, в которой мы якобы до сих пор живем.

Директор неожиданно посерьезнел, замолчал и опять посмотрел куда-то мимо меня.

— Я, конечно, мог бы уже умереть сто раз. Многие товарищи мои, брат мой погибли на фронте. И народ мой погиб бы, если б жил, как до революции, в восточной нищете. Только не ради смерти мы дрались с фашистами. Ради жизни. Хорошей жизни. Сам ты видел. В пустыне хлопок да сады растим. Страна наша, строй наш советский бессмертны. А как фамилия того журналиста?

— Пьетро Сормани. Из газеты «Коррьере делла сера»...

Фото ТАСС, АДН, ЮПИ, журнала «Тайм».

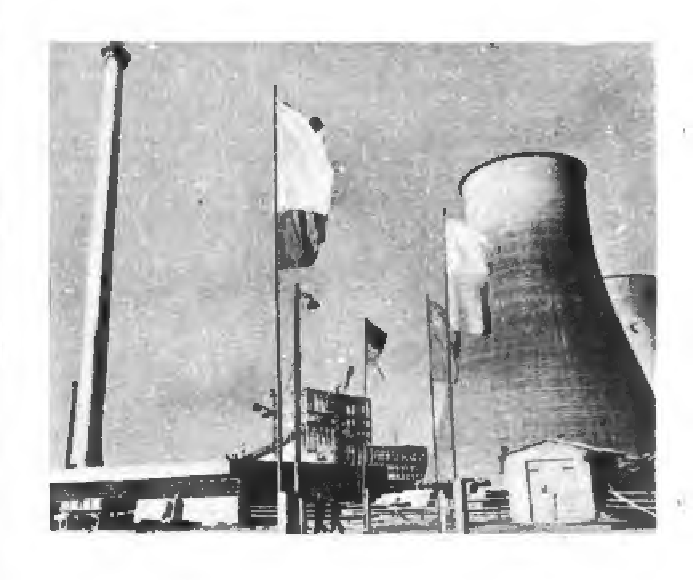
26 ноября Монгольская Народная Республика отмечает свой день рождения. Сорок четыре года назад в стране была провозглашена республика рабочих и крестьян. В день всенародного праздника наших друзей советские люди желают братской Монголии новых успехов в социалистическом строительстве.

НА СНИМКЕ: Герой МНР Гонгор среди воспитанников одного из детских садов Улан-Батора.

В результате успешно проведенных переговоров между правительственными делегациями СССР и ЧССР, протекавших в обстановке дружбы и взаимопонимания, 20 ноября в Москве подписан протокол о товарообороте между Советским Союзом и Чехословацкой Социалистической Республикой на 1969 год.

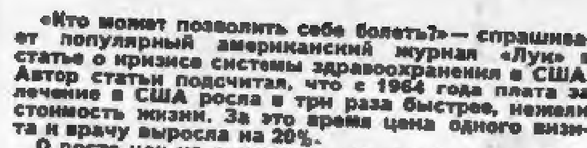
НА СНИМКЕ: министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев и министр внешней торговли ЧССР Вацлав Валеш обмениваются документами после подписания.

В Германской Демократической Республике, недалеко от Лейпцига, сооружается крупная тепловая электростанция «Тирбах». В строительстве принимают участие братские страны — Советский Союз, Польша, Венгрия. Над строительной площадкой реют флаги четырех стран.

На улицах Афин толпы народа. Греческая столица прощается с бывшим премьер-министром страны, лидером буржуазной партии Союз центра Г. Папандреу. В условиях фашистской диктатуры «черных полковников» похороны этого крупного политического деятеля вылились во всенародную демонстрацию протеста. «Свобода, свобода, свобода!» — пели триста тысяч греков, шедших за гробом Папандреу. В этот день окончательно рухнул миф о «пассивности греческого народа», столь старательно поддерживаемый западноевропейской и американской реакцией.

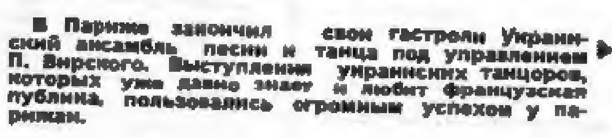
«Кто может позволить себе болеть?» — спрашивает популярный американский журнал «Лук» в статье о кризисе системы здравоохранения в США. Автор статьи подсчитал, что с 1964 года плата за лечение в США росла в три раза быстрее, нежели стоимость жизни. За это время цена одного визита к врачу выросла на 20%.

О росте цен на лечение в госпитале свидетельствует диаграмма, взятая нами из другого американского журнала — «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Пять лет тому назад за день, проведенный в больнице, пациент должен был платить около 40 долларов, в прошлом году — около 58, а через четыре года, по подсчетам журнала, — почти 100 долларов.

В Париже закончил свои гастроли Украинский ансамбль песни и танца под управлением П. Вирского. Выступления украинских танцоров, которых уже давно знает и любит французская публика, пользовались огромным успехом у парижан. ▶

▲ Израильские агрессоры продолжают бесчинствовать на захваченных арабских территориях. Недавно в Иерусалиме так называемые «силы безопасности» Израиля изгнали арабских торговцев из их магазинов. На снимке — момент этой позорной операции.

В обстановке обострения кризиса на Ближнем Востоке в городах и селах Сирии сформированы отряды народного ополчения. После трудового дня рабочие и крестьяне добровольно обучаются у офицеров регулярной армии. На этой фотографии запечатлены рабочие Дамаска во время учебных стрельб недалеко от столицы. ▶

НА ФОРУМЕ ХУДОЖНИКОВ

26 ноября в Колонном зале Дома союзов начал свою работу Третий Всесоюзный съезд художников.

На заседании присутствовали руководители партии и правительства товарищи Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Исполняющая обязанности Первого секретаря Союза художников СССР Е. Ф. Белашова прочитала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Союза художников СССР орденом Ленина, который делегаты приветствовали аплодисментами.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев огласил письмо ЦК КПСС съезду, горячо встреченное собравшимися.

С отчетным докладом «Советское многонациональное изобразительное искусство в строительстве коммунистического общества» выступила Е. Ф. Белашова.

НА СНИМКЕ: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев оглашает письмо ЦК КПСС Третьему Всесоюзному съезду художников.

Фото Г. Макарова.

Н. ПРОЖОГИН

Бурные дни Италии

Несколько дней назад, находясь в Венеции, я зашел пообедать в маленький ресторанчик. На улице свирепствовала непогода. Резкие порывы холодного ветра с дождем свистали по мрамору палаццо и церквей, по облупившейся штукатурке жилых зданий. Тревожные гудки сирены предупреждали население о возможном наводнении. В помещении же было тепло и уютно. За столиком у горячего камина сидело несколько человек. Преуспевающего вида господин, держа в руке стакан с вином, громко разглагольствовал.

— Синьоры,— говорил он,— поймите меня правильно. Теперь я тоже за демократию. Но согласитесь, что в нынешних условиях демократия для Италии не подходит...

Я вспомнил недавний разговор с одной дамой, которая чрезвычайно возбужденно доказывала, что «этой стране нужна сильная власть». Подобные мнения вновь открыто высказываются в наиболее правых кругах, которые напуганы размахом забастовочного движения трудящихся и растеряны, видя, как буксует машина буржуазной демократии.

Италия пережила бурный месяц. Многочисленные, все более частые за последнее время забастовки, парализующие то тот, то другой промышленный центр, то одну, то другую отрасль экономики, как ручьи, слились в один общий поток проводившейся 14 ноября всеобщей стачки.

Основные требования итальянских трудящихся на нынешнем этапе борьбы за свои права связаны прежде всего с падением жизненного уровня и занятости рабочей силы. Уже сейчас в стране насчитывается свыше полумиллиона безработных. Миллионы итальянцев вынуждены были покинуть родину, чтобы искать работу за границей. А массовые увольнения, закрытие целых предприятий продолжается. При этом было бы неправильно думать, что экономика Италии переживает в настоящее время какие-то особые трудности. Они, конечно, тоже есть. Но они не выходят за рамки проблем, стоящих перед капитализмом в целом. Можно даже сказать, что на сегодняшний день итальянская экономика в целом находится даже в лучшем состоянии, чем в некоторых других капиталистических странах Европы.

Что касается всеобщей забастовки, то она была организована в знак солидарности всех итальянских трудящихся с требованием демократизации органов социального обеспечения, повышения пенсий и реформы пенсионного обеспечения. Чтобы представить, о сколь жизненно важной проблеме идет речь, достаточно сказать, что средний размер пенсии в Италии составляет сейчас 26 тысяч лир в месяц — сумма, которую получают далеко не все трудящиеся. В то же время лишь одна месячная плата за весьма скромное жилье, даже в провинциальном городе, обходится семье по крайней мере в 30 тысяч лир. Эти приведенные для наглядности цифры можно дополнить и такой немаловажной деталью: согласно существующему законодательству, итальянский трудящийся за годы работы сам должен обеспечить на четыре пятых свою будущую пенсию. В счет ее ежемесячно вычитается 7,26 процента его заработка.

Во всеобщей забастовке приняло участие 12 миллионов трудящихся. 24 часа экономическая жизнь страны была практически полностью парализована. К рабочим и служащим промышленных предприятий и транспорта присоединились крестьяне, ремесленники, торговцы, актеры. Очевидно, впервые в этот день в итальянских театрах не звучала музыка. И впервые проезд по автострадам оказался бесплатным — бастовали контролеры пропускных пунктов.

Но самое важное заключается в том, что впервые за последние 20 лет три крупных профсоюзных объединения страны различного направления: Всеобщая итальянская конфедерация труда, Итальянская конфедерация профсоюзов трудящихся и Итальянский союз труда — достигли соглашения о проведении совместного выступления такого масштаба. В этом — знамение времени. Несмотря на все попытки правых руководителей христианско-демократической и социалистической партий сохранить и углубить раскол трудящихся масс, изолировать коммунистическую партию, идея единства действий всех левых сил одерживает верх. В упорной повседневной борьбе выковывается единство трудящихся — коммунистов, социалистов, католиков. Они все яснее видят общность своих классовых интересов.

НЕ ТО ЛЕКАРСТВО

Этот снимок был сделан год назад на лондонской бирже во время финансового кризиса, закончившегося девальвацией фунта стерлингов. В то время многие биржи Запада были закрыты во избежание осложнения финансовой бури. Подобная история повторилась и в последнее время, когда крупнейшие биржи Запада прекратили свои операции. Сколько раз еще случится то же самое?..

На Западе, говорят, резко повысился спрос на таблетки от головной боли. Еще бы!

Трещат головы у министров финансов западных стран, ищущих выхода из финансового кризиса. Хватаются за виски экономические обозреватели газет, которые вот уже недели три заняты тем, что исследуют ситуацию на валютных рынках, анализируют слухи, прогнозируют будущее западных валют и никак не могут решить, чем же окончится новый приступ финансовой лихорадки. А у простого человека Запада голова просто вспухла от всяких финансовых терминов, которые обрушились на него по радио, с газетных полос, просто из разговоров на улице. Поди разберись, что будет лучше — ревальвация западногерманской марки или девальвация франка, строгие дефляционные меры или последовательная инфляционная политика. Но простой человек инстинктивно чувствует, что все это добром для него не кончится.

Совещание в Бонне, где министры финансов десяти стран Запада совещались несколько дней, ища лекарства против международного валютного кризиса, продемонстрировало, что «сотрудничество» между валютами «свободного мира» напоминает миленькие отношения пауков в банке. С одной стороны, для доллара было бы неплохо поприжать строптивый франк, но, с другой стороны, доллар боится, что этот нажим приведет к бедам для него самого. Английский фунт тоже не прочь сыграть на ослаблении французского собрата, который сурово обошелся с ним на «общем рынке», но и возвышение западногерманской марки для него не сахар. А марка охотно использует трудности всех остальных валют и не прочь продиктовать свои условия для улаживания кризиса. При этом представитель западногерманской марки министр иностранных дел ФРГ Вилли Брандт многозначительно заявляет, что Западной Германии надоело быть «экономическим гигантом», оставаясь «политическим карликом». Пожалуй, в голосе марки в эти дни финансового кризиса отчетливо слышатся фельдфебельские нотки.

В газетах Запада нет недостатка в объяснении причин нынешних валютно-финансовых потрясений.

Пять дней спустя после всеобщей стачки деловая жизнь Италии вновь оказалась в значительной мере парализованной. 19 ноября бастовали рабочие и служащие государственного сектора, требующие повышения заработной платы, свободы профсоюзной деятельности на предприятиях и реформы административной системы.

Говоря о забастовках 14 и 19 ноября, газета «Джорно», связанная с государственным капиталом, писала, что они поставили перед правительством по крайней мере две неотложные проблемы — реформу пенсионного дела и реформу государственной администрации. Однако правительство предпочло уклониться от решения этих проблем. Именно 19 ноября, когда из-за забастовки государственных рабочих и служащих были закрыты министерства и другие ведомства, включая почты, школы, правительство христианских демократов подало заявление о своей отставке. Правда, этого уже давно ждали. Сформированное после происходивших в мае парламентских выборов, это правительство считалось «временным», «переходным».

Парламентские выборы были отмечены внушительной победой левых сил, осуждением политики правящей правой коалиции левого центра, объединившей христианских демократов — крупнейшую буржуазную партию страны, социалистов и республиканцев.

За политику левого центра — политику застоя внутри страны и послушное следование агрессивному курсу США и НАТО — пришлось расплачиваться прежде всего социалистической партии, которая понесла на выборах тяжелое поражение, потеряв на них миллион своих избирателей. Столь дорогой ценой ей пришлось расплачиваться за линию своих правых лидеров — линию на раскол рабочего класса и откровенное служение интересам монополистической буржуазии.

Растеряв авторитет в массах, левое крыло социалистов настояло после выборов на выходе партии из правительства. Однако в правящих кругах не пожелали расстаться с идеей возрождения коалиции левого центра. В одиночку христианские демократы не в состоянии управлять страной—для этого они не обладают большинством в парламенте. Кроме того, крупной буржуазии выгоден союз с социалистами, выдающими себя за «марксистов» и «представителей рабочего класса». Нажим на социалистов с целью заставить их вновь войти в правительство не прекращался ни на один день.

Разногласия внутри социалистической партии обострились еще больше. Дальнейшее размежевание правых и левых течений создало реальную угрозу ее целостности. Противоречия в среде социалистов перекинулись и на христианско-демократическую партию. Таким образом, правящий лагерь оказался в состоянии глубокого кризиса. В этой обстановке любое решение правительственного вопроса, которое не учитывает реального положения в стране, не может быть прочным и сколько-нибудь продолжительным.

Требования трудящихся масс больше не могут оставаться без внимания. Руководители профсоюзов уже предупредили, что всеобщая забастовка 14 ноября должна послужить предостережением и новому правительству.

Рим, по телефону.

В Италии 14 ноября состоялась 24-часовая всеобщая забастовка. На снимке: демонстрация бастующих в Риме.

Телефото АП — ТАСС.

Называют, например, причиной отсутствие патриотизма у французских дельцов, которые вывезли огромную массу капиталов за рубеж, говорят о заговоре против франка, разглагольствуют о несовершенстве международной валютной системы. Что ж, во всем этом есть доля истины. Но не вся истина. Главное — в отживании самого строя, порождающего кризис.

Не случайно валютная заваруха пугает власть имущих на Западе. Почему — об этом откровенно и без обиняков высказалась французская «Фигаро». Она заявила: «Сейчас необходимо помешать тому, чтобы валютный кризис стал кризисом экономическим, экономический кризис — социальным кризисом и социальный кризис — кризисом государств и наций». Именно эта перспектива и пугает больше всего капитанов капиталистического мира.

В дни, когда пишутся эти строки, франку удалось отбить первые атаки. Он выстоял. Победа? Если да, то какой ценой! Французское правительство ввело строгие меры экономии, сократило бюджетные расходы, урезало ассигнования национализированным отраслям промышленности, уменьшило расходы на образование. Фунт, всего лишь год назад вставший с операционного стола девальвации, тоже готов на все, чтобы уцелеть. И вот в результате в Англии — новое повышение цен.

Нет, недаром простой человек Запада беспокоится, когда наблюдает за бесчинством финансового смерча, гуляющего по Западу. Он заранее знает, что капитализм взвалит на него стоимость всех мер по спасению западных валют. Таков уж он, капитализм.

Финансовые деятели Запада лечат головы патентованными болеутоляющими порошками. А из глубин кризиса они намерены выбираться на плечах трудового народа, за счет пота рабочих.

Этим лекарством капитализм пытается спасать себя не одно десятилетие. Но так лишь глубже загоняется хроническая болезнь, которой страдает современный капиталистический строй.

А. СЕРБИН

«БОИНГИ», ПОТЕСНИТЕСЬ!

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

Фото автора.

Недавно на авиалинии Москва—Париж летали воздушные лайнеры «ИЛ-62» с необычными экипажами. Водили лайнеры летчики нашего Гражданского Воздушного Флота, а обслуживали пассажиров француженки-стюардессы. Самолеты «ИЛ-62» арендовала у Аэрофлота на туристский сезон французская авиакомпания Эр-Франс.

До последнего времени на своих международных линиях Эр-Франс использовала в основном американские пассажирские самолеты типа «Боинг». Надежность, комфорт, скорость, высокая экономическая эффективность советского воздушного лайнера прельстили французских специалистов. «ИЛ-62» заставил «Боингов» потесниться.

В этом заслуга не только отечественной авиационной техники, но и летных экипажей Аэрофлота, владеющих высоким профессиональным мастерством. Отправившись в Париж на «ИЛ-62», я в этом убедился воочию. Командир корабля Алексей Фаддеевич Сергиенко, второй пилот Евгений Александрович Мендельбаум, штурман Виктор Алексеевич Шубенков, бортинженер Семен Алексеевич Петраков, бортрадист Рудольф Алексеевич Борин имеют высшее образование и солидный стаж летной работы. А старший на борту Борис Семенович Егоров — заслуженный пилот СССР.

Расстояние от Москвы до Парижа «ИЛ-62» покрывает за четыре часа. Полет проходит ровно, спокойно, а время в комфортабельном салоне течет незаметно. Вздремнул после обеда — и уже посадка на парижский аэродром Бурже.

Стоянка «ИЛ-62» в Бурже всего один час. Примет на борт пассажиров — и обратно в Москву. Вместе с генеральным представителем Аэрофлота во Франции Георгием Андреевичем Усачевым через служебный вход идем на аэродром. Среди множества самолетов разных стран наш «ИЛ-62» не одинок. Невдалеке от него стоит «ТУ-104», прибывший из Ленинграда, и могучий грузовой самолет «АН-12».

— Наши постоянные представительства,— рассказывает Георгий Андреевич,— находятся здесь и в другом крупнейшем аэропорту Парижа — Орли. В Бурже — бывший командир корабля Борис Яковлевич Мельников, а в Орли — тоже бывший пилот 1-го класса Лев Иванович Рыбаков. Работы обоим хватает. Сегодня, например, оформляются три рейса.

— А кто здесь подготавливает к вылету наши самолеты?

— Механики — Мора и Расине. Они работают в Эр-Франс, а наши самолеты изучали в Москве. В Шереметьеве французские самолеты обслуживают наши механики. И те и другие делают это очень добросовестно. Обе стороны довольны.

Когда «ИЛ-62» и «ленинградец» улетели, Георгий Андреевич повез меня в Париж, в постоянное представительство Аэрофлота. Оно помещается на улице Опера. Над входом эмблема Аэрофлота, а за зеркальной витриной маленький «ИЛ-62» круто набирает высоту.

— Нынче для нас юбилейный год,— рассказывает Георгий Андреевич.— Десять лет назад открылось прямое воздушное сообщение между Москвой и Парижем. Самолеты тогда ходили 2 раза в неделю и за год перевезли всего 900 пассажиров. А в прошлом году — 16 тысяч. Ну и рейсов теперь гораздо больше. Шесть раз в неделю летаем из Москвы в Париж, один раз — из Ленинграда, и два раза в Москву ходят грузовые самолеты «АН-12».

Грузовая линия открылась два года назад. Это новая и, пожалуй, наиболее тесная форма сотрудничества Аэрофлота с Эр-Франс. Обе компании участвуют в ней на равных правах, поровну делят расходы и доходы.

— А какие же грузы приходится перевозить?

На этот вопрос отвечает Юрий Павлович Сорокин, помощник Георгия Андреевича по коммерческой части.

— Грузы самые разнообразные: станки, электронное оборудование, скаковые лошади, уссурийские тигры, экскаваторы, цирк Филатова в полном составе. Скоро повезем из Лиона в Якутию уникальный, большегрузный самосвал. Это для алмазодобывающей промышленности...

— Примечательно,— говорит Георгий Андреевич,— что грузовая линия сразу стала рентабельной. Перевозки растут из года в год. Теперь стоило бы продлить эту грузовую линию до Токио. Уверен, что предприятие давало бы доходы.

Когда дело касается работы авиалинии, Георгий Андреевич мыслит, так сказать, коммерческими и весьма реалистическими категориями. Его энергия, предприимчивость, знание дела помогают успешной работе авиалинии Москва — Париж.

Довелось мне встретиться и с руководителями авиакомпании Эр-Франс. Она помещается в новом 16-этажном здании. Принял меня заместитель генерального директора господин Марион.

— Сотрудничать с Аэрофлотом,— говорит он,— приятно, полезно и доходно. Мы хотим еще более тесного сотрудничества, всяческого расширения совместной работы. Самолеты «ИЛ-62», которые мы арендовали,— отличные машины.

— А вас интересуют сверхзвуковые пассажирские самолеты?

— Безусловно. В ближайшее пятилетие наша компания предполагает приобрести четырнадцать таких самолетов. Раньше мы думали часть из них закупить в Америке и приобрести англо-французские «Конкорды». Но теперь, мне кажется, стоит поближе познакомиться с вашим «ТУ-144». Французские специалисты побывали недавно у господина Туполева, и они полагают, что его самолет скорее выйдет на коммерческие линии.

В Париже о самолете «ТУ-144» упоминали в разговоре со мной и представители других иностранных авиакомпаний. Они полагают, что воздушный лайнер, вмещающий 120 пассажиров и развивающий на высоте 20 тысяч метров скорость в две с половиной тысячи километров в час, будет пользоваться спросом на мировом рынке.

Москва — Париж — Москва.

Генеральное представительство Аэрофлота в Париже.

Загрузка самолета «АН-12» в парижском аэропорту Бурже.

Правительство Эстляндской Трудовой Коммуны. Второй слева — председатель Совета Коммуны Ян Анвельт.

Заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Эстонии Рихард Мáяк.

50 ЛЕТ НАЗАД БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ЭСТЛЯНДСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА

ЗАЖИГАВШИЕ ЗАРЮ

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

...Летит над бурлящей страной краснокрылый ветер поздней осени 1918 года. Шагает в солдатской шинели по революционным фронтам ровесник века — восемнадцатилетний эстонский народный учитель из Йыхви Рихард Анслауд, по партийной кличке Мáяк; она досталась ему за высокий рост и за ясность революционных убеждений.

В составе Тартуского красного полка Рихард сражается на Северном фронте, чтобы приблизить день, когда придет свобода в оккупированную немцами Эстонию, на его родину.

Эстонские полки на Северном фронте требуют информации, ждут революционной литературы на своем языке. И в первых числах ноября Рихард едет в Питер, где действуют эстонские секции коммунистов, где выходят эстонские газеты и книги. Едет за пропагандистскими материалами.

Приезжает в «Асторию». Она была тогда военной гостиницей. В номере в шкафу — пакетик с продуктами. Вызывает дежурную — выяснить: не в чужой ли номер попал?

— В свой, в свой,— успокаивает дежурная,— это Петросовет выделяет товарищам, которые приезжают с фронта, небольшой паек. Иначе откуда же вам взять?

Вечером 9 ноября встречает друзей, идет с ними в театр. А после спектакля на улице, где в ночном темном ветре носятся мальчишки-газетчики, слышит вдруг долгожданное:

— Покупайте «Вечернюю Красную газету»! Революция в Германии! Свергли кайзера!

Из Петрограда летят на разные фронты телеграммы с приказами — красным эстонским полкам подтягиваться к пограничной Нарве. Рихард Мáяк сам отстучал на машинке телеграмму одному из руководителей Эстонской компартии — Яану Анвельту, сражавшемуся на Уральском фронте. Виктор Кингисепп, тогда работавший в Москве следователем ВЧК и ни на день не оставлявший руководства эстонским подпольем, выезжает в Питер, оттуда в Ямбург, оттуда через демаркационную линию пробирается в Нарву. Сутки спустя тем же путем шесть километров демаркационной линии одолевает и Рихард Мáяк.

Был тогда среди эстонских большевиков Иоханнес Кясперт — скромный, молчаливый человек, много лет своей жизни посвятивший первым эстонским революционным печатным изданиям. В «Кийр» — правдистскую газету на эстонском языке — вкладывал он не только свои мысли и духовные силы, но и жалованье свое, подчас до последней копейки. И была у Кясперта своеобразная привычка — ежедневно вести короткий дневник. Сейчас эти записи, переплетенные в обычные архивные папки, лежат на столе у заместителя директора Института истории партии при ЦК КП Эстонии Рихарда Густавовича Мáяка. В записях Кясперта нет ни эмоций, ни подробностей. Есть только хроника событий: даты и сообщения — человек с такой-то партийной кличкой такого-то числа выехал туда-то. И по этим записям теперь легко установить, как собирались эстонские подпольщики в Нарву и Таллин, как происходили другие события, связанные с зарей эстонской социалистической государственности — Эстляндской Трудовой Коммуной.

...Прибыл Рихард Мáяк в оккупированную немцами Нарву 19 ноября. Через связных получил указание — пробираться в Таллин. В кармане пальто — революционные инструкции, в руках — чемодан с револьверами. Кругом — шпики разных мастей: белогвардейские, кайзеровские и местные, буржуазно-кулацкие. Ничего, доехал. Придерживался конспирации. В Таллине, пользуясь брожением в оккупационной армии, подпольщики уже выпускали газету «Коммунист». Получил Мáяк указание: ехать восстанавливать Советскую власть в свои родные места — в Йыхви, Раквере, Азери, Кунда. И было это ошибкой, потому что там его, как говорится, каждая собака знала. А для тех, кто не знал, была хорошая примета — высокий рост.

Вскоре Рихард оказался в Раквереской тюрьме. Обидно было: такие события без него разворачивались! В Ямбург подтягивались эстонские коммунистические полки. Вблизи Нарвы, в курортном поселке Нарва-Йыэсуу, высадился десант красных военных моряков в сопровождении миноносцев. Под Нарвой, на Иоальском поле, развернулось сражение. 28 ноября вечером белые оставили Нарву, и в 10 часов вечера по остаткам взорванного железнодорожного моста красные эстонские части вошли в город.

В полдень 29 ноября 1918 года Временный революционный комитет Эстонии, созданный 15 ноября Центральным Комитетом эстонских секций РКП(б), собрался в старой Нарвской ратуше и постановил объявить Эстонию социалистической советской республикой. Официально было решено именовать республику Эстляндской Трудовой Коммуной. Главой правительства — Совета Коммуны — был избран Ян Анвельт, в состав Совета вошли В. Кингисепп, И. Кясперт, Н. Мяги, К. Мюльберг, Х. Пегельман, О. Рястас, М. Тракман, Р. Вакман, А. Вальнер.

30 ноября управляющий делами Коммуны И. Кясперт телеграммой известил В. И. Ленина об образовании нового социалистического государства. 7 декабря Совнарком РСФСР своим декретом признал независимость Эстляндской Советской Республики.

Эстляндская Трудовая Коммуна просуществовала недолго. Эстонской буржуазии помогли государства Антанты. 20 ноября помощник министра иностранных дел Англии лорд Сесил провел совещание, в котором участвовали высшие чины британской армии и представители эстонской и латышской буржуазии. Был принят план интервенции. Английская эскадра взяла курс к берегам Прибалтики. Эстонская буржуазия получила огромные деньги, вооружение, 3 000 наемных солдат, к которым добавилось еще 3 500 солдат Северного корпуса русских белогвардейцев. 5 июня 1919 года уже за пределами Эстонии Совет Эстляндской Трудовой Коммуны постановил прекратить деятельность всех своих учреждений...

Какой же она была, Эстляндская Трудовая Коммуна? Какую сумела провести работу? Многое предстоит еще изучить и осмыслить, потому что деятельность ее была бурной. В партархиве Рихарда Мáяка числится, как говорят архивариусы, 1 500 единиц хранения, 1 500 уцелевших свидетельств тех дней. Перебирая пожелтевшие от времени листы, Рихард Мáяк рассказывает нам о деятельности Коммуны.

В опубликованном уже 29 ноября манифесте Коммуны есть указание о том, что по мере освобождения Эстонии надо создавать выборные местные Советы; что земля, заводы, железные дороги и все богатства Эстонии принадлежат народу; что надо строго брать на учет и ни в коем случае не допускать расхищения национализированного имущества. Коммуна собиралась бесплатно предоставить всем гражданам газеты, всем школам — журнал «Ээсти Кооль» («Эстонская школа»). Было дано указание о размещении школ в помещичьих домах. Обучение в школах должно было сочетаться с физическим трудом. Решено было взять на учет все памятники, имеющие культурную ценность, и скульптор Ян Коорт был назначен ответственным руководителем комитета защиты памятников культуры.

Не многое удалось осуществить Эстляндской Трудовой Коммуне. Буржуазия с помощью Антанты захватила власть, и потянулись два десятилетия, у которых было два лица. Одно — лицо выскочки и кулака, наживавшихся во всю мочь, разжигавших факелы национализма, изо всех сил пытавшихся подавить революционное движение. И было другое лицо — чистое и мужественное лицо борца. Для этих людей годы с 1920 по 1940-й были временем непримиримой борьбы с буржуазией. Многих уже нет в живых, многие строят новую жизнь в своей республике.

Пройдут еще годы, будут тщательно изучены их судьбы, их борьба. И легенды о мужестве их и чистоте потрясут сердца потомков с не меньшей силой, чем легенды о Калевипоэге. Потому что были эти люди в первых рядах тех, кто зажигал нашу зарю.

СУДЬБА ЗЕМЛИ

Читатель, очевидно, не прошел мимо проекта Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик, опубликованного в печати. Всем нам предстоит обсудить будущий закон, что-то уяснить, а в чем-то, быть может, и дополнить этот важнейший документ. Дело в том, что земля — основное достояние народа. Судьба земли, проблемы ее использования не могут не волновать. Эти проблемы нельзя решить, не имея закона, который бы регулировал земельные отношения. И мы давно уже испытывали нужду в укреплении законности в области земельных отношений. Известно, земля является главным средством производства в сельском хозяйстве. Однако земля — особое средство производства. Она не может заменяться и возобновляться, как заменяются и возобновляются строения, машины. И ежели не заботиться о ее плодородии и не поддерживать природные ее качества на должном уровне, землю легко истощить, превратить в непригодную для сельского хозяйства.

Поэтому проект Основ прежде всего закрепляет ответственность всех землепользователей за состояние земель.

Каково же содержание основных положений проекта Закона о земле? Исключительная **собственность государства на землю сохраняется.** При этом подчеркивается, что запрещаются действия, в прямой или скрытой форме нарушающие упомянутое право государственной собственности на землю. В проекте четко определяется состав единого государственного земельного фонда.

Кому же предоставляется земля у нас в СССР? Закон перечисляет: колхозам и совхозам, другим сельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям; промышленным, транспортным и другим несельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным предприятиям, организациям и учреждениям; гражданам СССР. Но приведенный перечень не является исчерпывающим...

Известно, что колхозы и совхозы терпят немалые убытки от нарушений правил землепользования, от бесконечных пересмотров земельных массивов, от вторжений строек, городов на просторы полей. Закон о земле предусматривает прекращение таких нарушений и подчеркивает, что земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование. Не менее важно и то, что проект закрепляет принцип бесплатного пользования землей.

И все-таки нельзя границы полей считать неприкосновенными. В жизни немало случаев, когда какую-то часть пашни или садов надо занять для строительной площадки или, например, для автострады, для нефтепровода, для оросительного канала. Так вот теперь проектом Основ предлагается установить порядок отвода земель, и этот порядок защищает законные права землепользователей. А вот предоставление для несельскохозяйственных нужд орошаемых и осушенных земель, как правило, не допускается! Более того, линии электропередач, связи и прочие коммуникации должны будут проводиться по границам полей и вдоль уже существующих дорог. И вообще отвод участков из земель, находящихся в пользовании колхозов и совхозов, или из земель, занятых водоохранными и защитными лесами и заповедниками, или иных земель, имеющих культурное либо научное значение, отныне будет допускаться лишь в случаях особой необходимости! Но и тут хозяйство не остается безучастным. Изъятие части колхозных земель может производиться только с согласия общих собраний членов колхозов или собраний уполномоченных, а в совхозах и в других государственных, кооперативных предприятиях — по согласованию с землепользователями.

При этом в проекте Основ предусматривается ряд положений, направленных на охрану законных интересов землепользователей, таким образом, гарантируется возмещение ущерба, причиненного землепользователям изъятием или временным занятием земли. С другой стороны, расходы по возмещению колхозу убытков должны будут включаться в стоимость сооружаемого объекта. Теперь проектировщики, несомненно, будут считаться с этим! Вряд ли они пойдут на удорожание строительства.

Очень важно и то, что отныне предприятия, разрабатывающие полезные ископаемые открытым способом, проводящие строительные или иные работы на землях или в лесных угодьях, предоставленных во временное пользование, **обязаны только за свой счет приводить эти земельные участки в порядок. За свой счет!**

Но могут быть случаи и другие, например, когда учреждение или гражданин лишается права на пользование землей. Земельный участок изымается, если он не использован в течение двух лет подряд. Но в проекте Основ оговорено несколько условий прекращения права землепользования граждан. К ним относятся: добровольный отказ от пользования земельным участком или его частью, истечение срока, на который был предоставлен земельный участок, переселение всех членов двора или семьи, смерть всех членов двора или семьи, изъятие земельного участка или его части для государственных или общественных нужд.

На улучшение земель нашим государством выделяются немалые средства. У колхозов и совхозов затраты также весомы. Все это позволяет шаг за шагом улучшать культуру земледелия, наращивать плодородие почвы, добиваться устойчивых урожаев. Земледелие, имеющее подлинно научные основы, всегда высокоэффективно. Проектом Основ как раз и предусмотрены меры борьбы с эрозией почв, с засолением и заболачиванием. Таким образом, Закон о земле станет на защиту всех сельскохозяйственных угодий, особенно орошаемых и осушенных земель. Руководители предприятий, организаций и учреждения, виновные в невыполнении мероприятий по улучшению земель и предупреждению эрозии, **будут нести строгую ответственность!..**

Рассмотрим интересующее широкий круг читателей право на приусадебный участок. В статье 25 говорится, что каждый колхозный двор имеет право на приусадебный земельный участок. Размер его определяется Уставом сельскохозяйственной артели. Такое же право сохраняется за колхозными дворами, в которых единственный трудоспособный член двора призван в ряды Вооруженных Сил Союза ССР, или состоит на выборной должности, или учится, или временно, с согласия колхоза или в порядке организованного набора, перешел на другую работу, а также когда в составе колхозного двора остались только несовершеннолетние. Право пользования приусадебным участком сохраняется также за колхозными дворами, все члены которых потеряли трудоспособность вследствие старости или инвалидности.

Особо хочется подчеркнуть, что в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели колхозным дворам предоставляются пастбища для их скота, о чем нередко забывали на местах.

Подробно излагается в проекте также порядок предоставления приусадебных земельных участков рабочим, служащим и другим гражданам, проживающим в сельской местности...

А как дело обстоит в городах и в поселках городского типа? Важное для охраны прав граждан требование содержится в статье 32. Здесь сказано, что на городских землях при переходе права собственности на строение переходит также и право пользования земельным участком. И вот еще что надо отметить: в проекте учитывается широкий размах жилищного и дачного кооперативного строительства, а также интересы индивидуальных застройщиков.

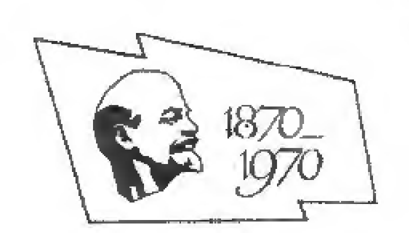
Теперь о главном. Впервые предлагается в масштабе всей страны ввести земельный кадастр, то есть дать экономическую оценку земле каждого поля или участка. Такая оценка плодородия и возможности того или иного поля вводится в целях обеспечения правильного учета и рационального использования земельных ресурсов страны, района, колхоза или совхоза. Кадастр — это учет количества и качества земель с бонитировкой, то есть с качественной оценкой почв. Нет двух одинаковых полей. Экономическая уравниловка в деле землепользования, существовавшая у нас слишком долгое время, теперь, с принятием Закона о земле, уступит место единственно разумной оценке — экономической, научно обоснованной!

Короче, проект Основ, а в будущем, несомненно, и Закон о земле имеют своей главной задачей организацию наиболее полного, рационального и эффективного использования земель, повышение культуры земледелия и особенно охрану почв не только от действия ветров и воды, но и **от варварского, нехозяйственного к ним отношения** со стороны некультурных землепользователей.

И последнее. Важное значение для укрепления законности в земельных правовых отношениях и усиления охраны прав на землю имеют те разделы проекта, в которых содержатся конкретные правила разрешения земельных споров и ответственности за нарушение земельного законодательства. Здесь подчеркивается, что купля-продажа, залог, завещание, дарение, аренда, самовольный обмен земельными участками и другие сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на землю, являются недействительными. Лица, виновные в совершении таких действий, самовольном занятии земельных участков, а также лица, которые не обеспечили охрану земель, не выполняют мероприятия по улучшению почв и предупреждению эрозии, подлежат ответственности в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик.

Закон о земле после его принятия станет основным правовым актом для разработки земельных кодексов союзных республик. Он направлен на усиление охраны наших пашен, лугов, насаждений, на охрану нашего главного богатства — земли Страны Советов.

С. КУЗНЕЦОВ

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Е. УМНОВА.

Специальные
корреспонденты «Огонька»

Он вздрогнул, и откинутые назад крылья, казалось, еще сильнее прижались к бокам. А навстречу ему уже несся со страшным гулом поток воздуха.

— Развернуть вправо.

Сверкнув зеленым оперением, модель самолета послушно повертывается.

Так испытывался первый сверхзвуковой пассажирский самолет «ТУ-144», сгусток современной научной и инженерной мысли.

Мы находимся в одной из лабораторий ЦАГИ — Центрального аэрогидродинамического института. Зал, где идет эксперимент, столь велик, что в него свободно вошла бы вся многоэтажная гостиница «Москва». Огромная модель самолета кажется почти игрушечной в зияющем ревущем горле аэродинамической трубы.

Накануне испытания нам разрешили прогуляться по трубе. Впечатление, что ты идешь по улице Горького,— так широк канал. Вентилятор, рождающий вихрь, величиной с пятиэтажный дом — его диаметр 16 метров. Но поразительны не размеры, удивительна точность инженерного расчета, широта научной мысли людей, создавших это уникальное сооружение, необходимое авиаконструкторам.

Здесь самолеты устремляются в свой первый «полет», полет «наоборот». Машина стоит на месте, а движется поток воздуха. Такие «полеты» чрезвычайно важны. Они помогают увидеть лучшую форму самолета, понять, как поведет себя машина в самых разных условиях. А что значит «наивыгоднейшая форма самолета»? Это — уменьшение расхода горючего и быстрота, высота полета и грузоподъемность.

— Сегодня мы испытываем модель первого сверхзвукового пассажирского самолета конструкции Андрея Николаевича Туполева,— рассказывает член-корреспондент Академии наук СССР, ученый, известный своими работами в области динамики устойчивости и управляемости самолетов, Георгий Сергеевич Бюшгенс.— «ТУ-144» незаменим для международных авиалиний, таких, как Москва — Нью-Йорк, и для внутренних, например, Москва — Хабаровск. На внутренних линиях, пожалуй, только наша страна может с успехом использовать подобные самолеты.

Создается сверхзвуковой пассажирский самолет впервые в мире, поэтому работы, связанные с его доводкой и испытаниями, чрезвычайно интересны. «ТУ-144» — машина со сложной автоматикой. Во время полета на сверхзвуковых скоростях поверхность ее будет нагреваться до 150—170 градусов. Как повлияет это на прочность и безопасность полета? В лабораториях ЦАГИ изучалась аэродинамика нового самолета, вопросы устойчивости, управляемости, прочности, теплозащиты, работа двигателей, взлет и посадка машины, пилотажные характеристики.

...Эксперимент с продуванием модели продолжается. Бушует ураган, гул вентилятора заполняет огромное здание, кажется, что разом взлетает целая сотня реактивных самолетов. Новые и новые потоки воздуха обрушиваются на модель. Гигантское колесо, связанное со специальными рельсами, позволяет менять ее положение относительно потока воздуха. Скорость потока—60 метров в секунду. На бумажной ленте все время автоматически регистрируются силы, действующие на модель. За этим следит сложное автоматическое устройство — гигантские аэродинамические весы размером в четыре этажа.

Создал это изумительное сооружение ученик Н. Е. Жуковского инженер Г. М. Мусиняиц. За создание этого прибора советский ученый был награжден орденом Ленина.

— Весы сконструировали около тридцати лет назад,— говорит нам один из руководителей ЦАГИ, доктор технических наук Лев Алексеевич Симонов.— Да, их делали тридцать лет назад, но делали, опережая время.

...Опережая время... Так работает вот уже полвека Центральный аэрогидродинамический институт — с первого дня своего возникновения до последних исследовательских работ, выполняемых сейчас в его лабораториях. Да и сама организация этого научного учреждения первого декабря 1918 года стала величайшим актом опережения времени.

«Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технической работы, которое так или иначе не было бы связано с именем Владимира Ильича»,— писал в 1924 году в «Ленинградской правде» Н. П. Горбунов, профессиональный революционер, ставший впоследствии крупным советским ученым, непременным секретарем Академии наук СССР. В период организации ЦАГИ Николай Петрович Горбунов был заведующим научно-техническим отделом ВСНХ. Как вспоминает авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев, решающую поддержку Н. Е. Жуковскому оказывал тогда Н. П. Горбунов, получивший лично от Владимира Ильича санкцию на открытие научного института по авиации. Горбунов писал, что В. И. Ленин не раз говорил ему: «без новейшей техники, без новых научных открытий мы коммунизма не построим... Одна хорошо работающая лаборатория важнее десятка наших советских учреждений».

28 ноября 1918 года Н. П. Горбунов направляет письмо В. И. Ленину с просьбой поддержать его работу в научно-техническом отделе по организации русской науки и приспособлению ее к нуждам республики. На другой же день Владимир Ильич отвечает Горбунову. Само письмо В. И. Ленина не найдено, но, как сообщает опубликовавший два письма Горбунова И. Смирнов, существует ленинская пометка: «отвечено 29 ноября». А уже 7 декабря Горбунов пишет опять Ленину, благодарит за поддержку и высылает доклад о работе НТО. В докладе среди перечисленных научных учреждений упоминается аэродинамический институт, его руководитель Н. Е. Жуковский и заведующий авиационным отделом А. Н. Туполев.

Строительство института началось на небольшой площадке дома № 22 на Вознесенской улице. Теперь это дом 17 по улице Радио, научно-мемориальный музей Николая Егоровича Жуковского.

— С первого дня возникновения ЦАГИ показал себя как институт нового типа,— говорит начальник ЦАГИ член-корреспондент Академии наук СССР Г. П. Свищев, сын путиловского рабочего, известный своими трудами по аэродинамике самолетов.— И это не удивительно, это закономерно, что впервые в мире создали такой институт именно в Советской России, разрушенной, голодной, но уже начинающей жить и работать не только для настоящего, но и будущего. Что скрывается за определением «институт нового типа»? Наш молодой институт осмелился взять на себя разработку глубоких теоретических основ аэро- и гидродинамики. И в то же время его руководители Жуковский, а потом Чаплыгин в своей работе соединяли теорию высшего ранга и практику с ее ежеминутной ответственностью перед насущными вопросами социалистического строительства. ЦАГИ — не только исследовательские работы,— продолжает рассказывать Георгий Петрович.— ЦАГИ — научная школа, характеризующаяся определенным методом. Этот метод виден в разумном сочетании теории и практики, в умении растить молодые кадры, в тесной связи научных учреждений, конструкторских бюро и заводов и, наконец, в непрекращающемся совершенствовании экспериментальной базы. Трагедия современной техники в том, что она быстро морально устаревает, иногда даже быстрее, чем успевают выполнить на ней тот или иной эксперимент. Поэтому нашим конструкторам и ученым постоянно приходится жить, опережая время...

Какие же работы ведутся в лабораториях ЦАГИ сегодня?

...Поднимая брызги, мчится по воде гидросамолет.

В большой аэродинамической трубе идет испытание модели сверхзвукового пассажирского самолета «ТУ-144» сгустка современной научной и технической мысли.

Инженер Р. З. Давлет-Кильдеев и кинооператор А. Ф. Горшков непрерывно ведут киносъемку изменения цвета модели, помещенной в тепловой аэродинамической трубе.

Гидроканал. Все нагрузки, действующие на гидросамолет, строго регистрируются.

— Стоп!

Оператор повертывает рычаг, и гидроплан замирает, покачиваясь на зеленоватых волнах.

В лаборатории гидродинамики идет исследование мореходности самолетов, их поведения во время шторма. На модели машины закреплены датчики. Постоянно идет киносъемка.

— Как создается такая плавность движения? — спрашиваем мы.

— Модель закрепляется впереди тележки,— объясняет заведующий лабораторией Андрей Борисович Лотов.— Рельсы проложены с удивительной точностью, учитывая кривизну земного шара. Мельчайшая пылинка, малейшая трещинка, да что трещинка, микроскопическая заусеница в металле дают толчок, нарушают плавность движения, могут погубить эксперимент!

А в другой лаборатории не смолкает характерный шум вертолетов. Исследователи сидят в операторской, надев гермошлемы. Сквозь сетку видна модель вертолета, подхваченная потоками воздуха, несущегося с грозным гулом. Тут исследуется поведение вертолетов, их аэродинамические свойства, определяются нагрузки на лопасти несущих винтов.

Шум смолкает. Эксперимент окончен. Ученые вынимают датчики, а в аэродинамической трубе закрепляется новая модель — самолет, вошедший в штопор. Как преодолеть это аварийное положение? Как вести себя летчику? Теперь явление штопора исследуется не только у боевых машин, но и у таких пассажирских лайнеров, как «ИЛ-62».

...Огромный самолет распластал крылья, зажатый грузом. Нагрузка на него все время меняется, кажется, что машина тяжело вздыхает, чуть опуская и приподнимая крылья. Фюзеляж самолета замкнут в гидробассейне — изменяющееся давление внутри него создается водой.

Мы в лаборатории прочности, где изучаются сложнейшие проблемы сроков службы самолетов.

Машина пошла на взлет — нагрузки одни; болтанка — совсем новый режим; начинается снижение, посадка — нагрузки не , самолет опять изменились. В лаборатории имитируются все условия полета, но по значительно более жесткой схеме, по принципу «тяжело в ученье — легко в бою».

— Установление сроков службы — целый комплекс исследований,— рассказывает старейший работник ЦАГИ Александр Иванович Макаревский.— Кроме огромного количества испытаний отдельных элементов самолета, мы испытываем его в целом, воспроизводя весь сложный спектр нагрузок, которые машина получает на всех стадиях полета.

...На пульте написано: «авария», «отказ выпуска шасси», «отказ автоматики управления» и еще целый ряд поистине трагических положений для летчика. Это одна из систем моделирующего стенда — удивительной установки, созданной в ЦАГИ.

В кресле удобно устроился оператор. Перед ним зеленоватое табло с приборами, телевизор. На экране видно положение самолета в пространстве, его самолета, которым он сейчас «управляет».

Оператор связан с вычислительной машиной, которая в зависимости от программы исследований либо задает задачи летчику, либо сама решает за летчика, как надо управлять самолетом, подсказывает ему готовые решения.

За стендом можно испытывать все виды летательных аппаратов, начиная от современных пассажирских самолетов и кончая сверхзвуко- [illegible]

Полет и посадка изучаются уже не в кресле, а в кабине самолета. Перед кабиной экран с несущейся полосой земли. Домики, леса, аэродром. Машина «идет на посадку». Операторы лаборатории «летают» не хуже заправских летчиков. Впрочем, летчики-испытатели тоже приходят сюда, чтобы провести свой первый полет, не отрываясь от земли, отработать с помощью вычислительной машины все возможные варианты, еще и еще раз убедиться в готовности самолета, еще и еще раз отточить свое мастерство.

...К иллюминатору приник оператор, ведущий киносъемку. Там, в закрытой трубе, по которой несутся потоки горячего воздуха, находится освещенная прожекторами модель самолета. Она покрыта особой краской, реагирующей на изменение температуры. До опыта вся модель была одного цвета, а теперь видно, как по ней побежали полосы, некоторые места изменили окраску.

Установка помогает понять, как будет нагреваться аппарат во время полета.

— Это чрезвычайно важный вопрос,— рассказывает доктор технических наук Георгий Ильич Майкапар.— Все возрастающая скорость самолетов выдвигает для авиации проблему аэродинамического нагревания. Эта проблема приобретает значение уже при сравнительно небольших сверхзвуковых скоростях, например, как у самолета «ТУ-144». Но в будущем появятся самолеты с еще большими скоростями, для которых вопросы нагревания и тепловой защиты будут одними из важнейших.

При больших сверхзвуковых скоростях воздух за ударной волной нагревается до нескольких тысяч градусов,—продолжает рассказывать Георгий Ильич.— Естественно, если воздух греется до таких температур, то и сам самолет тоже нагревается. Как защитить его?

При обтекании воздухом тел сложной формы, к которым относятся самолеты, происходит много сложных и еще недостаточно изученных явлений: отрыв потока, переход ламинарного слоя в турбулентный, взаимодействие элементов (крыла, корпуса и оперения). Рассчитать тепловой поток к самолету для этих сложных течений с высокой точностью пока еще невозможно, необходим эксперимент. Вот тут и помогают термокраски. На отснятых кадрах видно, как граница изменения цвета бежит по модели. Это происходит по мере ее нагревания. Потом пленка обрабатывается, и мы сразу определяем величину теплового потока. Таким образом, в данном случае опыт не только дает возможность сразу увидеть опасные места, но и определить распределение теплового потока по поверхности модели.

Этот метод мы соединяем еще с одним. На поверхность подопытной модели наносятся отдельные точки жидкой краски. Воздушный поток сам размывает ее. Так исследователи сразу видят направление напряжений трения на поверхности модели. Это не только фиксация явления, но и путь к его пониманию.

— Скорость современных самолетов, высота их полета все время возрастают. Может ли наступить момент, что самолеты как бы догонят космические аппараты, сольются с ними? — спрашиваем мы ученого.

В лаборатории прочности. Кандидат технических наук А. Ф. Селихов, академик А. И. Макаревский, доктор технических наук Т. А. Французь, кандидат технических наук Н. И. Марин.

— Это интересный вопрос, и он волнует сейчас ученых. Стоит ли строить самолеты со скоростью, скажем, 3 километра в секунду? Будут ли это самолеты или уже космические корабли? Вероятно, по форме они будут отличаться и от самолетов и от космических объектов, а назначение их будет самое разное. Думается, что если не весь аппарат, то ракетная ступень обязательно должна присутствовать у самолетов будущего...

...Мы слушаем рассказ Георгия Ильича о будущем авиации, и невольно вспоминаются фотографии и документы о первых годах работы ЦАГИ, которые мы видели в музее, рассказы ученых, начинавших работать в ЦАГИ тогда, в декабрьской, заснеженной Москве 1918 года.

Голод. В стране не хватает самого необходимого, а Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным переводит в банк большую сумму денег «на содержание аэродинамического института».

Около загороженной площадки на Вознесенской улице толпятся любопытные мальчишки. Там строят какие-то диковинные сооружения, постоянно слышится мощный гул и передается друг другу таинственное, непонятное слово — «ЦАГИ».

Прохожие с удивлением смотрят, как разбирают стену дома и вытаскивают наружу бескрылый самолет, маленький угловатый «АНТ-1». В помещении тесно, нельзя укрепить крылья. А когда самолет вытащен, стену опять заделывают.

— Конечно, это не лучший способ,— вспоминают теперь сотрудники,— но другого выхода тогда просто не было...

И уже стоят на пороге героические годы первых беспосадочных полетов, годы освоения Севера на машинах, созданных ЦАГИ, героические свершения советской авиации.

Но Центральный аэрогидродинамический институт — прежде всего научное учреждение, из стен которого вышли ученые, имена которых известны во всем мире, исследователи, разработавшие новые направления в науке. Их не перечислишь. Их много, питомцев ЦАГИ, прославивших советскую науку. А сколько молодых талантливых ученых ведут исследования в стенах этого института сегодня! На фундаменте, заложенном Н. Е. Жуковским и С. А. Чаплыгиным, ныне воздвигнуто величественное здание современной теории авиации. Трижды орденоносный коллектив ЦАГИ, празднуя свое 50-летие, живет и работает, как страна,— опережая время.

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— А среди цыган тоже красивые мужчины есть,— сказала своей новой постоялице хозяйка придорожной корчмы.— А вот кончики своих усов он уже где-то поморозил. Но это ему не мешает, а даже наоборот.— И, не встречая со стороны своей соседки никакого, ну хотя бы малейшего сочувствия этим словам, она покосилась на нее.— А чего это ты, Петровна, то все время вытягивала шею, как гуска через плетень, а то схоронила лицо в ладоши и сидишь?

— Очень голова у меня разболелась. Как сразу что-то ударило в нее.

— С чего бы?

— Не знаю. Я за всю прошлую ночь в дороге так и не могла заснуть.

— А я еще потянула тебя с собой сюда. Не проходит?

— Нет.

— А ты откинь-ка ее на спинку стула, чтобы кровь отлила.

— Нет, лучше мне будет, Макарьевна, на воздух выйти.

— Ну ладно, выйди, побудь на дворе и ворочайся. Надо же тебе до конца добыть.

— Вы мне потом все расскажете, а теперь я пойду.

— Ах ты, господи,— искренне опечалилась хозяйка.— Надо же было тебе заболеть, когда еще ничего не кончилось. Куда же ты сейчас пойдешь?— И рука ее все время то дотрагивалась, то опять отдергивалась от бокового карманчика своей старушечьей бархатной кофты.

— Я дойду до дома и там вас на лавочке подожду!

— Нет, это не годится,— решительно сказала хозяйка.— Так ты совсем замерзнешь, и у меня тут будет об тебе душа болеть. А у нас здесь после этого еще всегда бывает концерт.— И на этом ее последние колебания кончились, уступив в сердце место порыву великодушия.— На вот, возьми,— сказала она, доставая из карманчика кофты и протягивая постоялице большой дверной ключ.— Бери, бери. Я эти цыганские концерты страсть как люблю.

Сзади, прямо у нее за спиной, негодующий бас рявкнул:

— Да тише ты! Тебе бы, старуха, в это время давно уже пора спать, а ты раскудахталась, как яйцо снесла.

Обескураженная, она на мгновение съежилась, но и не могла же она отпустить свою новую квартирантку домой без соответствующих директив. И, переходя на дробный полушепот, она все-таки сумела закончить их:

— Ложись на свою койку и спокойно спи, а на крючок не запирайся, чтобы мне не пришлось тебя будить. Сейчас я толечко чуть привстану и выпущу тебя. Да ты не дюже пригинайся, тебя же тут все равно никто не знает.

Но ее постоялица, несмотря на этот совет, не менее чем полпути пробиралась до наружных дверей клуба между рядами стульев, согнувшись и втянув голову в плечи. И только на полпути она распрямилась и уже не пошла, а почти побежала к выходу все более быстрыми шагами, как будто подталкиваемая в спину этим голосом:

— И тогда уже никто не поможет вам, ромы, вернуть ваших детей. Никто.

* * *

Хозяйка возвращалась из клуба домой, переполненная впечатлениями вечера так, что если ей не поделиться ими с кем-нибудь теперь же, не откладывая, то, пожалуй, и не уснуть ей сегодня. И голова и ноги гудели, как телеграфный столб на морозе в степи. Теперь уже она жалела, что все-таки не отговорила свою новую постоялицу уходить из клуба, а сама же и вручила ей ключ от дома. Много эта женщина потеряла такого, чего ей, может быть, и даже наверняка, больше не доведется увидеть и узнать. Не всюду же среди русских и цыгане живут. И если все самое главное, что произошло на товарищеском суде, ее постоялица успела захватить, то такого цыганского концерта ей уже негде будет увидеть и услышать. Если бы все они так же и работали, как танцуют и поют! Все, как один, артисты. И даже у этой Шелоро такой голос, что она как будто бы вынет из груди сердце, подержит на ладошке и опять на место вложит. Как ни в чем не бывало, тоже выступала со всеми, и сам Николай Петрович ей хлопал. А до этого все ж таки не погнушался с нее за прогулянные пять дней штраф взять и предупредил, как бы ей дальше не было еще хуже. Но она только засмеялась ему в лицо и вернулась на свое место... И так умеет жалостливо своим цыганским голосом поиграть, что вот-вот вывернет душу. Но они же, эти артисты, и развеселить умеют своими плясками так, что люди опять уже от смеха плачут. А квартиранточка Настя, несмотря на то, что она до конца сражалась с этим Будулаем на суде, так и вытанцовывала перед ним, чтобы его с места сорвать, так и вызывала, но он не поддался. Серьезный цыган. А все другие цыганские мужчины плясали, а потом и с русскими смешались. И тогда уже ничего нельзя было разобрать — все закружились в клубке. Из зала так и выскакивали на сцену один за другим. Русские начали по-цыгански плясать, а цыгане — по-русски. Ничего не поймешь. Ну, а раз так, то пора уже было и убираться домой. А ее квартиранточка Настя, должно быть, и теперь еще перед ним выплясывает. Из всех самый почему-то невеселый цыган. Борода у него еще черная, а усы уже посеребрило. Она, бедняжечка, перед ним и с одного бока зайдет и с другого, а он — ни с места. Даже не улыбнется. Мишка Солдатов, на нее глядючи, раза три отлучался с концерта и каждый раз вертался еще дюжее пьяный.

Многоголосый шум клуба и свет его окон все больше отдалялись от нее, оставшись за спиной, и она все глубже вступала в темноту безмесячной августовской ночи, но всеми своими мыслями она была еще там и никак не могла освободиться от этих мыслей. И уже почти перед самым домом она внезапно даже остановилась посреди дороги, пораженная одной из них: «А может быть, и правду сказала Шелоро, что им трудно к нашей работе привыкать. Может, если б из всех и к работе такой приспособить, чтобы людей веселить, цыганские песни играть и плясать, то и люди бы на них не так обижались. Что же делать, если они к этому больше всего способны... Такой, значит, народ. Пусть бы и ездили, если захотят, из станицы в станицу, из поселка в поселок своими цыганскими бригадами, но чтобы без всякого баловства. Тогда бы и за незаконное содержание лошадей их перестали привлекать, все равно же они их потихоньку держат...»

И, настигнутая этой мыслью, она так призадумалась, стоя посреди дороги, что шофер трехтонки, нагруженной кукурузной силосной массой, внезапно увидев ее в свете фар, завизжав тормозами, едва успел вывернуть руль и, круто вильнув, до половины высунулся из кабины, недвусмысленно погрозив ей кулаком и подкрепляя этот жест соответствующей порцией соответствующих этому дорожному происшествию выражений. Только после этого она и шарахнулась прочь с дороги к своей калитке, нисколько не обидевшись на невоспитанного шофера и считая, что он обошелся с нею еще сравнительно мягко. «Так тебе и надо, старая дура, чтобы ты не строила из себя министра посреди дороги. Развесила уши».

* * *

В доме было темно. Она повернула выключатель и сразу же поняла, что надежде ее, которую она еще продолжала лелеять, не суждено осуществиться. Постоялица, так и не дождавшись ее возвращения из клуба, уже улеглась спать, и, значит, не слушательницу, с которой можно было бы поделиться тем, чем непременно нужно было поделиться, не откладывая на завтра, рассчитывать нечего.

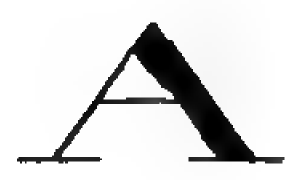
Снедаемая нетерпеливым желанием хотя бы малую частицу перелить из того, что ее переполняло, в кого-нибудь другого, хозяйка, поколебавшись, даже за штору рискнула заглянуть: а может быть, ее постоялица вовсе и не успела еще уснуть, а, как это бывает с людьми на новом месте, все еще лежит с открытыми глазами, всматриваясь в темноту и вслушиваясь в незнакомую тишину! Нет, и глаза у нее были закрыты, и даже не шелохнулась она, не забеспокоилась от присутствия другого человека. Ни единая черточка не дрогнула у нее в лице. И веки и губы у нее были сомкнуты сном. Еще совсем не старая и хорошая женщина, а уже привыкла, что ее зовут Петровной. Что значит солдатская вдова. Со своей наружностью и всем остальным она бы еще вполне могла устроить себе жизнь, да, видно, не захотела — из-за детей. Из-за них чего только не сделаешь — только бы им было лучше. Иногда, бывает, приходится и от самой себя отказываться, да не всегда они, деточки, это ценят. Вот и этот цыган на суде говорил, что, бывает, дети и отказываются от своих матерей и отцов.

Но все-таки что-то уж очень румяные щеки у нее во сне, прямо огнем горят, а в клубе, перед тем, как уйти, она была совсем бледной. Еще и в самом деле разболеется, бедная, вдали от родного дома, да и ухаживать за ней здесь некогда, когда у самой на руках и дом, и клиенты, и все остальное хозяйство.

Хозяйка осторожно попробовала ладонью лоб женщины не без тайной, впрочем, надежды, что если бы нечаянно проснулась она, то можно было бы и присесть на краешек ее кровати... Но и после этого постоялица не проснулась. А лоб у нее был совсем горячий и черствый. И румянец такой, что вот-вот кровь брызнет... Ну, да что же теперь поделаешь, придется отложить этот разговор до утра, хотя куда как интереснее делиться новостями по-свежему, когда все еще так и маячит перед глазами, как нарисованное, так и роится в голове, как растревоженные пчелы в улье.

И долго еще после того, как легла она на свою кровать и тоже крепко зажмурила глаза с твердым намерением уснуть, не мог успокоиться этот улей. Пчелы так и просились наружу и, рассерженные тем, что леток закрыт, начинали жалить. И тогда опять перед глазами с явственной отчетливостью, как если бы она уже не в постели у себя дома лежала, а все еще оставалась там, в клубе, вспыхивали и набегали одна на другую картины только что уви-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 48.

Н

денного и слышанного: и Шелоро, вихляющая бедрами и подрагивающая плечами не перед кем-нибудь, а перед самим Николаем Петровичем; и сам Николай Петрович, не устоявший все-таки перед ее вызовом и с каким-то вороньим клекотом ринувшийся ко всеобщему восторгу вприсядку, несмотря на свою раненую ногу; и сверкающие кружочки его медалей, заметавшихся из стороны в сторону на ленточках со звуком, перебивающим звон ее цыганского мониста. А ее квартиранточке Насте все же так и не удалось сорвать со своего места, вытащить в круг того строгого цыгана — как сидел он, положив большие руки на колени, так и остался сидеть. И выходит, что напрасно Мишка Солдатов ревновал ее и налакался за этот вечер молодой кукурузной бражки так, что неизвестно, допустит ли его утром завгар за руль самосвала.

И все больше перед ее глазами все это смешивалось и свивалось в какой-то пестрый клубок или вихрь из отплясывающих «русскую» и «цыганочку» ног, раздувающихся юбок и развевающихся монист, бородатых лиц и медалей на муаровых лентах. Усталость брала свое. Привычно убаюкивали и автомашины, проносящиеся мимо по шляху. Проурочет мотор — и еще безраздельнее властвует вокруг тишина.

Самую границу между сном и бодрствованием еще никому не удавалось застолбить. Улей еще некоторое время погудел и замер. Пчелам тоже приходит время спать.

* * *

В тишине летней ночи, окаймленной безграничностью степи, отдаленный треск мотоцикла подобен стрекоту большого кузнечика, летящего из тьмы на огонь. И только приблизившись вплотную, распадается он на скрежет стальных шестеренок и оглушительные выстрелы выхлопной трубы.

Свет единственной фары полоснул по окнам домика и тут же померк. Сразу же захлебнулся и мотор. Но вслед за этим только что оборвавшимся звуком появился и стал приближаться по дороге издалека какой-то новый. Только теперь уже не скрежещущий металлический, а рассыпчато-дробный и четкий... Так и есть: это скачет лошадь по насухо затвердевшей дороге, и гулкое ночное эхо приумножает цокот ее копыт. Нарастая, он быстро приближается и тоже вдруг сразу обрывается в том же самом месте, за стеной.

— А все-таки ты меня так и не догнал, Будулай! — торжествующе смеется женский голос.

— Лошадь не машина, но еще бы немного — и догнал, Настя.

— Да, хороший у тебя грай[1]. Ну, а теперь привязывай его вот сюда к огорожке и зайдем ко мне.

— Уже поздно, Настя. Как-нибудь я загляну к тебе в другой раз. Твоя хозяйка теперь уже спит.

— Ну и что из того? Ей сейчас хоть над самым ухом стреляй. Семьдесят лет, а ни одного вечера в клубе не хочет пропустить. А другой раз, Будулай, так другим разом и останется, это я от тебя уже слыхала. Или ты боишься, как бы завтра к той же Шелоро на язычок не попасть?

— Этого, Настя, как ты знаешь, я меньше всего боюсь.

— Ну, а если нет, то входи, посидим у меня и доспорим с тобой до конца. Комната у меня отдельная, и никому мы мешать не будем. У меня, кажется, и бутылка вина есть. Не откажешься?

— Стакан вина я бы сейчас выпил.

Почти совсем беззвучно отворились и затворились заботливо смазанные хозяйкой в петлях подсолнечным маслом одна, другая и третья двери, пробрунжали под шагами половицы, и щелчок выключателя донесся из-за перегородки с другой половины дома. Из-под двери, плотно прикрытой, на ту половину дома просочились, разбавляя темноту передней комнаты, оранжевые лучики, прихватив на подушке кровати и все еще обуреваемое страстями минувшего вечера, дергающееся бровями и губами лицо спящей хозяйки, и угол желтой цветастой шторки, за которой лежала на своей кровати та, другая женщина, ее временная квартирантка.

Перегородка, которой разделен на две половины дом, совсем тонкая и даже не саманная или же набивная, а дощатая, всего в две доски. И на хозяйскую половину дома из-за нее слышны не только шаги в другой комнате или как отодвигаются и скрипят стулья, но и разговор, даже если там говорят негромко. И только если там начинают говорить совсем тихо, услышать что-нибудь можно, лишь приподняв голову от подушки.

— О чем же, Настя, мы еще должны доспорить с тобой?

— Ты, Будулай, не улыбайся, как будто не знаешь. Конечно, ты у меня сегодня гость, а хозяева гостям всегда должны только самые ласковые слова говорить, но на это у нас еще будет время. Что-то ты сегодня показался мне слишком добрым, Будулай.

— А каким же, Настя, по-твоему, должен быть защитник на товарищеском суде?

— Я уже сказала, чтобы ты не улыбался, я не собираюсь шутить. Ты здесь человек сравнительно новый и еще не успел как следует людей узнать.

— Люди, Настя, везде люди.

— Вот-вот, я же и говорю: ко всем добрый. А он и тебе тут же на шею скок — и вези. Да еще и погоняет: тебе за это зарплату платят.

— Не к каждому слову надо придираться, Настя.

— А я бы на месте нашего товарищеского суда передала дело в настоящий суд, чтобы отобрали у нее детей.

— Если бы, Настя, у тебя были свои дети, ты бы не решала это так быстро.

— У меня их, может быть, и вообще не будет.

— Это почему же? Ты еще совсем молодая.

— Ну, а если будут, я их не стану на чужих людей бросать.

Молчание, наступившее после этих слов за стеной, так затянулось, что постоялица, приподнявшая голову на кровати за шторкой, устала ждать и опять опустилась на подушку. Наконец виновато заискивающий голос сказал:

— Я тебя не хотела обидеть, Будулай. Это нечаянно вышло.

— Я, Настя, знаю. Ты говорила, что у тебя найдется что-нибудь выпить?

— Ох, и дура же я! Вот тебе и хозяйка.

За перегородкой прошелестели шаги, скрипнула дверца шкафа, и тихонько звякнуло о стекло бутылки стекло стакана.

— А почему же только один стакан?

— Не хочу, Будулай. Я сегодня почему-то и без этого как пьяная. Ты наливай себе, а я лучше схожу во двор, из колодца холодной воды напьюсь.

Она вышла во двор и, погремев там у колодца цепью с ведром, вскоре вернулась, не очень-то беспокоясь о том, чтобы сделать все это без стука, а скорее наоборот, двигаясь резко и быстро, без всяких предосторожностей открывая и закрывая двери. Но и хозяйка ее, как и предполагала Настя, не обнаружила ни малейших поползновений к тому, чтобы проснуться, и о том, что в доме может находиться еще кто-нибудь, Насте тоже ничего не было известно. Даже ни на секунду не прервался густой мужской храп, как из решета рассыпаемый хозяйкой по дому.

— Ты мне так больше про Ваню ничего и не рассказал, Будулай. А ведь я ему не кто-нибудь, а, получается, тетка, его родной матери меньшая сестра. Какой он? Совсем уже большой? Я же так его и не знаю. Я и Галю только по песням помню — ну сколько мне было тогда?!

— Четыре года.

— На Галю он похож?

— Как тебе сказать?.. Немного, должно быть, на нее, немного на меня. А вот уже здесь мне иногда стало казаться и что-то совсем странное. Ночью, когда его вспомню и вдруг так ясно услышу его «честное комсомольское» и как он при этом повернет голову и вот так сделает рукой, мне начинает казаться, что он похож и еще на кого-то.

За перегородкой бурно спросили:

— На кого? На эту женщину, да?

— Ты, пожалуйста, потише, Настя, а то хозяйка твоя и правда может проснуться.

Но он зря тревожился. Старая хозяйка этого придорожного домика вообще не страдала бессонницей, а сегодня, уставшая от впечатлений минувшего вечера, заснула на своей пуховой перине особенно крепко. И разбудить ее теперь было не так просто. Со своими добровольно принятыми на себя обязанностями содержательницы ночной, как ее называли шоферы, корчмы — ресторана «Дружба», она уже давно приучила себя ловить для сна короткие паузы между заездами клиентов. В иную непогодную ночь — не такую, как эта, — тормоза то и дело стонали у ее двора и потоки света, вливаясь в окна, начинали требовательно шарить по дому. И, только что прикорнувшая, она мгновенно пробуждалась, готовая услужить новому клиенту. А тут за весь день одна лишь машина и притормозила у двора, одну только и привезла клиентку. По хорошей летней дороге машины бегут и бегут мимо, некогда водителю и стаканчик опрокинуть. Зато и спи себе, сколько хочешь.

И совсем не она теперь могла услышать, о чем разговаривали за перегородкой Будулай и Настя. На передней половине дома, за шторкой, была постелена, как объяснила сегодня хозяйка своей единственной за этот день клиентке, кровать специально для проезжих женщин. Там они могли и раздеваться и спокойно спать, не боясь нескромных взоров. Там теперь и лежала на спине, уперев невидящие глаза в темноту, та самая единственная за весь день клиентка, которую перед вечером довез шофер мимолетной машины до ворот этого гостеприимного дома.

— Я и сам, Настя, понимаю, что этого, конечно, не может быть, но ведь она же его и своим молоком выкормила. Недаром же если о человеке хотят сказать что-нибудь хорошее или плохое, то говорят, что он это с молоком матери впитал.

— И больше ты так ничего и не знаешь о нем?

— С тех пор, как уехал из хутора, не знаю. Откуда же я могу узнать?

— Ну, в письме спросить. Или еще как-нибудь.

— Зачем, Настя, людей зря письмами беспокоить, когда они своей жизнью живут.

— Вот ты как ее покой бережешь! Ну, а какая она, Будулай, из себя?

— Кто?

— Эта... женщина.

— Ее Клавдией зовут.

— Эта... Клавдия, красивая она?

— Разве, Настя, только в красоте дело?..

— Все ж таки и в ней. А глаза у нее тоже такие же, как у Вани, черные или какие-нибудь еще?

— Как тебе, Настя, сказать...

— Да так прямо и скажи, если еще не забыл.

...Вот они уже и по имени называют ее. Странно и как-то страшно бывает человеку, когда о нем говорят почти тут же, при нем — всего лишь за тонкой перегородкой, — и даже разбирают его по косточкам, а он совсем не вправе вмешаться, чтобы прекратить это. Лежи и слушай, как о тебе расспрашивают, какие у тебя глаза, и не смей ответить: «Ну да, серые, серые, а теперь замолчите и не смейте обо мне говорить, как будто я совсем бессловесная вещь...» Нет, нельзя, лежи и молчи. И никто тебе не виноват, если ты сама так и приподнимаешь, так и тянешь голову от подушки, чтобы не пропустить ни единого слова.

---
[1] конь.

— Ну, тогда скажи, как она, по-твоему, лучше или хуже меня?

— Вы, Настя, совсем разные.

— Хитрый ты, Будулай. Если мы разные, то, значит, она из себя русая, да? Я давно замечала, что почему-то наши цыгане больше на русых женщин любят смотреть. И ты, Будулай, такой же?

— Мне, Настя, уже поздно на женщин смотреть.

— Это ты или притворяешься, или наговариваешь на себя.

— И притворяться мне ни к чему.

— Значит, наговариваешь. А по-моему, некоторые наши молодые парни старее тебя. Скучно с ними, Будулай.

— Почему! Тебе, конечно, лучше знать, я, как ты сама сказала, человек здесь новый и еще не успел как следует познакомиться с людьми, но мне кажется, и здесь немало хороших парней.

— Хороших — да, но только у них, Будулай, нет чего-то такого, что есть, например, у тебя.

— А что же такое, по-твоему, есть у меня?

— Опять ты улыбаешься. Этого я не смогу тебе объяснить.— И тут же, противореча себе, объявила:— Нет, смогу. Вот я сегодня и на суде с тобой спорила и до сих пор не согласна, что таких, как Шелоро, надо добротой лечить, а все-таки чувствую, что в чем-то таком, чего я еще не совсем понимаю, ты, Будулай, больше прав.

— В чем же?

— Вот этого я пока и не могу объяснить.

...А этого тебе и невозможно пока понять, хоть ты, кажется, и не совсем простая цыганочка, грамотная и острая не по годам. Но тут одной твоей остроты мало. Ты хочешь напролом, а тут напролом нельзя. И надо, чтобы у человека за плечами не одна только грамотность была.

— Значит, Будулай, так ты и не знаешь, где он теперь может быть?

— Если ничего не помешало, он должен был в институт поступить.

— А что ему могло помешать? Или он, по-твоему, мог узнать как-нибудь?

— Нет, Настя, он не должен был узнать.

И что ей, этой цыганке, надо от него, мало, что ли, она сегодня уже надопрашивалась там, на суде?! Как с ножом к горлу. И что же он может ей ответить, если и сам ничего не знает, не может знать. Проклятая перегородка, такая тонюсенькая, а голос через нее нельзя подать, чтобы подсказать... Нет, слава богу, Ваня так и не узнал ничего, но это еще не значит, что ничто другое уже не могло бы ему помешать. Потому что в его годы, может быть, самое страшное, когда кажется, что обманул тот самый человек, которому больше всего верил. И как же ему было объяснить, что за этим человеком нет никакой вины. «Если, мама, Будулаю нельзя верить, то кому же тогда еще верить?! Он же мне сам говорил, что больше уже не уйдет из нашего хутора, не будет кочевать». И Ванины черные глаза тревожно впивались в лицо матери, ожидая от нее ответа. «А может быть, Ваня, он и не собирался уходить, но так получилось? Человек не всегда располагает собой. Может быть, он и какое-нибудь известие получил!» «Но забежать всего лишь на одну минуту, чтобы попрощаться, одно только слово сказать, он мог!» «Может, Ваня, у него и на это не оставалось времени». Но Ванины глаза все так же лихорадочно-недоверчиво искали ее взгляда. «Нет, этого я не могу понять. Мне он казался совсем другим. И уж если он после этого не напишет нам, не объяснит, я окончательно поставлю на нем крест». «Ты только, Ваня, не горячись, поставить на человеке крест легче всего, но спешить никогда не надо». И при этом странное чувство начинало шевелиться у нее против Будулая: как будто он и в самом деле мог и должен был догадаться и все-таки остаться в хуторе, несмотря ни на что, но не захотел. Но тут же она и отгоняла от себя это чувство.

Все, слава богу, обошлось, и экзамены Ваня благополучно сдал, правда, не на механический, куда он собирался, обсуждая это с Будулаем, а, как будто наперекор этому, в военно-инженерное училище. Но эта цыганочка не зря допытывается, могло получиться и хуже. Никто так и не узнает, сколько и еще состоя-

лось таких разговоров у матери с сыном, и чего это могло стоить, чтобы он постепенно начал успокаиваться, отходить сердцем и уже мог говорить о своем родном отце, хоть и не зная, что это его отец, не так неотрез. А потом Ваня уже и подсмеиваться над своей матерью стал: «Ты, мама, стоит мне только заикнуться, так нападаешь на меня, что тут, по-моему, что-то нечисто. Смотри-ка, Нюра, смотри, как наша мать краснеет».

Что бы они с Нюрой сказали, если б узнали, как их матери теперь приходится лежать за перегородкой и что она слышит.

— Не сердись на меня, Будулай, но я так и не могу понять, зачем ты сюда приехал.

— Должно быть, за тем же, Настя, за чем и другие цыгане.

— Нет, это ты не всю правду говоришь. Ты давно уже и от коней и от цыганской жизни отвык.

— Ты, Настя, и со мной разговариваешь здесь, как с Шелоро на суде. Тебе обязательно нужно учиться на прокурора.

— Напрасно ты смеешься. Я уже не девочка, Будулай.

— Места тут, Настя, глухие.

— Вот это правильно. Хочешь спрятаться?

Какое она имеет право его стыдить?! И правда, ей бы только прокурором быть. Какая-то уж очень отчетливая она. Конечно, совсем молодая еще, а молодые теперь хотят сразу на все свои вопросы ответы получить. И словами ведь можно ударить человека так, что ему будет больно. А если ему и самому еще нужно время, чтобы правильно ответить, если он и сам еще твердо не знает, что оно дальше будет и как?!

— Вряд ли, Настя, я кому-нибудь так буду нужен, чтобы захотели меня искать.

А вот это он совсем напрасно спешит за других сказать, этого ему бы и вовсе не следовало говорить. А старуха храпит, как дрова пилит. Правда, хоть над ухом стреляй. И почему это старые люди всегда так храпят? Хоть бы на другой бок повернулась. Тут и так они совсем тихо стали говорить, а тут еще она. Но и подслушивать то, что тебя не касается, никто не заставляет тебя. А если касается, касается оно?! Если он твердо не знает, а только так думает, то и незачем ему было это говорить. Так можно и наговорить на другого человека и даже обидеть его. Но и откуда же он может это знать? Разве это его вина, что он думает, будто никому на этой земле уже больше не нужен и никто не захочет его искать? И все-таки ему не надо было спешить вот так отвечать, поддаваться ей. Но и отделаться от нее не так-то просто, даже Шелоро не смогла. Так и допытывается, так и норовит ковырнуть под самое сердце.

— И на самое дальнее отделение запросился, а в мастерские к большому новому горну не захотел... Кто тебя там обстирывает, ну, и все остальное?

— С этим, Настя, я давно уже привык сам справляться.

— А что это у тебя в вагончике за карты всегда расстелены на столе? Как ни заеду к тебе на отделение на мотоцикле, а ты над ними шепчешь. Как вроде школьные. Может, тоже надумал на заочное поступать?

— Это, Настя, карты не школьные. И на заочное мне уже поздно. Они у меня еще с тех пор сохранились, как я в разведке служил.

— Зачем же они тебе понадобились теперь?

— На них, Настя, осталась вся моя стежка на войне.

— Пора уже об этом забывать.

— Об этом, Настя, никогда не нужно забы[illegible].

— А то, может, они тебе тоже бэсчауру говорят?

— Нет, кочевать, Настя, я уже больше никогда не стану, это совсем другое, а к своим товарищам — и какие живые и какие давно уже мертвые лежат — меня иногда тянет. Сам не знаю почему.

— А я знаю. И с чего это ты вдруг вздумал, что совсем уже старый? Ты что же, умирать собрался?

— Откуда, Настя, ты это взяла?

— Это только к старости и перед смертью люди начинают всю свою прошедшую жизнь ворошить. Вспоминают и начинают своих бывших товарищей искать.

— Не совсем старый, Настя, но и не молодой уже.

— А вот я тебя, дура, все еще молодым считаю.

— Спасибо тебе, Настя.

За стеной помолчали, и потом она глухо сказала:

— Мне твое спасибо ни к чему.

Неужели же он так и не понимает, чего она добивается от него, чего хочет?! Или же он хоть и отвечает, а не слышит ее, она говорит ему о своем, а он думает свое. Так бывает. Но для того, чтобы понять, чего она добивается, вовсе и не обязательно вслушиваться в смысл ее слов, а только в голос. Как будто у нее в горле какой-то комок или струна. То вся так и натянется, то опять ослабнет.

— Иногда может показаться, что ты сюда приехал насовсем, а иногда поглядеть на тебя — тот же приблудный гусь при чужой стае. Каждую минуту можешь подняться и опять полететь. Что ты сам об этом думаешь?

— Чтобы на это ответить, Настя, нужно время.

— Сколько же тебе для этого еще надо времени?

— Этого я не могу сказать!

— Лучше бы ты сюда совсем не приезжал.

— Почему, Настя?

— Тебе хорошо: приехал, пожил и опять уехал, а до других, кто за это время к тебе мог привыкнуть, тебе нет дела.

Его голос за стеной покорно сказал:

— Хорошо, Настя, я могу и теперь уехать.

— Куда?

— Куда-нибудь.

— Значит, тебе уже не нравятся эти места?

— Нет, места хорошие.

— Или люди?

— Как ты сам будешь к людям, так и они к тебе.

— Уехать, конечно, легче всего... А ты думаешь, мне легко здесь от своих же цыганок терпеть? Да и некоторые цыгане уже в глаза не глядят. Говорят, что я из-за своей выгоды могла бы и родную мать в ложке утопить. А какая мне от всего этого выгода, какая?! Бывает, и мне иногда хочется завязать глаза и бежать от всего этого в город и жить там, как все люди живут, да не могу. Мне детишек жаль бросить. И цыганских и нецыганских. Я за это время уже успела привыкнуть к ним. У той же Шелоро одних только дошкольников шестеро. Двух она, Мишу и Машу, когда уезжает на промысел, с собой берет, а еще четверо клубятся, когда они дома, некормленые и в грязи. Приходится их и на ночь в детском саду оставлять и самой с ними оставаться. А тут и главный бухгалтер конезавода ругается. У нас, говорит, детсад, а не круглосуточный интернат, и по смете нет такой статьи, чтобы детей от живых родителей на полное государственное обеспечение брать. Но что же с ними делать? Они же не виноваты, что у них такие мать и отец!

— Ты, Настя, славная. Ты на меня, пожалуйста, не обижайся.

— За что же мне на тебя обижаться, Буду[illegible]

— За то, что я тебя прокурором назвал.

— Так это же правда. Вот подожди, окончу заочный юридический и еще начну своих же цыган за бродяжничество судить. Тогда берегись и ты меня, Будулай.

А хозяйка храпит на весь дом. И машины, не задерживаясь, пробегают мимо, возят силосную массу к траншеям из степи. То как полуденной знойной донской водой затопят хатенку светом своих огней, то опять уносят их в глубь ночной степи. Нанизываются на нитку шляха, как желтые и красные, большие и маленькие мониста у Шелоро.

Все-таки она за стеной дождалась от него этих слов: «Ты, Настя, славная». Нет, это хорошо, что Клавдия тогда удержалась, так ничего и не рассказала Ване. Если бы она не удержалась и рассказала сгоряча, еще бы неизвестно, что бы теперь было. Хорошо, что в этот момент Вани как раз не было дома, уехал за Дон, и так получилось, что Нюра, встревоженная ее бурными слезами, стала успокаивать ее, как подружку, и невольно заставила рассказать ей все. И если даже на Нюру тогда так подействовало, когда она узнала, что Ваня ей не брат, то есть брат, но совсем по-другому, то что же тогда могло произойти с Ваней, если б он узнал. Но Нюра же, умница, и уговорила ее не рассказывать пока Ване. «А там, мама, видно будет». И Ваня, ни о чем не подозревая, уехал сдавать экзамены, и вообще в хуторе так никто и не узнал ничего, хоть и страшно удивлялись внезапному отъезду Будулая, и рассудили, что это он, значит, к своим подался. Цыганская кровь потянула, голос крови. Если бы они узнали, что Будулай из хутора от родного сына ушел, что бы они тогда говорили об этом?! И Лущилиха молчит, как воды в рот набрала, хоть и допытывались у нее женщины, как это Будулай перед самым своим бегством из хутора оказался у нее в доме и с какой бы это радости там случился с ним приступ. «Это вы у него спросите, а ко мне он заходил моего сибирькового выпить», — упорно отвечала всем Лущилиха одними и теми же словами, пока от нее не отстали. Но и к Клавдии она с того самого дня не показывает глаз, а, завидев издали, где-нибудь на улице, спешит свернуть в ближайшую калитку. Должно быть, на всю жизнь напугалась тогда старуха.

Никто ничего не знает и не должен знать. Умница Нюра!

— Ну хорошо, я тоже с тобой выпью, налей мне, Будулай. А то, хочешь, сядем с тобой на мой мотоцикл и поедем в степь!

— Зачем?

— Я там знаю одно хорошее место, ягори разожжем. Я тебе наши песни буду петь и, если только захочешь, станцую для тебя. Для одного тебя, и не в клубе, а в степи, хочешь?!

Так, значит, я г о р и — это по-нашему костер. Вот так можно жизнь прожить и не узнать того единственного слова, от которого, оказывается, может зависеть очень многое. Надеется, значит, что если так и не сумела его здесь словами приворожить, то, может быть, сумеет там, у цыганского костра. Думает, там ей помогут и ее песни, и пляски, и сама степь. Цыгане же испокон степные люди, и все у них всегда происходит в степи. И родятся, и любятся, и умирают. Там они, конечно, на своем языке скорее друг дружку смогут понять. Ох, и хитрая же она, хоть и молодая совсем! И слово-то какое: я г о р и! Так и впивается в сердце! А тут ни единого цыганского словечка не знаешь. Да и вообще не имеешь права что-нибудь сказать, только лежи и слушай. Но что же все-таки он ответит ей?..

Вся жизнь, оказывается, может уйти в минуту ожидания, и от одного только слова может зависеть, что с человеком будет дальше. А хозяйка со своей койки поливает, как немецкий пулемет с бугра по степи. И машины проносятся мимо, как смерчи. Ш-ш-шарк — и уже не слышно.

— Уже совсем поздно, Настя, но если ты хочешь, то давай съездим.

— Ты только отвернись на минутку, Будулай. Я нидараку надену. Не могу же я у ягори по-цыгански в этих стильных штанах танцевать!

За перегородкой зашелестело, щелкнул выключатель, опять пробрунжали под шагами половицы, и почти беззвучно открылись и закрылись двери. Почти сразу же вслед за этим во дворе прямо под окнами ослепительно, бело вспыхнуло, оглушительно затрещало и тут же стало меркнуть и затихать, стремительно удаляясь.

— Ты что ворочаешься? Должно, моя квартирантка со своим Будулаем побудили тебя? Гудят и гудят за стенкой.

Вот это новость! Старуха, оказывается, тоже не спит. Только теперь проснулась или уже давно?

— Нет, бабушка, душно у вас.

— А я под ватным одеялом мерзну. Это у тебя еще кровь горячая, не то что у меня. А то, может, тебе из погреба холодного компоту достать?

— Спасибо, бабушка, я не хочу.

— Затвердила: спасибо да спасибо. Ну, а я тогда и подавно не знаю, чего ты хочешь. Спи. Теперь она до самого света будет ему у этого цыганского костра песни играть и плясать. И чего она в нем нашла? Я бы от одной его бороды на край света забежала. Что значит тоже цыганка. Спи. Теперь уже никто не помешает тебе.

И тут же, поворачиваясь на бок, опять засопела. Опять ничто не нарушало тишину, и только машины время от времени проносились мимо по шляху, и свет их, бурно вливаясь в окна, то заполнял домик текучей желтизной, то, выливаясь из окон, снова убегал в темную степь.

Ах, как нестерпимо душно в прогревшихся за день набивных стенах этой хатенки! Влажный воздух так и липнет к лицу и к груди, давит на нее. Желтая шторка, за которой лежала на своей кровати Клавдия, отогнулась, и она в рубашке вышла во двор. И тотчас же ее босые ноги окутались ласковым, мягким холодком увлажненной росой травы. Густо засеянное по фиолетовой пашне зелеными крупными звездами небо опрокинулось над табунным Задоньем. И, вероятно, нигде больше еще не могло быть такой оглушающей полной тишины. Но если прислушаться, то была соткана она из этого ни на секунду не прерывающегося звона, издаваемого и слегка колеблемыми ветром лезвиями высоких трав, затопивших окрестную степь, и всем тем живым и невидимым, населяющим эти травы, что обычно пробуждается только ночью. И, должно быть, только здесь еще и можно было услышать это радостно-рыдающее эхо конского ржания, прорывающееся сквозь покров немоты откуда-то из самых глубин степи.

Туда же стремительно удалялось теперь по шляху и верещание крыльев большого кузнечика, тонким лучиком света, как иглой, прошивающего бархат ночи. Вскоре верещание превратилось в невнятный шорох, и сверкающая стежка, оставляемая иглой, стала меркнуть. Но вот вдруг она и совсем оборвалась вместе с шорохом крыльев. И вскоре после этого в том месте, в глубине табунной степи, засветилась и стала разгораться, разбрызгивая искры, рдяная звездочка.

Ничего нельзя было увидеть отсюда, из поселка, кроме этой маленькой звездочки и какого-то смутного колебания теней вокруг нее, а может быть, и они только чудились взору. И радужными подсветами этого далекого цыганского костра лишь слегка озарялись крылья парившей над ним ночи. Но отголосок какой-то гортанной женской песни, возникшей там, все-таки донесся оттуда по руслу безмолвия, хотя ни мелодии ее, ни тем более слов, как ни прислушивайся, уловить было невозможно. Однако почему-то и без этого можно было догадаться, о чем эта цыганская песня. И вдруг эта рдяная звездочка, ягори, стремительно приближаясь и разрастаясь, начинала охватывать душу, и она тоже начинала пылать на костре невыносимо жаркой августовской ночи.

Отсветами автомашин, пробегавших по шляху с ворохами молодого сена и только что скошенной комбайнами кукурузы, захватывало и на мгновение обрисовывало белую фигуру женщины, стоявшую посреди двора. Но Клавдия не замечала их и не двигалась с места. Это только в первый момент, когда она вышла из дома, ее освежила и могла даже показаться прохладной летняя августовская ночь, а на самом деле она была изнуряюще жаркой. И такой безветренной, что воздух, казалось, громадным удушливым стогом, сметанным из сладких и горьких запахов трав, навалился на землю. Тело покрылось испариной, и ночная рубашка облипала грудь и бедра. А скорее всего и от этой рдяной звездочки, горевшей далеко в степи, исходил и распространялся вокруг жар. Все так же ничего нельзя было понять из той песни, которую эта цыганка пела е м у там, у костра, как будто в клочья рвался ее приглушаемый расстоянием голос, и все-таки можно было понять, чего она домогается от него. И ничего, что могло бы смягчить жар этой августовской ночи, не было в безгранично распростертой вокруг чужой табунной степи, и Дон был отсюда далеко.

В сруб колодца, черневшего у изгороди на краю двора, Клавдия опустила приторочённую к его ж у р а в л ю цепь с ведром и, достав воды, долго пила ее прямо через край ведра, запрокинув голову и радуясь тем холодным струям, что проливались из него на ее разгоряченные плечи и грудь под тонкой ночной рубашкой. Но когда, напившись, она вновь подняла голову от ведра, из-под его дужки, опоясавшей своим полукружьем дальний край неба и степи, еще ярче, чем до этого, так и ударила ей по глазам, ослепляя ее, рдяная звездочка, ягори, расплываясь перед ее взором и разрастаясь в огромное зарево.

Нет, ни одной больше минуты нельзя позволять им оставаться там вдвоем, в степи. Там у н е е столько друзей и помощников: и эти, такие крупные, зеленые звезды над головой, и цыганская песня, и ягори, огонь которого достигает до самого сердца! А если она еще и начнет по-своему, по-цыгански плясать, увиваться вокруг него у костра, он уже совсем ничего не сможет сделать с собой. Недаром же она и решила увезти его с собой туда, в степь. Она хорошо знала, зачем ей это нужно, не такая она простая, эта цыганка, хоть и совсем молодая еще.

...И тогда она со своей молодостью и с этими острыми звездами, которые вонзаются в самую душу, совсем возьмет над ним верх. Мужчины, говорят, слабые. Конечно, он не такой, как все, но ведь и она цыганка и он цыган. И все сегодня как сговорились ей помочь: и эти звезды на фиолетовой пашне неба, и звон неисчислимой армии кузнечиков, осаждающих тишину, и все эти наплывающие со всёх сторон из степи запахи трав, от которых кружится голова и томится сердце.

А тут одна, совсем одна посреди этой чужой степи, и никто тебе не поможет, не захочет помочь.

Но зачем же и стоит здесь этот, привязанный к стояну огорожи конь?! Блестят лука седла, стремена, а на морду ему заботливый хозяин не забыл повесить торбу с зерном. Вот и стоит он совсем смирно, дожидает его. Роса падает ему на спину, на круп. Только иногда переступит ногами и шумно вздохнет.

Его конь. Не зря же его оставили тут стоять! И только он, единственный, и может сейчас ей помочь в то время, как т о й сговорились помогать все: и эта необъяснимо тревожная цыганская песня и нестерпимо яркий и жаркий ягори, при свете которого о н а может показаться ему еще лучше со своей молодостью и со всем тем, чего еще не успело отнять у нее время.

Не одни же цыгане всю свою жизнь имели дело с лошадьми, а и казаки. И не только мужчины, но и женщины. Конечно, то время уже отошло, и она уже не помнит, когда в последний раз садилась на лошадь, но в детстве ей не раз приходилось и кувшины с молоком и с квасом, перекинутые через спину коня, возить из хутора отцу на покос и даже гонять лошадей на Дон купать: ребят у них в семье не было. Вот так же в одной рубашке о х л ю п к о й заедет с песчаной косы в воду и купает.

А этот конь стоит подседланный и даже со стременами... Надо бы на минуту вернуться в дом, чтобы накинуть хотя бы юбчонку, но можно нечаянно разбудить хозяйку, и тогда уже она от тебя не отстанет. Прицепится, как репей. А костер горит, и о н а там, должно быть, уже пляшет перед ним, и он смотрит на нее своими — тоже цыганскими — глазами. А зеленые крупные звезды гроздьями висят над ними, как виноград в придонских хуторских садах. Все в этой глухой табунной степи сговорилось, чтобы е й помочь. И вся надежда теперь только на [illegible]

Но и заходить к нему надо потихоньку, а то еще он опять вздумает взвиться на дыбки, как д а в е ч а под ним на площади.

...Тпружань-тпружанька, ты на меня не шибко косись и не относи в сторону зад, я ведь твоему хозяину не совсем чужая. Я же его родному сыну мать. Ну вот и хорошо, вот и умница, а теперь неси к нему. Только побыстрее, так, как ты еще никогда не бегал. Если я опоздаю, то тогда уже всему и навсегда будет конец. И никакой другой н а д е ж и, кроме как на тебя, у меня больше нет. Плёти у меня нет, чтобы тебя подгонять, но ты и без этого должен все понимать. Вот только так и не знаю я, как тебя твой хозяин к л и ч е т.

Окончание следует.

Е
СЕКРЕ

М. КАМЫШЕВ

Партийная конференция закончилась поздним вечером. И на этот раз делегаты оказали Д. Д. Бойко единодушное доверие. В восьмой раз Дмитрий Дмитриевич остался на беспокойном и хлопотливом посту первого секретаря Октябрьского райкома партии...

На другой день утром Бойко, как всегда, приехал в райком. Кожушок, сапоги, шапка-ушанка... Все, кто встречался с ним, угадывали: собрался ехать в район.

Распахнулась дверь, и порог переступил Вячеслав Гаврилович Маликов, председатель райисполкома. У них, как, наверное, у всех первых секретарей и предриков, давно установилось неписаное правило — начинать день с встречи. Разговор пошел о зимовке скота, о подготовке техники к весеннему севу, о работе потребительской кооперации. Когда были обговорены все дела, Маликов поднялся.

— Ты не уходи. Сейчас посоветуемся,— остановил его Бойко. Пригласив помощника, он попросил собрать аппарат райкома. Все тотчас пришли. Рассаживаясь на привычные места, обменивались дружескими замечаниями и шутками. Видно, здесь давно установилась обстановка доброжелательности, которая составляет основу душевного единения людей.

Первый секретарь был немногословен:

— Нас критиковали вчера мало, но это вовсе не значит, что мы работаем безупречно. Недостатков у нас, сами знаете... Делегаты конференции выдали аванс доверия, полагая, что мы будем работать сегодня лучше, чем вчера. Давайте сообща подумаем, как лучше выполнить решения конференции, замечания коммунистов.

Потом Бойко начал принимать посетителей. Директор совхоза «Артемовец» Иван Евгеньевич Рябчук приехал посоветоваться по поводу работы экономического совета. Пожилая женщина «заглянула на минуточку», чтобы сказать «Митричу спасибо» за оказанную помощь. Звякнул телефон. Кто-то из Ростова дотошно расспрашивал про семена. Бойко позвонил и в больницу, справился о здоровье Виктора Петровича Гончарова — председателя колхоза

РВЫЙ
ТАРЬ

Д. Д. Бойко.

имени Кирова. Едва положил трубку, как снова звонок — из племсовхоза «Горняк» докладывали о выполнении месячного плана продажи молока. Названивал телефон. Шли люди. Каждого Бойко выслушивал, давал советы, а когда нужно было что-то решить, то он, не откладывая, тут же связывался с нужными людьми.

В последние годы колхозы и совхозы, заметно окрепнув экономически, увеличили выпуск продукции. В Октябрьском райкоме пламенеет бархат знамен. Но Бойко заботит завтрашний день. Главное условие для новых успехов он видит в повышении культуры земледелия. Будут богатые урожаи — быстрее пойдет в гору животноводство. Эту мысль Бойко развивал и в отчетном докладе на конференции. Он ссылался на опыт бригады Михаила Ивановича Водяника, которая в последние годы получает с каждого гектара на три-четыре центнера больше, чем в среднем по району. Если все хозяйства поднимутся до этого уровня, можно получить дополнительно много зерна...

— Поедем-ка в «Россию». Обещал Семену Тихоновичу быть в четырнадцать часов...

У Бойко сохранились армейские привычки, лексикон. На фронте он был с первого и чуть ли не до последнего дня войны. Прошел нелегкий путь от командира взвода до командира стрелкового полка. Потом учился в академии имени Фрунзе. С 1946 года на партийной работе.

...Сизая лента асфальта бежит по всхолмленной степи. Справа и слева расстилаются припорошенные снегом поля. С животноводческими фермами соседствуют шахтные терриконы.

— У нас тут теснейший союз рабочего класса и колхозного крестьянства!— говорит Дмитрий Дмитриевич.— Сплошь и рядом муж — шахтер, жена — доярка...

Председатель «России» Семен Тихонович Пасеков и секретарь колхозного парткома Семен Петрович Мельников ожидали секретаря райкома. В председательском кабинете было уютно и тепло, но Бойко не стал засиживаться: «Пойдемте-ка на ферму».

По пути расспрашивал о ферме. И когда потянул тяжелую дверь коровника, знал уже, что тут по-прежнему хозяйничает Мария Леонтьевна Перевозкина, что есть и другие давние его знакомые, знал, сколько коров доится, какой рацион у животных. Из открытой двери пахнуло теплом и молоком, а до слуха донеслись скрежет транспортера, женские голоса. Возле самого входа в опрятных халатах сидело несколько женщин. Все они поднялись, заулыбались, и, обтирая рушниками влажные руки, протягивали их Дмитрию Дмитриевичу. Отвечая на приветствия, он почти каждую называл по имени и отчеству. С дружелюбной улыбкой заметил:

— Маловато надаиваете. В «Горняке» берут больше...

— Так то ж в «Горняке»! У них коровки не чета нашим.

— Это я к тому сказал, чтобы вы тормошили своего председателя, пусть улучшает стадо. А вас упрекать не могу — труженицы вы добросовестные. Может, силос плохой?— Бойко шагнул к кормушке и, взяв горсть массы, понюхал.— Хорош. И коровы, вижу, едят с аппетитом.

— Нынче на корма жаловаться грех, Дмитрий Дмитриевич. И коровок досматриваем по всем статьям, прогуливаем, кормим, поим вовремя. Не раздоились еще...

— С кем соревнуетесь?.. Обязательства какие?— допытывался Бойко. Спросил Пасекова:— Когда будете переходить на двухсменную работу? Кировцы и фрунзенцы уже перешли.

Пасеков пожал плечами:

— Людей маловато. Агитируем вот шахтерок.

— А вы и шахтеров агитируйте! Пусть жен отпускают. Внедряйте механизацию. В этом деле всегда поможем... А нужды у вас какие?

Женщины, переглянувшись:

— Пусть сельпо стиральных машин больше привозит!

— Холодильники тоже!..

Когда возвращались в правление, вспомнил про своих «крестников». Надежда Ивановна Трюхина — знатная телятница, депутат областного Совета. Ее муж — Андрей Павлович — один из лучших трактористов колхоза, депутат сельского Совета. Познакомился с ними секретарь райкома минувшим летом на заседании бюро, когда в один и тот же час рассматривались их заявления о приеме в кандидаты партии. Скромные люди, отличные труженики. Понравились Бойко, стали, как он сам как-то сказал, его «крестниками». И каждый раз, когда бывал в «России», непременно интересовался депутатской четой.

В правлении оказался и главный агроном И. В. Чубарь. Речь пошла о расстановке коммунистов, об использовании техники, о севооборотах и стимулировании людей. Секретарь райкома был доволен. Он поинтересовался, каков доход колхоза за прошлый год.

— Перевалило за полмиллиона,— ответил Пасеков.— А помните пленум райкома, на котором критиковали меня?

Бойко, конечно, помнил тот пленум. Тогда обсуждался вопрос несколько необычный: «О резервах передовых колхозов». Необычный потому, что везде и всюду склоняли отстающих, а передовиков неизменно ставили в пример, словно они достигли потолка. И в тот раз Семен Тихонович приготовился слушать похвалы: «Россия» была на хорошем счету. Каково же было его удивление, когда секретарь райкома убедительно доказал, что в «России», как и в некоторых других хозяйствах, еще плохо используются резервы, маловато берут с каждого гектара пашни. Колхоз который год, по существу, топтался на месте.

Пасеков уехал с того пленума мрачнее тучи. Несколько дней не появлялся в правлении,— отлеживаясь или меряя длинными шагами комнату, думал, считал, прикидывал, сопоставлял достигнутое с результатами лучших хозяйств области. И убедился: резервов, о которых вел речь секретарь, было много...

...Уезжали мы из «России» затемно. Впереди показался одинокий, застрявший на обочине гру[illegible]

— Эх, куда занесло! Не мог взять трошки левее,— сказал наш шофер Алексей Иванович.

— А ты помоги,— посоветовал Дмитрий Дмитриевич.

Солдат-шофер и еще два солдата укладывали хворост под колеса застрявшей машины. Звонкий голос приветствовал Дмитрия Дмитриевича:

— Здравия желаем, товарищ подполковник!

— Здравствуйте! — отозвался Бойко, всматриваясь в лицо ефрейтора.— Подполковник я, только в запасе. Откуда меня знаете?

— Бывали у нас в гостях. Вы Герой Советского Союза Дмитрий Дмитриевич Бойко... Однажды про бой на Днестре рассказывали, а в другой раз, как ездили на XXIII съезд партии...

Солдаты забрались в кузов. В той стороне, куда укатила их машина, застучали пулеметы. На полигоне шли учения. Бойко сказал: «Как услышу стрельбу, войну [illegible]

1941 год. Отступал долго. От Львова. Попадал в «котлы». И душевных и физических мук хлебнул полной чашей. Чем только не приходилось заниматься: ходил в разведку, командовал сборной ротой, сопровождал раненых... То было самое трудное время. Потом — ранение...

...Незаметно пролетели километры. Шофер остановил машину. Дверь открыл невысокий старик.

— Вот мы и дома,— сказал Бойко.— Знакомьтесь — отец. Теперь-то мы на дню по нескольку раз встречаемся, а была у нас одна очень памятная встреча. В сорок четвертом году. Остановился полк на короткий привал где-то под Яссами, а командиру некогда: много всяких хлопот и забот. Вдруг слышу знакомый голос: «Товарищ майор, разрешите обратиться?» Оглянулся — отец! Рапортует по всем правилам: «Гвардии рядовой Бойко Дмитрий Федорович...» Да не выдержал, пустил от радости слезу. «Вот, говорит, сынок, где довелось нам повстречаться, за тысячи верст от родной хаты»... Так было, батя?

— Так, так...

С партийного собрания вернулась жена Анна Антоновна. После ужина жена вспомнила: «Почта тебе. Письмо из Алма-Аты». Писали однополчане: «Дорогой наш командир! Жизнь у нас течет по-прежнему. Часто вспоминаем Вас и благодарим, как отца родного. Недавно опять вспоминали форсирование Днестра, а потом рассматривали фронтовые фотографии, думали, какой Вы сейчас? На снимке совсем молодой».

— Да, тот бой помнится всем, кто остался жив. Апрельским вечером подошел полк к Днестру. Что делать? Ждать, когда подойдут основные силы дивизии? Или форсировать реку на подручных средствах? К тому времени научились преодолевать водные преграды на бревнах, бочках, досках...

Наверное, он и сейчас переживал напряжение той ночи. Бойко принял дерзкое решение — форсировать Днестр без единого выстрела. Вслед за разведчиками на берег, занятый врагом, переправился и он, командир полка. Горсточка храбрецов захватила господствующую высотку и целый день отражала натиск врага. А когда переправились основные силы, полк устремился вперед.

Вот он какой, секретарь райкома. Он и теперь на переднем крае — в мирной донской степи.

Утром я встретил Бойко в райкоме. На нем были дорожные кожушок и сапоги...

Ростовская область.

Жар сердца — людям

И. ДУБРОВИНА

Если хочешь не ошибиться в оценке человека нашего поколения, узнай, что делал он в годы Великой Отечественной войны. В войне проверялся каждый. Каждый держал экзамен перед историей, перед собственной совестью, перед будущим. И слава тем, кто с честью выдержал этот экзамен.

Художник Николай Николаевич Жуков с первых же дней войны был солдатом в одной из действующих воинских частей. Вместе со всеми бойцами пережил он первые тяжелые месяцы войны, познал всю горечь поражений, исходил пешком болота и леса Калининской области, видел покинутые и разрушенные города и села, осиротевших женщин и детей. И в эти тяжкие и грозные дни, как и у всех, росли у него гнев и ненависть к врагу, мужала воля к победе и уверенность в ней.

На войну Жуков попал сложившимся художником, произведения которого получали уже все более широкое общественное признание. Отчетливо вырисовалась его творческая индивидуальность, убежденная приверженность лучшим традициям русского реалистического искусства. Его рисунки уже тогда пленяли тонким лиризмом, плакаты получали международные премии. Он первым начал создавать графические образы Маркса и Энгельса, сделав живые и достоверные иллюстрации к книге воспоминаний о них. Это был огромный труд, проникновение в сложнейший исторический материал, почти подвижничество тогда еще молодого художника.

Война отняла радость творчества, ставшего призванием Н. Н. Жукова, его страстью, жаром его сердца.

В первое время на фронте им владела только одна мысль — быть хорошим солдатом. Он решил, что его профессия не может быть поставлена рядом с тяжелой и главной на войне солдатской службой. Он стеснялся рисовать на фронте и прятал карандаш. Но сама война скоро внесла свою поправку. И карандаш, к которому невольно все же все чаще стала тянуться рука художника, очень скоро заявил о себе как сильное оружие в борьбе с врагом.

Почувствовав, что к штыку приравняли и его карандаш, Жуков со всей страстью включил свой талант во всенародную битву не на жизнь, а на смерть за свободу и независимость родной социалистической Отчизны. Он стал рисовать в любой обстановке. Он рисовал во время боевых переходов, под обстрелами и бомбежками, рисовал людей, бесстрашно идущих на смерть, делал наброски деталей трудовых военных будней. Сначала он стеснялся солдатских глаз, смотревших из-за спины, как он рисует, устроившись где-нибудь на пеньке или на лафете орудия. Потом почувствовал именно по реакции этих глаз как бы новое рождение творческих сил, растущую уверенность в необходимости своего искусства во всенародной борьбе за победу над фашизмом.

Солдат Жуков стал художником армейской газеты, затем — первым художником — военным корреспондентом «Правды». Вскоре Главное политическое управление Советской Армии дало ему ответственное поручение — создавать листовки, плакаты, предназначенные для разложения войск противника. В 1943 году Н. Н. Жуков был назначен художественным руководителем Студии военных художников имени М. Б. Грекова (где он бессменно работает вот уже четверть века). С этого времени он стал выезжать на фронт уже с бригадами студийцев, ведя оттуда постоянный репортаж, коллективно создавая художественную летопись Великой Отечественной войны.

Он мучительно переживал невозможность для художника угнаться за быстротой военных операций, завидовал фото- и кинокорреспондентам. В дневнике его сохранилась запись: «Событий на фронте всегда было много, и, как ни старались поспеть за ними художники, у всех всегда оставалась неудовлетворенность, порой даже злость на свои тихие инструменты творчества». Да, война, разумеется, не позировала, она требовала скорости рисунка, быстроты работы без поправок.

Но сам художник все же успевал много. С боевой оперативностью откликался он на задачи дня, на призывы партии и военного командования. Будучи политработником, я не раз видела на фронте плакаты и листовки художника, помню силу их воздействия на бойцов. Особенно запомнился созданный в 1941 году совместно с художником В. Климашиным плакат «Отстоим Москву!» и другой, рожденный в тяжком сорок втором, огромной гневной силы и экспрессии — «Выстоять!». Много фронтовых зарисовок, портретов, натурных композиций, набросков Жукова не раз демонстрировалось на выставках и во время и после войны.

Так военная тема стала неотделимой от творчества художника. Как бы завершением ее явились превосходные рисунки, сделанные Николаем Николаевичем на Нюрнбергском процессе в 1946 году. Хорошо, что они скоро увидят свет в подготавливаемой к изданию новой книге об этом процессе Бориса Полевого.

В силу своей художнической индивидуальности Жуков не стал баталистом, в его работах не найдешь массовых сцен сражений. Но раскрытие им душевной красоты и мужества советских людей, героев фронта и тыла, воплощение высокого морального духа армии и народа, тысячи запечатленных деталей, дающих картину войны во всей ее правде, ставят его в ряды правофланговых среди военных художников нашей страны.

За годы работы в условиях войны окреп и возмужал талант художника, сложился его графический стиль, отточились простота, лаконизм и мастерство рисунка. И суровость военных лет подготовила Жукова к решению новых больших и ответственных тем.

Победа вернула художнику возможность полностью отдаться любимому искусству. С первых же мирных дней он был уже полон новых творческих замыслов. Еще в военные годы, как бы продолжая тему — вожди революции,— Н. Н. Жуков начал работать над созданием образа В. И. Ленина. А после войны эта тема стала и до сих пор — вот уже более 25 лет — остается главной и самой любимой в творчестве художника. Над нею он работает с великой ответственностью, трудолюбием и высокой требовательностью к себе. Именно это и дало основание Г. М. Кржижановскому сказать, что Жуков «овладел тайной изображения Ленина таким, каким он был».

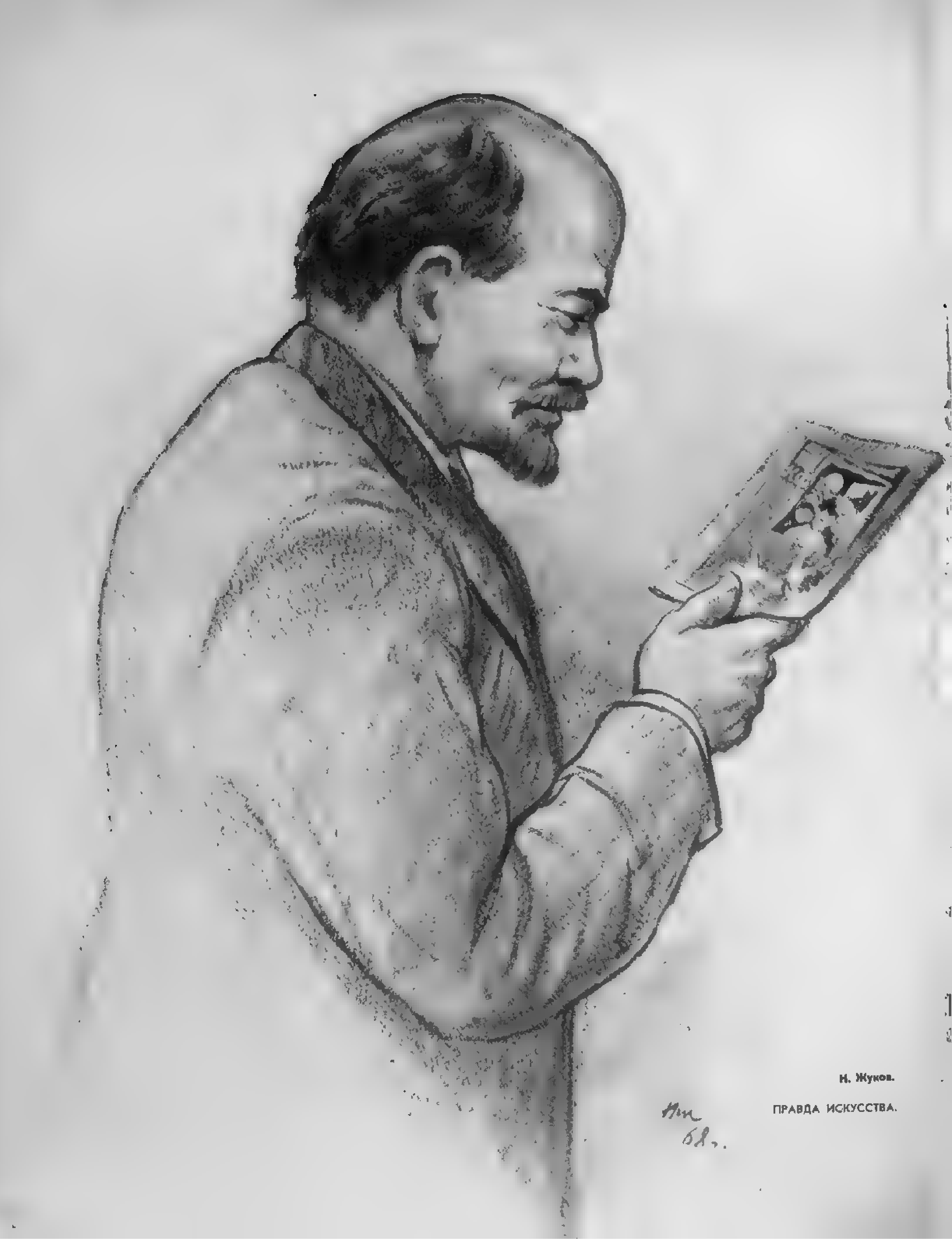
Ленин у Жукова лишен плакатной условности и монументальной статичности. Художник упорно ищет и стремится выразить свое видение Ленина, у него свой почерк в создании этого образа. Человечность Ленина выступает у него на первый план, человечность вождя и учителя, всегда бывшего в самой гуще и во главе самых глубинных народных масс. Ленин красив в изображении Жукова. И в этом — правда образа, ибо он действительно был красив красотой величайшего интеллекта и несгибаемой воли гения революции.

Революционная страстность и глубокая сосредоточенность мыслителя. Умение видеть далеко вперед, «землю всю охватывая разом, видеть то, что временем закрыто». Собранность, дисциплинированность, государственная прозорливость, требовательность, умение ценить свое и чужое время. Непримиримость к врагам и человеческое внимание к товарищам, близким, детям. Подлинная величайшая скромность. Все эти ленинские черты находят свое воплощение в произведениях Жукова.

На страницах номера — лишь несколько работ из более чем полутора тысяч рисунков и акварелей, которые художник посвятил Владимиру Ильичу. Но и они дают основание судить о правдивости образа. Вот стоит недавно оправившийся от тяжелого ранения Ленин. Во всей позе — радость выздоровления. А на лице — следы недавно пережитого волнения и уже спокойная уверенность и гордость: произошло то, в чем он не сомневался, что предвидел, что должно было произойти, хотя и добытое дорогой ценой: «Симбирск наш! Симбирск — цитадель на Волге — наш!» Крупная победа в еще бушующей граждан-

Н. Жуков. СИМБИРСК НАШ!

Н. Жуков.

ПРАВДА ИСКУССТВА.

СИМБИРСК 1870—80-х ГОДОВ.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В УЛЬЯНОВСКЕ.

Н. Жуков. Н. К. КРУПСКАЯ, 1890-е годы.

ской войне против контрреволюции. И вместе с гордостью за сегодняшний день — невольные воспоминания: Симбирск — город, где родился, где прошли детство и юность... Прекрасна эта акварель Жукова. Ее колорит, композиция создают мужественный, выразительный образ Ленина.

Другой рисунок — «Правда искусства». В основе — подлинный факт, удачно воплощенный Жуковым, отражающий ленинское отношение к людям и искусству. Ильич держит в руке репродукцию с картины Н. А. Ярошенко «Всюду жизнь». Это было на квартире М. В. Фофановой в один из дней октября 1917 года, когда Ленин собирался, покинув подполье, отправиться в Смольный, чтобы возглавить вооруженное восстание петербургского пролетариата. Увидев на письменном столе репродукцию и с задумчивой улыбкой взяв ее в руку, Ильич сказал: «Вот замечательный художник» — и добавил: «Подумайте, это кадровый военный человек, и, представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!» А затем, посмотрев еще одну репродукцию с картины Ярошенко «Заключенный», закончил словами: «Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

И Ленин не забыл отдать дань, и не только одному художнику, но и всему искусству страны — художникам, писателям, артистам,— явив образец уважения и внимания к талантам.

Горячее желание создать к великой дате — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина — новые произведения о вожде пролетариата потянуло художника на родину Ильича — в Ульяновск. Там он знакомился с документами, делал зарисовки с натуры, стараясь воспроизвести город таким, каким Симбирск был в годы детства Володи Ульянова. Некоторые из новых набросков и этюдов напечатаны на вкладке номера.

Прикасаясь к прошлому, Жуков вынашивал новые сюжеты своих произведений. Вот один из них. Мать Володи, Мария Александровна, стоит, наклонившись, вытянув вперед обе руки и осторожно выпускает из них своего маленького сына. Первые шаги. И на лице у матери, в ее глазах искрящаяся радость: «Пошел! Пошел!..» Или другой сюжет. Володя — юноша. Он стоит босой, в русской рубашке с расстегнутым воротом, опершись о ствол яблони. В руке — книга. Задумчивый взор устремлен вдаль. И кажется, что мысль его проникает в будущее, чертит первые планы перестройки мира. Невольно вспоминаются слова В. В. Воровского, посвященные Владимиру Ильичу: «Подобно какому-то сказочному дереву пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в те заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий. К ужасу жрецов и хранителей этих ценностей, тащит он их непочтительно и бесцеремонно вниз, к питающим его корни массам, а в обмен — к еще большему ужасу этих священнослужителей — бросает в их тихие, лазурные высоты дерзкие и властные требования пролетариата. Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса не только России, не только Европы, но всего мира...»

На последнем листе сегодняшней вкладки перед нами молодая Крупская. Видимо, это 90-е годы прошлого века. Надежда Константиновна, уже марксистка-революционерка, увлеченно работала тогда в Смоленской вечерне-воскресной школе за Невской заставой, нелегально знакомя рабочих с марксистскими идеями. Это там один из ее пожилых учеников в благодарность за то, что научила его грамоте, пожелал ей «удалого» жениха». А вскоре Надежда Константиновна стала невестой Владимира Ильича Ульянова, чтобы получить право отбывать срок своей ссылки вместе с ним в селе Шушенском и здесь уже навсегда соединить с ним свою жизнь.

Продолжая неустанно работать над образом Ленина, художник не перестает чувствовать себя должником перед этой великой народной темой.

В дни 50-летия Октября Н. Н. Жуков отдал оригиналы своих работ — лучшее из созданного им за четверть века — в дар городу Ульяновску как дань бессмертному вождю человечества.

Неразрывно и органически ленинская тема в творчестве Жукова связана с другой темой, без которой нельзя себе представить характеристику художника. Эта тема — дети. Как-то пришлось мне услышать снисходительное замечание в адрес рисунков, изображающих Ленина с детьми, как о некоей сентиментальности, чуть ли не принижении образа вождя. По правде сказать, меня поразила близорукость и ограниченность этого суждения. Нет, в самой жизни неотделимы эти темы. И не надуманно, естественно возникли в творчестве Жукова рисунки, где видим мы великого вождя то окруженного любопытными деревенскими ребятами, то весело играющего с малышами, то по-серьезному разговаривающего с подростками на какие-то важные темы. Отцовской лаской светится лицо Ильича, когда он веселится с ребятами детского дома на елке в Сокольниках. И сквозь его заразительный смех угадываем мы ленинскую заботу о детях. На другом рисунке к Ильичу доверчиво прислонился мальчуган в большом буденновском шлеме, рассматривающий игрушечного коня. Взгляд Ленина задумчив. Быть может, видит он мысленно тракторы, которые в не столь уже далеком будущем поведут сверстники этого мальчика по полям страны. Через детей вглядывался Ленин в будущее, в них видел он тех, кому история поручит продолжать дело отцов, строить коммунизм.

Рисовать детей — великое искусство. Надо владеть мастерством быстрого и безошибочного рисунка с натуры, столь подвижной и беспокойной. Надо — и это еще важнее — быть одновременно художником, психологом и педагогом. И, конечно, надо по-настоящему любить детей, уметь входить в их особый мир, который они далеко не каждому приоткрывают. Жуков счастливо сочетает в себе все эти качества. Для него «дети — это большой и особый народ». Блестящий мастер молниеносного рисунка (которому, как часто шутят его друзья, научили художника дети), он владеет еще бесценным даром войти в душу ребенка, открыть ее каким-то волшебным ключиком и с любовью, нежностью, мягким юмором уловить и так передать в своих рисунках движение, мысль, переживание ребенка, что и зритель начинает видеть детей по-новому, часто приоткрывая для себя то, что ранее оставалось непонятным. Вспомните широко известные «Зоркий глаз», «Жарок» «Жарок прошел», «Сказки Пушкина», «Взгрустнулось», «Своя мысль», «Обида проходит», «Ку-ку!», «Под впечатлением», «Реактивный», «Парень с характером», «На шлюзе» и многие-многие другие работы. Как рассказывает сам Николай Николаевич, его молниеносным рисункам обязательно предшествует знакомство с маленьким натурщиком: «Прежде чем рисовать ребенка, я должен непременно с ним поиграть. Тогда только понимаешь настоящий характер этого маленького человека».

И художник подолгу наблюдает за ребятами, делает записи, схватывает характерное для каждого ребенка и обобщает характерное для всех советских детей, отчетливо несущих в себе черты новой эпохи, нового строя, новой психологии народа.

Широк диапазон и других тем в творчестве Н. Н. Жукова. Он выступает прежде всего как мастер портрета. Его герои — это наши современники: люди труда, науки, искусства. В их портретах тоже глубокое психологическое раскрытие характеров, умение художника «извлекать суть души» человеческой. Целая портретная галерея борцов за мир могла бы составиться из рисунков, сделанных художником на различных международных конгрессах. Многочисленны зарубежные зарисовки, выполненные в разных странах мира. Созвучными призыву к бдительности, горячо звучащему и сейчас, стали иллюстрации художника к бессмертной книге Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее». И рядом с острой публицистичностью во многих работах Жукова нежная лирика, изящные пейзажи, красивые цветы.

Рисунок и акварель, плакат и книжная иллюстрация, карандашные и перовые наброски, станковая графика — во всем этом находит свое воплощение талант художника. И во всем этом — ясность и прозрачность стиля, изящество и элегантность вкуса, сочетание мужественности и нежности.

Не так давно художник энергично расчистил свои архивы и сжег около трех с половинной тысяч рисунков. Но и после этой жестокой самокритики, строгого отбора личные «запасники» художника полны работ, многие из которых никто не знает, кроме разве самых близких его друзей. Лишь незначительная часть из созданного за многие годы увидела свет на выставках и в книгах. И возникает общий вопрос. Вероятно, в личных архивах многих других художников-графиков также хранятся, никогда не представая перед зрителями, сотни и тысячи интересных и талантливых произведений, в которые вложены труд, вдохновение, мысль, любовь к людям. Но думает ли кто-нибудь о судьбе этих работ? Заботится ли кто-нибудь о том, чтобы созданное для народа в наиболее полной мере стало достоянием народа? А подумать и позаботиться об этом стоило бы. А ведь есть немало организаций, которые призваны изучать, ценить, отбирать и размножать в достойных тиражах все лучшие и по-настоящему талантливые произведения художников-графиков.

В декабре этого года народному художнику СССР Николаю Николаевичу Жукову исполняется 60 лет, из которых более 40 отданы искусству.

После поры юношеской влюбленности в искусство давно уже наступила пора зрелости и сопутствующая ей все более возрастающая требовательность к себе, неутомимое стремление к дальнейшему совершенствованию, к достойному выполнению высокого долга советского художника, идущего в общем строю всенародной борьбы за победу коммунизма.

Подчеркивая великую миссию художника, еще Гете писал: «Мы нуждаемся в художнике даже в минуту величайшего счастья и величайшей беды». Но время неизмеримо возвысило роль и гражданское назначение художника в новую эпоху. Это прекрасно выразил А. М. Горький: «Художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он — голос своей эпохи».

Советский художник — активный борец за светлое коммунистическое будущее человечества — вот тот главный критерий, которому должно отвечать его творчество. Именно этот дух коммунистической убежденности, народности и партийности пронизывает творчество художника Жукова. Глубокая принципиальность, правдивое отражение идей нашего времени, сила и страстность чувств, разоблачение зла и защита добра — вот к чему стремится художник.

Успех в творчестве Н. Н. Жукова рождается его талантом, помноженным на неустанный, терпеливый и вдохновенный труд. Источником его вдохновения является жизнь, наша современная жизнь, неизбежно противоречивая в ее борьбе нового со старым, но удивительно богатая своей социальной сущностью, своей неумирающей красотой. Художника не покидает чувство радости жизни, ее солнечного спектра, отраженного в людях. Он умеет понимать и любить людей, жить для них. Им отдает он жар своего доброго, умного сердца.

И люди отвечают ему высокой оценкой его творчества и горячей признательностью. Более чем в 60 городах побывала за последние годы выставка оригиналов работ Н. Н. Жукова. Десятки тысяч записей заполнили книги отзывов. И во всех этих записях рабочих, колхозников, инженеров, учителей, солдат звучит искреннее «спасибо» за доставленное чувство радости и просветленности, за подлинный оптимизм, за правдивость и жизнелюбие. «Никогда не думал, что простой трехкопеечный карандаш может так сильно выразить гнев, любовь и радость», «Сюда надо приводить скептиков для полного их излечения», «Творчество художника — прекрасная музыка, поэзия, прославляющая самое прекрасное на нашей планете — человека, да еще нашего советского человека. Спасибо! Спасибо!»

Так говорит зритель.

5 ДЕКАБРЯ — ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР.

НОЯБРЬ 1917 ГОДА

«Товарищи трудящиеся! Помните, что ВЫ САМИ теперь управляете государством... ВАШИ Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы...

5-го ноября 1917 г.
Петроград

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

СЕГОДНЯ

— 2 миллиона депутатов решают в Советах большие и малые проблемы жизни государства.

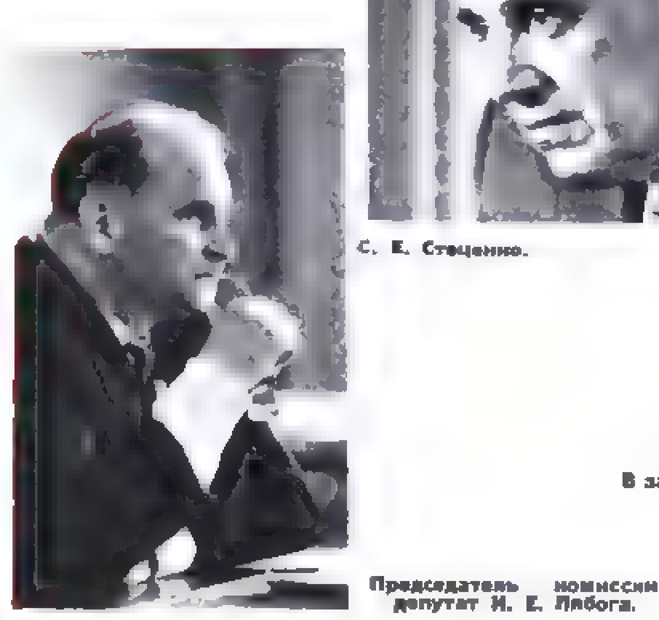
— Депутаты от 58 национальностей представлены в Верховном Совете СССР.

— 425 женщин избраны в Верховный Совет СССР, это превышает число женщин в парламентах всех капиталистических стран, вместе взятых.

Накануне Дня Конституции наш корреспондент ведет репортаж из Президиума Верховного Совета Украины.

В этом здании — парламент Советской Украины.

С. Е. Стеценко.

В зале заседаний.

Председатель комиссии депутат И. Е. Лябога.

Так рождаются законы...

А. СТАСЬ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Неподалеку от крутых склонов Днепра стоит светлое здание с колоннадой. Над ним развевается красно-голубой флаг. В этом здании помещается парламент Советской Украины.

Здесь происходят сессии Верховного Совета республики, тут принимают законы, утверждают государственные акты...

Круг вопросов, обсуждаемых высшим органом народной власти республики, очень широк. Мы решили познакомиться с одной из сторон деятельности Верховного Совета — с работой его постоянных комиссий. Знакомство началось с интервью.

РАССКАЗЫВАЕТ ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ ССР СТЕПАН ЕМЕЛЬЯНОВИЧ СТЕЦЕНКО.

ПО ПРИМЕРУ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

Первый вопрос вопреки ожиданию задал не корреспондент, а сам интервьюируемый.

С. СТЕЦЕНКО. Вы не знакомы с Александром Ивановичем Романюком?

КОРРЕСПОНДЕНТ. К сожалению, нет.

С. СТЕЦЕНКО. Познакомьтесь при случае. Интересный человек. Не так давно в Луганск со всей области съехались люди, которые занимаются орошением земли. Специалисты земледелия, руководители колхозов и совхозов, инженеры, научные работники — словом, народ собрался знающий, чем-либо удивить его трудно. А стал говорить Романюк — и привлек всеобщее внимание. Человек он простой, работает в колхозе на Херсонщине звеньевым и рассказывал вроде бы о вещах обыкновенных: о том, какие богатые урожаи собирает его звено с поливных участков, как добилось оно отличных результатов при малых затратах средств на центнер продукции. Но как рассказывал! Образно, мудро, будто увлекательную книгу вслух читал.

А затем его пригласили к себе луганские студенты, старшекурсники сельскохозяйственного института. Аудитория, конечно, уже другая, и подход к ней другой нужен. Романюк и тут выступил с блеском. Прямо-таки очаровал молодежь.

Романюку, как депутату Верховного Совета и члену комиссии по сельскому хозяйству, было поручено выехать во главе группы специалистов в Луганскую область, чтобы выяснить, почему там не в полную меру используются тракторы. Александр Иванович мог бы проверить все, что нужно, и на этом поставить точку — контроль есть контроль. Но он не только докапывался до корней, но попутно кое-что и из собственного опыта передавал. По возвращении группы на заседании комиссии по сельскому хозяйству разгорелась жаркая дискуссия. Были выработаны конкретные рекомендации для министерств и ведомств, которые занимаются проблемами механизации.

Вот вам будни одной постоянной комиссии Верховного Совета. Из множества подобных примеров и складывается разносторонняя и, должен подчеркнуть, весьма сложная деятельность людей, которые облечены высокими полномочиями решать государственные дела.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы имеете в виду высокие полномочия депутатов Верховного Совета республики?

С. СТЕЦЕНКО. Не совсем так. Речь идет не только об избранниках народа с депутатскими мандатами. Особенность постоянных комиссий в том, что в их работе принимают участие рабочие и ученые, юристы и инженеры, педагоги и финансисты, колхозники и деятели культуры. В той же самой группе депутата Романюка были работники Министерства сельского хозяйства, комитета народного контроля и специалисты из «Укрсельхозтехники». Разумеется, депутаты Верховного Совета составляют в подобных «операциях» боевое ядро.

Когда-то у нас было три-четыре постоянных комиссии, теперь — восемнадцать. Они занимаются подготовкой и рассмотрением законопроектов, дают свои заключения по планированию и бюджету, контролируют работу тяжелой, химической, легкой и местной промышленности, строительства, транспорта, связи, торговли, службы быта, коммунального хозяйства. В поле их зрения, конечно, и здравоохранение и народное образование, наука и культура, вопросы охраны природы. Как видите, круг обязанностей комиссии таков, что просто необходимо привлекать к делу многих активистов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Очевидно, решение больших дел требует и немалых прав. Достаточно ли прав у постоянных комиссий?

С. СТЕЦЕНКО. Историки и наука о государстве и праве еще не раз будут ссылаться вот на этот советский документ как на нормативный акт высокого демократического звучания. Я имею в виду Положение о постоянных комиссиях. Изучите эту небольшую книжечку. Чтобы ответить на ваш вопрос, я процитирую некоторые ее пункты. Статья первая гласит: «Постоянные комиссии Верховного Совета Украинской ССР являются органами Верховного Совета Украинской ССР, которые призваны всесторонне изучать и предварительно готовить вопросы на рассмотрение Верховного Совета, способствовать проведению в жизнь законов и постановлений, принятых Верховным Советом Украинской ССР, осуществлять от его имени систематический контроль за деятельностью министерств и ведомств республики». Ознакомьтесь с Положением, и вы убедитесь в том, что постоянные комиссии наделены большими правами. По поручению Верховного Совета, его Президиума или по собственному усмотрению они готовят проекты законов, дают свое

заключения об изменениях в действующем законодательстве. Следовательно, такой высокий, авторитетный орган, как комиссия, в основу деятельности которой заложен принцип тесного сотрудничества с народными массами, пользуется правом контроля и правом законодательной инициативы. Ни один парламент капиталистического государства не имеет ничего подобного, да и не может иметь.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да, права даны огромные. Как они осуществля[redacted]

С. СТЕЦЕНКО. Приведу пример. Планово-бюджетная комиссия изучила и уточнила расчеты по 32 министерствам и ведомствам и внесла поправки в государственный бюджет республики по доходам и расходам на 7,5 миллиона рублей. На эту сумму возросли расходы местных бюджетов. Это — благоустройство городов и поселков, капитальный ремонт школ, больниц, клубов.

Или год нынешний. Не так давно комиссия по торговле и общественному питанию заслушала доклад министра торговли УССР Г. Я. Сахновского о повышении культуры обслуживания. Интересно, что в ходе подготовки этого вопроса трудились не только члены комиссии, но и коллектив торгово-экономического института, а также работники филиала Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению спроса на товары народного потребления и конъюнктуры торговли. В Киеве и в трех областях республики была распространена специальная анкета, на вопросы которой ответили свыше пяти тысяч покупателей и продавцов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. На одной из сессий Верховного Совета республики как раз и обсуждался вопрос культурного и бытового обслуживания населения. Видимо, он был вынесен на повестку дня депутатами, членами постоянных комиссий?

С. СТЕЦЕНКО. Вы правы. Так большей частью и происходит. Таким же образом возник у нас и вопрос о транспорте. На второй сессии Верховного Совета республики постоянные комиссии внесли ряд предложений, чтобы улучшить работу автохозяйства. Не так давно министр И. И. Братченко доложил, что многие предложения выполнены: открыто 900 новых городских и пригородных маршрутов, улучшилось обслуживание на автовокзалах. Это хорошо. Но плохо, что графики движения пассажирских автобусов еще нарушаются, есть недовольства работой такси.

И другое выяснили комиссии. Мы благоустраиваем города и села. Меняется их облик, они становятся красивее, культурнее. Но и тут не все гладко. Как оказалось, нет перспективных проектов, мы еще четко не представляем себе, какими должны быть города и деревни, скажем, через двадцать лет. А ведь уже сейчас нужно думать об этом. Словом, примеров много. И все они говорят о силе советской [redacted]. Советую теперь вам познакомиться с людьми, которым дано и с министров спрашивать и проекты новых законов готовить.

ИНТЕРЕСЫ ОБЩИЕ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ...

На юге Полтавщины есть молодой завод по производству литья и штамповок, от которого зависят успехи вагоностроителей. Завод как завод, и тому же еще не достроенный. Я бывал в Кременчуге не раз, видел в городе предприятия покрупнее и помощнее. Почему же именно к этому заводу столь повышенный интерес у людей с депутатскими значками? Они прибыли в Киев из Днепропетровска, Харькова, Запорожья, Одессы и собрались в Красном зале Верховного Совета.

Ответ — в кратком диалоге, что состоялся при нас.

Продолжая разговор, начатый два часа назад, депутат Иван Ефимович Лябога спокойно, но твердо произнес:

— Есть основания думать, что в союзном Министерстве тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения отношение к кременчугскому заводу более чем рав[redacted]

Представитель министерства Михаил Георгиевич Гуторов возразил:

— Нет, нет, мы понимаем, какое значение имеет этот завод. Если бы предприятие начало работать на полную мощность, то мы имели бы дополнительно несколько тысяч вагонов.

— Стало быть, нужный завод? И мы на том стоим,— кинул Лябога.— Но нас не устраивают темпы. Предприятие строится медленно. Оборудования завезено на миллион с гаком, а технической документации еще нет, до сих пор не разработана технология производства основных цехов. Строительство и без того затягивается, а министерство готово еще дальше отодвинуть срок сдачи завода. Правильно поступает министерство?

Гуторов не спешит с ответом.

— Конечно, неправильно! — бросают реплику из зала.

— Передайте, пожалуйста, министру товарищу Жигалину, что мы приглашаем его посетить завод в Кременчуге. Приезд министра, несомненно, будет полезен.

Заведующий отделом Президиума Верховного Совета УССР Иван Петрович Доленко (он посвящает нас во все тонкости работы постоянных комиссий) наклоняется ко мне и тихо говорит, показывая глазами на Лябогу, председательствующего на заседании:

— Иван Ефимович — добрейшая душа, обаятельный человек, а сегодня крут. Дело уж очень серьез[redacted]

Слева и справа от нас за длинным столом сидят депутаты, руководители строительных и проектных организаций, сотрудники Госплана, министерства республики, директора заводов. За столом напротив — депутат Надежда Николаевна Прокопова, токарь одного из машиностроительных заводов. Она что-то быстро пишет в блокноте, должно быть, готовится к выступлению. Чуть поодаль напряженно морщит лоб Анатолий Андреевич Короткевич, начальник Главхиммашстроя Украины — организации, которая возводит предприятия тяжелой индустрии. Высокий пост. А выступил перед депутатами Короткевич нескладно, говорил как-то расплывчато, туманно. Ему и сказали: «Общие фразы ни к чему, никакой пользы от них, только трата времени. Не оправдания нужны, а мысли о том, как подвинуть дело, как быстрее ввести в строй производственные мощности завода имени газеты «Правда» в Днепродзержинске, вагоностроительный завод и завод литья и штамповок в Кременчуге».

Да, очень серьезное дело обсуждают члены комиссии. И Лябога, председательствующий на заседании, вовсе не случайно предъявил претензии приехавшему из Москвы представителю министерства. Он хотя и гость в этом зале, но интересы-то общие, государственные. Вагоны нужны всем.

И КИНОЗВЕЗДЫ БЫТЬ ДОЛЖНЫ!

Невольно подумалось: вот Иван Миколайчук, который так удачно сыграл в фильме «Тени забытых предков», или Таисия Литвиненко, киноактриса, вероятно, готовят новые роли, может быть, сейчас где-то на съемках находятся. Знают ли они, что в Верховном Совете республики о них разговор идет? Об их творческом труде, мастерстве, о сложностях их очень нужной профессии, о том, чтобы огорчений было у них меньше, а успехов — больше, чтобы талант их ярче проявлялся, и даже о том, почему у них бывает хорошее или плохое настроение...

Пусть знают: такой разговор состоялся. Острый, горячий. Ольга Яковлевна Кусенко тоже присоединилась к нему. Мы ее привыкли видеть на театральной сцене, а тут народная артистка страстно ратовала за кино. Впрочем, это вовсе не означало, что актриса изменила своей творческой привязанности.

...Тот же Красный зал. За столом уже другие люди. И речи другие. Профессор Юрий Юрьевич Кондуфор ведет заседание комиссии по вопросам науки и культуры.

Только что выступил с докладом Святослав Павлович Иванов, писатель и журналист, председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров УССР. И начался обмен мнениями о путях дальнейшего развития украинского кино. Перед этим Ольга Яковлевна Кусенко провела несколько дней на киностудии имени Довженко. Не только потому, что она, как и многие из нас, большая поклонница киноискусства. На этот раз ей нужно было проверить свои мысли, соображения, чтобы высказать их в Верховном Совете.

— Две проблемы,— заявил председатель комитета,— особенно волнуют кинематографистов: подготовка актеров, режиссерских кадров и сценарии.

О кинодраматургии пусть судят знатоки, а вот что касается киноактеров, то тут Ольга Яковлевна имеет свою точку зрения. Она глубоко убеждена: работа с ними ведется зачастую не так, как следовало бы.

— Иногда слышишь, что на Украине не часто загораются «кинозвезды» первой величины,— говорит она.— Если это так, то необходимо выяснить: почему? Думаю, что вовсе не от бедности талантов. Наши студии увлеклись приглашениями на ведущие роли актеров «со стороны». Это куда легче, чем самим воспитать творческую индивидуальность. А почему к участию в фильмах очень робко приглашают актеров театров, особенно областных? Не кустарно ли решается проблема подготовки режиссеров? Раньше на Украине был киноинститут, ныне мы пытаемся обучать режиссеров на одном из факультетов театрального института. Там их всего несколько человек. Ни размах, ни тем более качество такой подготовки не радуют...

На вопросы к докладчику не скупились.

— Почему на Украине мало выпускается фильмов для детей?

— Чем объяснить, что прокатом фильмов занимается несколько ведомств?

— Как случилось, что на недавнем кинофестивале в Москве украинская кинохроника получила высокую оценку, а художественных фильмов украинские студии [redacted]

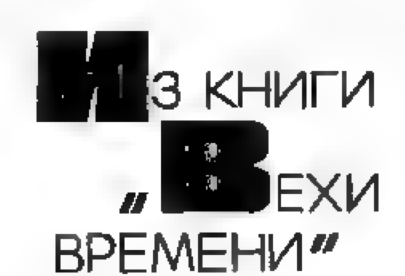
— Нынешние формы кинорекламы порой противоречат эстетике. Что думает предпринять Комитет по кинематографии?

— Одесская киностудия от фильма к фильму теряет украинский колорит. Какие по этому поводу соображения?

Выясняли сообща — и кинорежиссер Т. Левчук, и кинодраматург А. Левада, и горловская работница Т. Ластовецкая, и львовянка М. Ких, в прошлом швея, а ныне общественная деятельница. Получали порой любопытные ответы. Оказывается, кинопродукция Украины самая экономичная в стране, но, к примеру, студия имени Довженко больше чем 10—12 фильмов в год выпускать не может, потому что ей кем-то такая цифра «предписана».

Разговор продолжается.

Мне припомнилось, как однажды во Львове, вручая области орден Ленина, Анастас Иванович Микоян говорил, что на заре Советской власти приходилось часто созывать высоких представителей народной власти и членов правительства — распределяли соль, мыло, керосин... Сегодня в парламенте моей республики звучат речи под девизом: все для человека, самое лучшее — человеку. Труд актера и искусство — это ведь тоже для человека.

Николай БРАУН

* * *

Я словом слит,
Я делом слит,
Я сердцем слит с землей,
Как будто с нею я прошит
Единою иглой.

Я — мысль ее,
Я — смысл ее,
Я руки отдал ей,
Чтоб утверждалось бытие
Земных, как я, людей.

И нет счастливей бытия,
И нет его трудней:
Земли колосья — это я,
Земли тропинки — это я,
И ветра вздох,
И плеск ручья —
Всё я в слиянье с ней!

* * *

Поэзия — моя опора.
В ней все: и выдох мой и вдох...
Нет, время! Ты меня так скоро,
Как ни грозись, не свалишь с ног.

Не зря я взял уже вначале
Такой разбег, разгон, разлет,
Где и не думал о причале,
Где мрак не застил небосвод.

Не зря я сбрасывал с разгона
Все, что мешало мне расти,
Одолевая неуклонно
Непроторенные пути.

Я закалял себя в ненастье,
Как брус железа на огне,
И, малодушью неподвластен,
Как пехотинец на войне,
Шел с полной выкладкой, готовый
К беде любой,
К грозе любой,
И поднимал оружье слова,
И принимал как надо бой.

Пусть жизни полдень сменит
вечер,
Еще не вызвездило ночь,
Еще иду заре навстречу
И тень отбрасываю прочь.

Нет, время!
Скорою порошей
Не заметешь тропу мою!
Еще на полную подошву
Идут слова мои в строю.

СВЕТ И МРАК

Свет.
А что такое свет?
Он один для всех планет.
Вестник солнца,
Вестник дня,
Вестник жизни для меня.

Мрак.
А что такое мрак?
Он один во всех мирах.
Это ночи темнота,
Подземелий чернота.

Свет — рожденье всех надежд,
Цвет улыбок и одежд,
Искра в капле дождевой,
Луч любви моей живой.

Мрак — тюрьма, где нет окна,
Где надежда сожжена,
Душ надменных слепота,
Глухота
И немота.

Мир — в боренье:
Мрак и свет;
В столкновенье:
Да и нет.

ЧТО ТАМ, НА РОДИНЕ?

Что там, на родине, там, где я
рос?
Так же ль раскидисты ветви
берез?
Так же ль таинственны звезды
ночей?
Так же ли звонок под горкой
ручей?
Так же ль всю ночь до утра, до
светла
Свищут заливисто перепела?
Так же ли жгуча на зорьке роса?
Что там? Какие еще чудеса?

Так же ли зимы метелицы вьют?
Что там за песни сегодня поют?
Что там поют? Как поют без
меня
Там, где, когда-то ликуя, звеня,
Падали жаворонки в зеленя?

Что там, на родине вечной весны,
Там, где оставил я детские сны?
Там, где в березовой тишине
Сказки, как гости, сходились ко
мне?
Что там, на родине, в тихом краю,
Там, где оставил я душу мою?

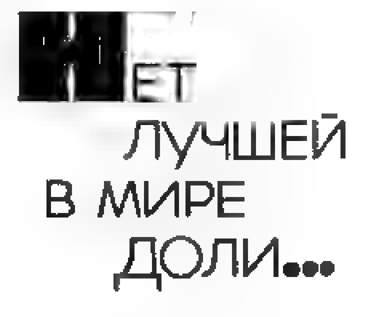
* * *

Как тебя мы, слово, расшатали,
Разбазарив золото на медь!
Все ищу среди зимы проталин —
Было бы чем душу отогреть.

Сами мы, как видно, виноваты,
Если вдруг ложатся строк пласты
То, как лунный свет, холодноваты,
То витиеваты и пусты,

Если эти строки, не болея,
Не терзаясь муками земли,
Поросли крапивой да пыреем,
Мутною полынью поросли.

Вымучено, выломано, смято.
Где ты, слово — пахарь и солдат?

Николай ШУМАКОВ

РАБОТА

Здесь парни шутили:
«Сказано — амба!
Будет у нас комсомольская дамба!»

Рычали бульдозеры, «МАЗы» ворчали,
Никто не мешал им пустыми речами...

И солнце глядело с улыбкою зорко
И было союзником верным комсорга.

Комсоргом был я — не по собственной воле,—
Но этой судьбою был, впрочем, доволен.

Стекали слезинками капельки пота.
Работа — до пота,
Вот это работа!

Вручную ворочали землю лопатами,
А вечером грызли науку за партами.

Прощаясь в субботу,
ребята-ровесники
Бросали: «До встречи, друзья,
на воскреснике».

А в миг перекура, в минуты антракта,
Когда затихали и кайла и тракторы,—

Неслась в небо песня легко и отчаянно,
Сердца будоража, как юность Корчагина!

* * *

Ты не стыдись своих рабочих рук,
То не беда, что есть на них мозоли.
Ведь человеку труд — хороший друг,
И с ним дружить — нет лучшей в мире доли.

Для жизни руки все нам создают;
Не потому ли мир могуч и молод?!
Их скромных дел столетья не сотрут:
Не зря на флаге символ — серп и молот.

Своих рабочих рук, мой друг, не прячь.
Пускай груба на пальцах стала кожа,
Зато ты сердцем нежен и горяч,
А твердость рук с хорошей сталью схожа!

* * *

Мне веровать в тебя, моя Россия!
Так веруй ты в меня,
Как сын, прошу.
Мальчонкою испил
Твоей росы я,
И этим и живу я и дышу.

И запахов земли
Не позабыл я.
И сквозь года,
В которых бьет гроза,
Глядят твои
Рублевские, святые,
Веками освященные глаза!

Где ты, слово — красоты глашатай,
Слово — гром, и молния, и град!

Стань же снова чудом
первозданным,
Первородной силой заострись
И, развеяв тени и туманы,
Нá землю, как пахарь, обопрись!

ЖАВОРОНКУ

Как же так — я до сих пор не
понял,
Обошел, и словно затаил,
И на крылья строк своих не
поднял
Крылышки веселые твои?

Разбегутся тени вешней ночи,
Зябкие проснутся зеленя,—
Ты взлетишь, трепещущий
птенчик,
Заливаясь, радуясь, звеня.

Ничего не видя и не слыша,
Колокольцем голоса звуча,
Ты летишь все выше, выше, выше,
Вот уже ты в пламени луча,

Вот уже, едва заметен глазу,
Повисаешь, недвижим и нем,
На незримой ниточке и сразу
Камнем наземь падаешь затем.

А внизу еще поляны снега,
И ручьи по склонам петли вьют,
И снега буравят, и с разбега
Рушатся в овраги, и поют.

А над всем — от зорьки к
зорьке — льется
Твой, как небо, чистый ручеек...
Пусть же он, как в детстве,
встрепенется
И летит на крыльях этих строк!

Ленинград.

ЧАБАН

Шлифует гальку
Горная река.
Глазастые ромашки
С ветром борются.
Пасутся овцы —
Рядом облака.
И не поймешь,
Где облака,
Где овцы.
Стоит чабан,
С улыбкой глядя ввысь.
Своей судьбой,
Работою доволен.
Проходят облака.
Проходит жизнь...
Он много видел,
Этот бывший воин.
Сквозь облако
Прорвавшись,
Луч приник
К губам его.
Рука кнутом обвита.
И кажется мне
Солнце в этот миг
Гигантской
Позолоченной
Трембитой.
...Трубит чабан,
Поет его душа —
И слышен отзвук
В городах, в селеньях...
Трубит гуцул.
И слышно
во Вселенной
О том, как Верховина
Хороша!

Загорск.

Университет плюс университет

Один университет государственный, другой — народный. Один находится в Тбилиси, другой — в небольшом кахетинском селении Икалто. Первому в этом году исполнилось 50 лет, второму — 5. И вот оба университета встретились. Точнее — народный, сельский, поскольку все его 200 студентов уместились в четырех автобусах, приехал в гости к государственному. Здесь их встретили академики, профессора, студенты, повели осматривать здания, в большой физической аудитории продемонстрировали созданную тбилисскими учеными экзаменационную машину «Анси», показали планетарий...

От Икалто до Тбилиси недалеко, и каждый из икалтойцев, конечно, бывал в Тбилиси не раз. Но в университет просто так не зайдешь. Кроме того, и особого интереса к университету до сих пор не было. Не было, пока не появился в Икалто свой, собственный.

Произошло это так. В село приехал интеллигентный молодой человек, коренной тбилисец Гоги Шатиришвили. Он только что окончил институт и получил назначение инженером-технологом на построенный в этом селе винный завод. В Икалто решили: не приживется парень, удерет. А он и не помышлял удирать, ходил по селу, восторгался красотой пейзажа, мудростью сельской жизни, лазил на развалины древнейшей Икалтойской академии, в которой, по преданию, сам Шота Руставели учился. И все ругал новых друзей: «Плохие вы патриоты своего села!»

Сначала он установил имена погибших на войне фронтовиков. Их оказалось триста человек. Добыл все фотографии и соорудил в центре села стенд. Стал убеждать селян, чтобы вместо религиозных праздников, сопровождаемых недельными пьянками, создать свой, икалтойский праздник — день памяти Шота Руставели. В этот день подниматься всем селом на развалины древней академии, проводить литературные беседы, устраивать спортивные состязания. Разумеется, Гоги Шатиришвили уже был не один — вместе с ним молодая сельская интеллигенция. Дни памяти Шота — «Шотаоба» — понравились и прижились. И тогда родилась идея создать в селе народный университет. Инженер стал ректором. Было это пять лет назад.

А что предшествовало основанию Тбилисского университета пятьдесят лет тому назад? Проснувшееся самосознание народа, самоотверженная деятельность просветителей. Пятьдесят лет назад в Тбилиси из Петрограда приехал молодой профессор — историк Иван Джавахишвили. Он собрал разбросанных по разным русским городам ученых-грузин и открыл частное учебное заведение университетского типа. На первых порах частное, существовавшее на пожертвования и денежные взносы студентов. Основатель университета, впоследствии академик Джавахишвили, был энтузиастом просвещения своего народа. Но, наверно, и он не смог бы ничего сделать, если б не созрело само время для новой жизни. А сейчас, пятьдесят лет спустя, время созрело и для народных университетов!

Какой же он, Икалтойский? Он имеет факультеты, работает по программе, дающей минимум знаний по истории и международной политике, сельскому хозяйству и технике, медицине, литературе и искусству. Он рассчитан на два года, после чего студенту, окончившему университет, выдается диплом, обладающий, разумеется, чисто моральным весом. А другого и не требуется.

...Осенью 1925 года в Тбилисский университет поступил учиться юноша из села Шешелети — Илья Векуа. В это же самое время другой юноша, из села Икалто, не сделал такого шага: то ли обстоятельства семейные не позволили, то ли сам не захотел. Илья Векуа из Шешелети учился, а Сандро Германишвили из Икалто крестьянствовал. Илья Векуа стал крупным советским математиком, академиком, нынешним ректором Тбилисского университета. А Сандро остался виноградарем. Ничего худого для себя он в этом никогда не видел, только хотелось знать больше, чем он мог знать, живя в Икалто и ухаживая за виноградниками. И вот сегодня уже основательно поседевший Сандро слушает лекции, ведет записи, словом, старается не отстать от жизни...

Да что Сандро! В Икалтойском университете учится 95-летний Нико Папалашвили. Его сын, Гигла, преподаватель средней школы и (в народном университете!) декан факультета языка и литературы. А отец, Нико,— его самый великовозрастный студент.

Вместе с такими, как Сандро и Нико, в народном университете учится молодежь со средним образованием. Ведь в Икалто приезжают и ученые из Тбилисского университета, и среди них действительные члены Академии наук республики Георгий Ахвледиани, Шалва Нуцубидзе, Акакий Шанидзе, те самые, что вместе с первым ректором основывали свою альма матер...

Давно уже отпочковалось от университета множество вузов республики, создана республиканская Академия наук. Университет, начавшийся с трех комнат в здании гимназии, теперь уже имеет 15 факультетов. Ему очень тесно в старых помещениях. Родина преподнесла ему юбилейный подарок — решено строить новый комплекс университетских зданий.

Но вот приехал в гости к маститому, пятидесятилетнему, маленький, пятилетний, сельский университет. Рассказал о своих делах, нуждах и мечтах. Призвал столичных ученых создать на месте древней Икалтойской академии народное книгохранилище, показал свое глубокое почтение к культуре и знаниям. И это тоже было как подарок юбиляру.

Ия МЕСХИ

Крестьянские кахетинские шапочки очень похожи на академические. Ими жители Икалто наградили грузинских академиков, профессоров Тбилисского университета Александра Барамидзе, Симона Каухчишвили и Шалву Амиранашвили.

Один из основателей Тбилисского университета, член-корреспондент Академии наук СССР Акакий Шанидзе и ректор Икалтойского университета Гоги Шатиришвили в президиуме встречи двух университетов.

Член совета народного университета, сельская учительница Марика Панчадзе.

Фото Г. Хамашуридзе.

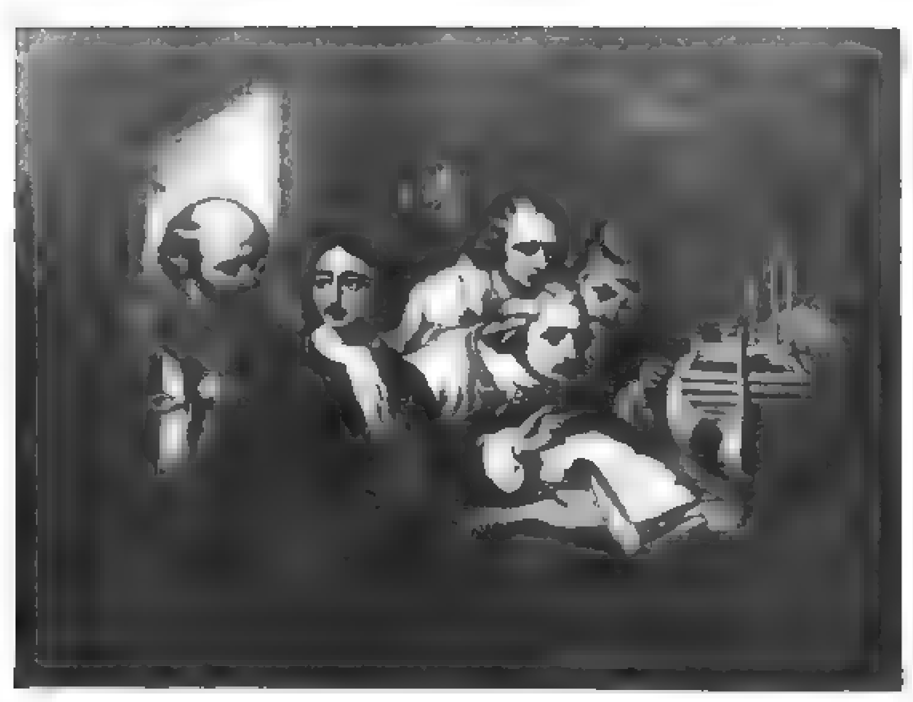

Дом Петра I в Дептфорде.

Олег ОРЕСТОВ

Петр I на другой картине из ратуши Дептфорда.

Петр I осматривает модель корабля. Картина висит в ратуше Дептфорда.

Один из пейзажей Александра Козенса.

ГЕРБ ДЕПТФОРДА

Я стою на узкой улочке южного Лондона с интригующим названием «Царская улица» — «Цар-стрит». В английской столице есть много улиц вроде «Королевской авеню», «Улицы принца», «Герцогской дороги»... Но как попал в лондонскую топографию царь? Это не описка и не ошибка. Улица имеет прямое отношение к пребыванию в Англии русского царя Петра Первого в 1698 году. На этой улочке он жил, а позднее она получила название, сохранившееся и поныне.

Меня заинтересовал вопрос, не осталось ли в Лондоне каких-либо следов визита Петра. Я начал с Царской улицы, в конце которой большие ворота ведут в порт. У входа стоял старый полицейский сержант с седыми усами. Я подошел к нему и спросил:

— Знаете ли вы, что здесь когда-то жил русский царь Петр Великий?!

— Еще бы! — ответил старик.— Видите этот узкий переулок на территории порта? Он идет к самой Темзе — здесь работал Петр вместе с английскими судостроителями. Портовые рабочие и сейчас называют его не иначе, как Петровский переулок. Там же находилась таверна «Голова царя», [illegible]

В те далекие времена это даже не был Лондон. Здесь находился Дептфорд, который ныне включен в состав лондонского района Люишем. Я направился в местную библиотеку. Мне показали книгу Натана Дью «История Дептфорда» (1884). «По свидетельству старого рабочего Дептфордских верфей,— написано в книге,— его отец Джеймс Сиддонс, бывший судостроитель, доживший до 105-летнего возраста, слышал, что царь Московский работал здесь наравне с другими рабочими верфей». Дью упоминает о том, что в 1872 году на верфях была установлена деревянная доска с надписью: «Здесь работал в качестве корабельного плотника Петр, царь всея Руси, позднее Петр Великий, 1698».

В книге Э. Уолфорда «Старый и новый Лондон» я прочитал такие строки о пребывании Петра в Дептфорде: «Самым большим его удовольствием было сесть в небольшой бот, принадлежавший верфям, и, взяв с собой Меньшикова и еще трех-четырех человек из свиты, управлять им в качестве рулевого... Кончив трудовой день, он направлялся в таверну на Грейт-Тауэр-стрит, около Тауэра, покурить трубку и попить пива и бренди. Хозяин нарисовал голову царя и сделал вывеску для таверны, существовавшей до 1808 года...»

Таверна именовалась «Царь Московии». Я прошел всю улицу, но, увы, высокие здания банков и страховых компаний, видно, давно уничтожили и этот след.

Любезная библиотекарша Люишема упомянула, что в подвале здания бывшей ратуши Дептфорда, как ей помнится, лежит какая-то каменная доска с русской надписью. Я разыскал ее в подвале, но камень не представлял исторического интереса. Он действительно был установлен в Дептфорде, как говорится на нем, «кадиевиками русских сельских хозяев, посетивших Великобританию в сентябре 1901 года», чтобы увековечить пребывание здесь Петра Первого.

Зато в ратуше меня ждали другие находки. Над широкой лестницей я увидел большую картину: Петр с группой судостроителей рассматривает модель нового корабля. В другом зале ратуши портрет царя, молодого, с пышными кудрями,— по-видимому, такого, каким он был в год посещения Лондона. К сожалению, мне не удалось установить, кто авторы этих двух картин.

В ратуше мне сказали:

— Когда выйдете на улицу, внимательно поглядите на герб Дептфорда на стене здания.

И действительно, в левом нижнем углу герба сидит человек с тростью или палкой в руках, удивительно похожий на Петра (насколько можно установить сходство по каменному барельефу). Над ним корона.

Пришлось идти в Британский музей, где в «Геральдике Англии и Уэльса» сказано, что герб Дептфор-

Герб Дептфорда.

Портрет Джона Козенса.

да представлял собой щит с дельфинами по краям и трезубцами позади. В левом верхнем углу на серебряном фоне три короны, справа на синем фоне корабль на стапелях, в левом нижнем на синем фоне «Петр Великий, царь России, сидящий на бревне с плотницким теслом в руках», справа на красном фоне белый конь графства Кент, в котором было расположено Дептфорд.

ЧТО РАССКАЗАЛ АРХИВ

Я решил сходить в Английский государственный архив, где попросил показать мне все документы, связанные с пребыванием Петра в Англии. Их было немного.

В те годы в Лондоне существовали так называемые «райтерс», что может означать в переводе и «писатели», и «писцы», и «писаки». Это были своего рода осведомители-репортеры. Они собирали все городские новости и сплетни и ежедневно направляли высокопоставленным лицам на Уайтхолле свои «письма» или донесения. 11 января 1698 года один из «репортеров» XVII века писал некоему сэру Джозефу Вильямсону, по-видимому [illegible] секретарю: «Вчера вечером прибыл царь. В Грэйвсенд для встречи его были посланы королевские барки, но он предпочел снять частную лодку и взял с собой трех своих придворных и вице-адмирала Митчелла. Затем он направился в отведенный ему дом на Норфолк-стрит, который расположен так удобно, что царь может незаметно выходить из него к берегу реки».

25-летний Петр был гостем короля Уильяма III, но приехал он для того, чтобы поучиться у английских судостроителей. Насколько это было возможно при его положении, он старался держаться подальше от английского двора и даже настаивал, чтобы его имя не упоминалось официально. Тот же «писака» сообщал 21 января: «Царь продолжает жить в доме на Норфолк-стрит. Он был в театре и осмотрел другие достопримечательности города, но постоянно настаивает, чтобы по возможности никто не знал, кто он такой».

Больше всего царя интересовал английский флот, порты и верфи. В Портсмуте он выходил в море на военных судах; к нему приглашали астронома Королевской обсерватории в Гринвиче Флемстида, с которым он обсуждал планы строительства русского флота; у короля он добился разрешения взять с собой в Россию группу английских судостроителей.

Столичная суета не устраивала трудолюбивого Петра, и 8 февраля «писец» доносил: «Он намерен уехать с Норфолк-стрит и уже арендовал дом Ивлина в Дептфорде, где он мог бы жить более уединенно и близ судостроительных верфей, которыми он так увлечен».

Так мы возвращаемся снова к Царской улице. По словам Уолфорда, «пребывание царя было также увековечено тем, что его имя дали улице в Дептфорде — грязной, забытой и недостойной столь блистательного имени». Здесь находилось поместье дворянина сэра Джона Ивлина — «Сэйс корт». Его окружал огромный парк, доходивший до берега Темзы. Петр жил здесь до 21 апреля, когда он покинул Англию.

Сейчас Царская улица неузнаваема. Она асфальтирована, все старые постройки (в том числе и «Сэйс корт») снесены, и муниципалитет возвел здесь многоэтажные жилые дома. Только соседний переулок выходит в зеленый общественный сад, где я видел играющих ребятишек. Этот сад и есть один из уголков богатого парка сэра Ивлина.

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА?

Мои розыски следов Петра Первого в Англии начались с письма из Москвы, полученного мною в Лондоне. Писала учительница, историк, ныне пенсионерка Ольга Георгиевна Чушанова. Она просила выяснить, не находился ли в родстве с Петром Первым известный английский художник Александр Козенс и что в этом случае было известно этого художника.

Естественно, что я прежде всего обратился к английскому «Словарю национальных биографий» — труду солидному и достоверному. На странице 1349 прочитал: «Козенс, Александр (ум. 1786), художник-пейзажист, акварелист. Был незаконным сыном Петра Великого и англичанки из Дептфорда. Царь увез ее в Россию, где и родился Козенс (дата неизвестна)».

Так начинается история [illegible]енной незнакомки.

Царь просил английского короля прислать ему судостроителей, и к нему был направлен — очевидно, в 1700 году — Ричард Козенс. Он строил для России корабли в Воронеже, Казани, Петербурге и Архангельске, где и умер в 1735 году.

Еще в 1696 году, за два года до приезда Петра, Ричард Козенс женился в Лондоне на Мэри Дэвенпорт, дочери Роберта Дэвенпорта. У них было три сына: Александр — художник, Питер (то есть Петр), Ричард и две дочери.

Судьба Александра выглядит так: из России он направился или, как утверждают другие источники, был направлен самим Петром в Италию учиться живописи. В 1746 году он возвратился в Англию и стал учителем рисования. Женился на дочери известного портретиста Роберта Пайна и умер в Лондоне в 1786 году. У них осталось двое детей — сын и дочь. Сын Джон Роберт Козенс, родившийся в 1752 году, был также известным художником, унаследовавшим не только талант, но и стиль отца. Он умер сравнительно молодым — в конце XVIII века.

Лесли, автор «Руководства для молодых художников», видел у родственников Джульетты Анн, дочери Александра Козенса, нарисованное карандашом генеалогическое древо семьи, датированное 1811 годом. На нем имя матери Александра Козенса пропущено. Оно соединено слева линией с «Козенсом, судостроителем», а справа с пустым местом, над которым нарисована царская корона и указана дата, примерно совпадающая с годом смерти Петра. Это опять-таки странно, ибо жена Ричарда Козенса известна — это Мэри Дэвенпорт! На том же генеалогическом рисунке короны изображены над именами Александра и Питера Козенса и детей Александра — Джона Роберта и Джульетты Анн.

По-видимому, Мэри Козенс уехала в Россию вместе со своим мужем. Вполне возможно, что Петр познакомился с Ричардом Козенсом, как известным судостроителем, будучи в Лондоне. Встречался ли Петр с его женой или нет, неизвестно. Но ведь историки Г. Чапмэн, Ч. Лесли и другие настаивают, что Петр «увез с собой из Дептфорда [illegible] издателя», которая и была матерью Александра Козенса. Здесь не сходятся концы с концами, если не признать такого варианта, что незаконный сын Петра был усыновлен Ричардом Козенсом в угоду царю.

Другом художников Козенсов — отца и сына — был лорд Уильям Бекфорд, ориенталист, языковед, искусствовед, талантливый, полный романтических идей человек. Александр Козенс учил Бекфорда рисованию и, по-видимому, привил ему страсть к востоковедению. Как пишет Чапмэн в книге «Бекфорд»: «Этот Александр Козенс — наиболее интересная фигура в ранней жизни Бекфорда, таинственная и могучая тень, которая влияла на молодой ум, словно джин из восточной легенды». Несмотря на разницу в годах, друзья переписывались, но известно, что Бекфорд умышленно уничтожил все письма Козенса. «Что-то было в письмах,— замечает Чапмэн,— что Бекфорд не хотел никому передать». Однако сохранились письма Бекфорда.

Лоурен Биньон, автор книги «Английская акварель», пишет, что Александр Козенс «мальчиком был близок ко двору» (царскому). Он ссылается на письмо Бекфорда, который напоминает художнику о том, как он рассказывал ему о жизни в России. Бекфорд пишет Козенсу: «О ваших ранних годах, когда каждый месяц был отмечен блестящими празднествами, вы вспоминали смутно: золотые залы, яркие огни и длинные процессии знатных дворян, которых возглавляла императрица. Неужели вы забыли трагическое зрелище похорон Петра Великого, когда вы поцеловали его бледную руку?..»

Из этого письма похоже, что Александр был мальчиком, когда умер Петр — в 1725 году. Но если Александр родился в 1700 году, почему у него сохранились столь туманные воспоминания о России? Ведь тогда при смерти Петра он был бы взрослым человеком.

В ПОИСКАХ ПОРТРЕТА

Когда тайна Козенса окончательно увлекла меня, я начал бегать по лондонским галереям, чтобы посмотреть на его произведения. Известны лишь 28 работ Александра Козенса и 20 — Джона Козенса. Надо сразу сказать, что ни отца, ни сына нельзя причислить к выдающимся английским мастерам. Их романтические пейзажи, почти все итальянские, привлекают лишь знатоков и специалистов по истории искусства. Хотя знаменитый английский живописец Констебль говорил о Козенсе-сыне: «Козенс — это вся поэзия. Но это поэзия, подкрадывающаяся незаметно — своей нежностью... Он величайший гений ландшафта...»

В музее Виктории и Альберта я видел «Горный пейзаж с церковью» Александра и «Вид в Кампанье» — Джона Козенса. Галерея Тэйт хранит четыре работы: «Классический пейзаж», «Пейзаж с деревьями» — Александра, «Озеро Альбано и замок Гандольфо» и «Озеро Неми» — Джона Козенса. Это небольшие по размеру работы, исполненные сепией или легкой, прозрачной акварелью. Наверное, я прошел бы мимо, если бы не знал, что это — творчество Козенсов.

Выше говорилось, что Александр был женат на дочери портретиста Пайна. Неужели родственник ни разу не написал его портрета? У меня завязалась переписка с музеями Англии. Из Манчестера и Бирмингэма ответили, что никогда не слышали о каком-либо портрете Александра Козенса и «были бы счастливы узнать о его существовании».

Лондонская Национальная портретная галерея ведет каталог всех известных портретов, хранящихся в музеях или частных коллекциях. Ее специалисты, по моей просьбе, подняли каталог буквально на дыбы, но портрета Александра не было.

Однако Лесли упоминает, что он «видел портрет Джона Козенса работы Пайна в натуральную величину, когда ему было лет тридцать». Мне сказали, что портрет Козенса-сына видели на выставке в Лондоне в начале этого века. Наконец, я получил из музея Виктории и Альберта долгожданную фотографию. Заметно, что портрет местами пострадал от времени, но все же хорошо видно лицо «внука» Петра Первого.

Как журналист, я склонен к скептицизму. Но в данном случае — возможно, читатели посмеются над моим воображением — мне чудится отдаленное сходство головы младшего Козенса с портретом молодого Петра, висящим в ратуше Дептфорда. Но, повторяю, это мнение ни для кого не обязательно.

Тем более, что в конце всех розысков я нашел книгу ярого ниспровергателя легенды о Козенсах — А. П. Оппе «Александр и Джон Роберт Козенсы», опубликованную в 1952 году. Он решительно отклоняет идею о родстве царя и художников.

По словам Оппе, в 1730 году Александр еще был в России, так как есть рисунок, подаренный ему кем-то в Петербурге и датированный именно этим годом. Из Италии в Англию он вернулся в 1746 году. Следовательно, царь не мог послать его учиться в Италию. По мнению Оппе, Александр родился скорее всего примерно в 1717 году. Эта дата указана и на упомянутом выше самодельном генеалогическом древе.

Я посетил дочь А. П. Оппе в лондонском районе Челси, где она живет в доме отца. Небольшой дом напоминает музей. На стенах оригиналы крупнейших мастеров, на полках шкафов папки с тысячами рисунков виднейших английских художников.

И здесь, в частной коллекции, хранятся сотни и сотни рисунков Козенсов. Мисс Оппе любезно доставала альбом за альбомом, и мы вместе рассматривали лаконичные пейзажи и ландшафты Козенса-отца. Судя по всему, его увлекала сама техника рисунка, и он не нуждался в натуре. Чапмэн пишет: «Он бросал кляксы на бумагу — черной, кирпичной и серой красной,— которые расплывались, а он с помощью богатого воображения превращал их в романтические леса, города, колокольни, коттеджи, реки, поля, водопады».

У мисс Оппе оказалось и первое издание книги Александра Козенса «Принципы красоты, относящиеся к голове человека» (1778 год). На первой странице посвящение императрице Екатерине, в котором художник [illegible], что он «родился на земле обширной империи, которой управляет Ваше Величество».

Мисс Оппе сказала мне, что ее отец после многолетних исследований был совершенно убежден, что неисправимый романтик и фантазер Александр Козенс, возможно, сам придумал миф о своем «царском» происхождении.

А как же с коронами на генеалогическом древе? А. П. Оппе дает на свое объяснение: «Вполне возможно, что имена Петр и Александр просто означают, что Петр Первый был их крестным отцом — отсюда и короны».

Конечно, хотелось бы написать более причудливый конец этой истории. Возможно, в ней есть ошибки или неточности. Но это все, что я мог разузнать, находясь в Англии. Известно, что потомки Ричарда Козенса живут в СССР, в частности в Эстонии. Может быть, они добавят одну-две главы к легенде или правде об английских художниках Козенсах.

Лондон.

Лев ФИЛАТОВ

СЕРЬЕЗНЫЙ У НАС ЧЕМПИОН

Итак, третий год подряд чемпионом у нас киевское «Динамо». Почему так случилось, какие силы выдвинули столь бесспорного фаворита?

Начать необходимо с краткого исторического экскурса. Сейчас все охотно ссылаются на то, что киевляне повторили рекорд московских армейцев, также трижды подряд владевших золотыми медалями в 1946—1948 годах. С помощью этой аналогии вроде бы утверждается, что такое положение у нас уже было и нет в нем ничего чрезвычайного. Так ли это?

Прежде всего вспомним, что в годы владычества армейцев рядом с ними неизменно находилось московское «Динамо», команда не менее великолепная. Ее отделяли от армейцев то одно турнирное очко, а то и одна сотая в соотношении забитых и пропущенных голов. Нынешний трехкратный чемпион фактически не имел равных соперников.

Есть и другое, и, пожалуй, наиболее существенное, обстоятельство, заставляющее сомневаться в правомерности этой исторической аналогии. С 1956 по 1966 год, на протяжении одиннадцати сезонов, у нас каждую осень появлялся новый чемпион, одна команда спешила сменить другую. Именно в это время была разрушена давняя чемпионская гегемония трех столичных клубов: «Динамо», «Спартака» и ЦСКА. Первыми командами страны становились «Торпедо», «Динамо» (Киев), «Динамо» (Тбилиси). В это же время выдвинулись такие самобытные, интересные команды, как «Нефтчи», «Динамо» (Минск), «Пахтакор», ростовский СКА, «Шахтер». Словом, это десятилетие в нашем большом футболе проходило под знаком выравнивания сил. Всех — и зрителей, и специалистов, и журналистов — радовали эти перемены, они воспринимались как свидетельство того, что высокая игровая культура становится достоянием многих клубов, и легко верилось, что и на будущее гарантировано футболу многообразие. Так что, если давнишний рекорд армейцев в ту пору был в порядке вещей, то нынешнее его повторение киевлянами с виду не что иное, как нарушение «порядка». Киевляне как бы приостановили, опрокинули дерзания остальных клубов высшей лиги.

Все эти годы только и было разговоров, что о нашем чемпионе. Уже даже объявили о существовании некоей «загадки киевлян». Что же можно считать окончательно установленным и выясненным и что остается неясным, спорным? Попробуем разобраться.

Прежде всего совершенно ясно, что ансамбль чемпионов создан по ставшему модным после английского чемпионата мира принципу — «не команда звезд, а команда-звезда». Все десять полевых игроков необычайно точно знают свою основную обязанность и неукоснительно верны ей. Эта обязанность — взаимодействие. Любой игрок защищается, любой ведет единоборства, любой наносит атакующий удар. Конечно, извечное распределение ролей по линиям существует, от него, видимо, вообще нельзя уйти. Но киевляне сумели и надежность своей обороны и успех наступления сделать общим делом. О многих командах после проигрыша до сих пор отзываются в том духе, что, дескать, «не в ударе» был такой-то ведущий форвард или «не в лучшей форме» кто-то из основных защитников. К киевлянам эта мерка не подходит. Скорее они сразу все могут сыграть не лучшим образом (правда, с ними это бывало крайне редко), чем поставить свою игру под угрозу из-за дурного настроения или недостаточной готовности кого-либо из своих футболистов.

Я знаю, что не все знатоки и ценители в восторге от игрового стиля чемпионов. Говорят, что киевляне откровенно практичны, что они как никто умеют вырвать победу, наказать соперника за ошибки, а вот особых футбольных красот от них ждать не приходится. Это, конечно, вопрос вкуса, и спорить нет смысла. Но сам по себе такой отзыв, хотят того или нет оппоненты, фиксирует игровое своеобразие киевлян, их собственное понимание основ современного победоносного футбола. Нельзя играть «вообще», как бог на душу положит; играя, надо выражать свои взгляды, свою линию. Киевляне это и делают сознательно и последовательно, им в этом не откажешь.

Существует уже целая литература о футбольной тактике в применении киевских динамовцев, ее, наверное, могло бы хватить на кандидатскую диссертацию. Свой основной вариант — четыре защитника, четыре полузащитника и два форварда — киевские тренеры и игроки отстаивают и теоретически, в многочисленных статьях и интервью, и, что наиболее убедительно, практически — на зеленых полях. Команда за эти три года изобрела и применила ряд тактических новинок, избрав своим девизом новизну. Удачно, творчески работающий и раньше — в «Торпедо», в ростовском СКА — старший тренер В. Маслов многое принес в игру киевских динамовцев. Его футбольные воззрения, его ум, его твердая рука чувствуются в организации игры команды, в ее слаженности, в ее коллективном характере, определяющие черты которого — уверенность в себе и [illegible] спокойствие.

Любопытно, что далеко не все тактические идеи, которые осуществляют киевляне, разделяют остальные наши тренеры. Это хорошо видно хотя бы на примере интересно игравших в минувшем сезоне «Спартака» и «Торпедо», чьи построения заметно и нарочито отличались от киевских. Думаю, что такая дискуссионность похвальна и куда больше сулит нашему футболу, чем стремление скопировать апробированные, пусть даже и трехкратным чемпионом, варианты. Да она и обязательна при нынешнем отношении к футболу как к игре, вступившей в полосу бурного развития.

Вне всякого сомнения, в тактическом плане киевское «Динамо» выглядит ультрасовременно, на уровне мировых стандартов. И все же распространенная версия о том, что все успехи чемпиона определены его передовой тактикой, мне кажется чересчур упрощенной, чересчур близко лежащей.

В прошлом году с киевлянами пытались тягаться московские динамовцы, в этом — спартаковцы. Оба раза будущим чемпионам приходилось настигать и опережать своих конкурентов. Они это делали с завидной, прямо-таки удивительной непринужденностью. Ни при чем турнирные передряги, и бесполезно вспоминать какие-либо несчастливые стечения обстоятельств у их соперников. Просто-напросто уровень тренированности киевлян всякий раз оказывался гораздо выше.

Поражения киевлян за эти годы в играх чемпионата стали самыми настоящими сенсациями, их можно пересчитать по пальцам: в 1966 году — 3, в 1967-м — 3 и в 1968-м — 3. Побед за это же время — 63. Другими словами, команда всегда выходит на поле выигрывать. А ведь мы отлично понимаем, как лестно, как приятно любому клубу одолеть чемпиона: за такую победу, глядишь, спишут многие грехи. Но нет, киевляне не поддаются, практически их никогда не удается поймать на расслабленности, на зазнайстве, на небрежности. Они, разумеется, не в каждом матче показывают идеальную игру, но зато уж стойкость, азарт, спортивная злость всегда при них. Тут мы сталкиваемся с несомненными достижениями в психологической подготовке. Сами по себе такая ответственность футболистов, такая их нацеленность на победу явиться не могут. Ведь три сезона подряд! Это значит, что их турнирная жизнь подчинена особому духовному режиму, что у них есть свои стимулы, выработана глубокая и личная и коллективная заинтересованность в результате каждого матча, вошедшая в привычку.

В ходу еще одно объяснение успехов чемпионов, которому тоже, как и тактике, придают решающее значение. Коротко оно формулируется так: киевское «Динамо» — это сборная Украины. К этой крылатой фразе следует подойти двояко. Если хотят сказать, что в составе динамовцев есть игроки, воспитанные не только в Киеве, но и в Донецке, в Закарпатье, Николаеве, Луганске, Одессе и т. д., то, право же, это не дает ключа к разгадке и уж во всяком случае не может считаться упреком. Любая команда высокого класса комплектуется прежде всего согласно требованиям футбольного мастерства, и приглашение способных игроков естественно и необходимо! (Я оставляю в стороне те случаи, когда грубо попираются правила перехода, это особая тема.) Но в этой формулировке заключен куда более важный практический смысл. Футбол на Украине за последние годы вырос и окреп. Вполне освоились в высшей лиге «Черноморец» и «Заря». Недавно победили в своих турнирах второй группы класса «А» «Судостроитель» из Николаева и «Карпаты» из Львова. Украинские команды с неизменным успехом выступают в юношеских соревнованиях. Федерации футбола республики есть кого рекомендовать и выдвигать в лучшие коллективы. Другими словами, киевское «Динамо» имеет надежные тылы, и это — его счастье. Счастье, пришедшее как результат работы местных спортивных организаций. В конце концов ведь только так и мыслится наше естественное развитие футбола. Искусственно созданные за счет издалека приехавших игроков клубы, как правило, способны лишь на эпизодические успехи, вспыхнут ненадолго и лопаются, как мыльный пузырь.

Так что корни у нашего чемпиона и впрямь глубокие. Давно уже никого не удивляет, что и дублирующий состав киевлян — один из сильнейших. Недаром в Киеве больше, чем где-либо, собирается зрителей на матчи дублеров. Всегда приятно заглянуть в будущее команды, а в данном случае это делается с гарантией. Помню, что, бывая на этих матчах, я впервые знакомился с Сосниховым, Круликовским, Левченко, Мунтяном...

До сих пор еще некоторые команды высшей лиги занимаются на самых примитивных тренировочных базах, не имеют хороших полей. А вот для киевских динамовцев недавно на берегу Днепра, вдали от города, соорудили целый городок. Двухэтажный коттедж, поля с отличным газоном, спортивные площадки, учебное и медицинское оборудование. За этим щедрым подарком легко угадываешь заботу о команде, уважительное отношение и к ее тренировочному труду. Словом, «только играйте»!

Не слишком ли много причин успеха чемпионов названо? Напротив, я даже думаю, что названы [illegible].

Мне хочется предостеречь тех, кто ищет однозначного ответа на «загадку киевлян». Загадки-то нет, и бесполезно хвататься за какое-либо одно «исчерпывающее объяснение». Гонясь за афористичностью ответа, мы рискуем прозевать истинный смысл примера чемпионов.

Состоит же этот пример в том, что, как никогда раньше, судьба и результаты высококлассной команды зависят от организации всей ее жизни и работы. Иной стал футбол, резко выросли требования к игрокам, к их подготовленности. Под футбольной грамотностью мы теперь понимаем уже не только разумный пас и выход на свободное место, как когда-то. Нынешняя грамотность — это методика тренировок, медицинский контроль, рекомендации психологов, разумный режим занятий и отдыха на протяжении всего почти круглогодичного сезона, учебное оборудование. Футбольное дело становится все более серьезным.

Нашего чемпиона я бы и назвал самой у нас серьезной, солидной командой как в игре, так и в подготовке к игре. Ее турнирная жизнь тщательно продумана, обеспечена и подкреплена необходимыми условиями.

Не обязательно равняться на чемпионов в избранной ими тактике, следовать их игровой манере. Тут, несомненно, возможны и иные, быть может, еще более интересные решения. Но вот их подход к требованиям современного футбола грешно прозевать, он-то как раз отличает и выделяет сегодня эту команду. Благодаря этому киевские динамовцы регулярно опережают своих ближайших преследователей в таблице очков на 5—6. Более точно и справедливо этот просвет обозначить временем. Три года их безоговорочного лидерства как раз и выражают, насколько они вырвались вперед.

В самом начале рывка, в 1966 году, за чемпионами, как говорится, ничего не было видно. Спустя год взошла звезда московского «Динамо». Правда, в этом сезоне показалось, что звезда эта падучая. Но нет, выправилась, выжила. И вот нынешней осенью вслед за киевлянами выстроились сразу четыре московских команды.

Думаю, что не за горами то время, когда снова придет жаркая конкуренция нескольких равных по силам клубов. В этой перспективе я и вижу главное значение успеха нашего сегодняшнего чемпиона.

С победой!

Фото А. Бочинина.

Декоративное блюдо «Атака», фарфор. Автор — О. Мухигули. Дулевский фарфоровый завод.

Декоративное блюдо «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», по рисунку Адамович. Государственный фарфоровый завод, Петроград 1921 год.

Декоративное блюдо из триптиха «Слово о полку Игореве». Фарфор Автор — А Георгиевская. Конаковский фаянсовый завод.

Декоративное блюдо «Делегатка» Автор — В. Фомин. Дулевский фарфоровый завод

Ваза «Серп и молот». Автор — В. Лосев. Дмитровский фарфоровый завод.

Декоративное блюдо «Ой, яблочко!». Авторы—Р. Вакула и Г. Кломбицкая. Будянский фарфоровый завод Украинской ССР.

Петух, цветное стекло. Завод в Гусь-Хрустальном.

«Жар-птица» из стекла и металла. Автор — С. Берин. Завод в Гусь-Хрустальном.

Фото Д. Ухтомского.

Кошка на шаре. Автор — Н. Ефимов. Конаковский фаянсовый завод.

Сувениры — старинные гербы городов: Владимира, Ярославля, Вологды, Киева, Твери, Новгорода. Автор — Н. Розов. Дмитровский фарфоровый завод.

«Добрый зверь». Авторы — В. и Н. Проторьевы. Васильковский майоликовый завод Украинской ССР.

Сувенир из фарфора. Автор — В. Сергеев. Конаковский фаянсовый завод.

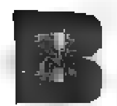
Лань, керамика. Автор — Ш. Нариманишвили. Грузинская ССР.

Собака, стекло. Автор — И. Гулянский. Львовская скульптурно-керамическая фабрика.

Олег МИХАЙЛОВ

В 1931 году, прочитав автобиографическую книгу одного из «бывалых людей», рабочего корреспондента «Гудка» Еремеева, М. Горький откликнулся на нее специальной статьей. Он отмечал: «Книга рабкора Еремеева воспринимается мною не как литература, а как нечто большее — более важное, более активное. Языком Еремеева говорит не литератор, а передовой человек рабочей массы, это — крик ее революционного разума и сердца... это — подлинный документ истории, которую создает именно масса».

«Не как литература, а как нечто большее» — так воспринимаешь книги, выпущенные издательством «Советская Россия» в серии «Рассказы бывалых людей». Их авторы — председатель Славянского комитета СССР А. С. Гундоров, известный ученый В. С. Емельянов, участник Испанской войны генерал-полковник А. И. Родимцев, председатель колхоза «12-й Октябрь» П. А. Малинина — прожили на удивление яркую и наполненную жизнь. Герои Социалистического Труда и Герои Советского Союза, лауреаты Государственных премий, ученые, воины, труженики, они вышли из наинизших слоев народа и благодаря Октябрю стали воистину гвардейцами нового общества. Все они именно те «бывалые люди», которые, как говорил М. Горький, «по опыту жизни... предназначены для бесед с миром» и которые «в силах сказать людям нечто о своей жизни». Потому что биография каждого из них — частица огромной биографии страны, своего рода страницы летописи жизни народной. В самом деле, в четырех этих книгах история советского общества показана не просто глазами очевидцев, но крупно и с разных сторон, в ее важнейших вехах.

Воспоминания А. С. Гундорова рассказывают о жизни российского пролетариата до Октября, о подготовке к социалистической революции и об участии в ней питерских рабочих. Книга В. С. Емельянова, одного из участников революционного движения в Баку, как бы продолжает этот рассказ: в ней речь идет о становлении и развитии советской индустрии, тяжелой промышленности в годы первых пятилеток, о том, как наши специалисты, перенимая все лучшее у передовых капиталистических стран Запада, шли дальше, используя преимущества новой социальной системы. Общую картину жизни советской страны существенно дополняют записки П. А. Малининой. Они посвящены судьбе русского крестьянства на примере костромского села Саметь и колхоза «12-й Октябрь» и прослеживают события от предреволюционной поры до наших дней. Наконец, в книге А. И. Родимцева говорится о Красной Армии, об интернациональной дружбе советских и испанских патриотов, об огневых годах и битвах с фашизмом под Уэской и Гвадалахарой. Разные по своим литературным достоинствам, степени беллетризации, все эти книги сильны и значительны документированной достоверностью: за каждой строчкой — живая правда.

Оттого-то многое, что подчас в публицистическом слове приобретает уже характер отвлеченный, не трогает сердца, здесь сохраняет свежесть звучания, воздействует и волнует. Эти книги-беседы помогают, в частности, увидеть вновь, что реально получили от революции простые труженики страны. На ярких фактах показано, какая незавидная судьба, какой горький удел ожидали сына рабочего на нефтяных промыслах Апшерона Василия Емельянова или дочь костромского крестьянина-бедняка Паню Гавричеву (девичья фамилия Малининой): первый поступил-таки в реальное училище в 1914 году, но не знал, кончит ли — ведь обучение платное, а у отца шестеро детей; ну, а вторая с малолетства служила в няньках и дотянула лишь до третьего класса сельской школы. А разве мог когда-нибудь мечтать сын большесольского кузнеца Саша Гундоров, что станет генерал-инженером? Питерский слесарь Гундоров часто останавливался на Марсовом поле, у Инженерного замка, где «можно было наблюдать движение подтянутых, козырявших друг другу офицеров — слушателей Военно-инженерной академии. Если бы тогда сказали,— добавляет он,— что будет такое время, когда мне придется командовать Военно-инженерной академией, я это принял бы за бред сумасшедшего...»

В воспоминаниях А. С. Гундорова «Революцией мобилизованный» очень подробно, конкретно и убедительно показано житье-бытье, труд, заботы, интересы старого, дореволюционного пролетария. Сам автор вырос в костромском селе, которое некогда описал его земляк Некрасов, помните, в стихах о кулаке Науме:

> Вблизи — Бабайский монастырь,
> Село Большие Соли,
> Недалеко и Кострома...

При этом, рассказывая об отцовской кузне или о большесольском ремесленном училище, о паровозном депо на станции Дно и о гигантском по тем временам Обуховском заводе в Питере, Гундоров не просто копит примеры тяжелого труда, эксплуатации, невыносимой жизни. Нет, он обращает наше внимание и на рабочую честь, любовь к своей профессии, на стремление овладеть навыками и мастерством квалифицированного специалиста, что жили в душе русского пролетария. Как было живо в нем понятие патриотизма, любви к родине!

Революционер-большевик, безусловный сторонник поражения царской России в мировой войне 1914 года, Гундоров остается в то же время истинным патриотом своей страны. Знаменательный эпизод. Автор вспоминает, как в 1915 году он собрал на Обуховском заводе деньги для арестованных большевиков-думцев и встретился с представителем социал-демократической фракции в Государственной думе Чхеидзе, чтобы передать средства по назначению. До этого Гундоров не раз слушал его резкие, антиправительственные выступления. Но вот, прощаясь, Чхеидзе говорит ему:

«— Какая огромная махина, а дура несусветная!

Он имел в виду Россию... Причем в этих словах чувствовалось столько пренебрежения, что меня передернуло. Некоторая симпатия к этому человеку, которая во время разговора как будто возникла, мигом пропала...» Горячей любовью к родине, к России пронизана книга А. С. Гундорова, как и другие воспоминания бывалых людей — В. С. Емельянова, А. И. Родимцева, П. А. Малининой.

Заканчивая свое повествование описанием первых послеоктябрьских дней, когда сам он стал комиссаром на железнодорожной станции Званка под Петроградом, Гундоров признается: «Нам тогда казалось все проще, а потому и будущее представлялось безоблачным и ровным». Трудный путь гражданской войны, а затем мирного строительства потребовал от страны напряжения всех сил. В книге В. С. Емельянова «О времени, о товарищах, о себе», написанной, кстати сказать, с литературным блеском, воссоздана во всей своей сложности пора первых пятилеток, поисков, учебы, созидания. Но громко и мажорно звучит в его воспоминаниях гордость за молодую Советскую страну, выстоявшую в соревновании с крупнейшими промышленными державами Запада. «Мы» и «они» — это стерж[illegible], автор которой долгое время провел за рубежом, осваивая искусство металлурга на заводах Круппа и Рохлинга. «Они,— замечает В. С. Емельянов,— развили производство, создают хорошие машины, инструменты, изготовляют прекрасные ткани. Их магазины наполнены изящной обувью, красивыми платьями и костюмами. У них много всего, и они многое могут производить — добротно и дешево. Они создали замечательные заводы, и над проблемами науки и техники в хорошо организованных лабораториях и институтах у них работают специалисты высокой квалификации. Они умеют решать задачи, связанные с производством. Но не могут решить проблему распределения того, что производят... У нас,— продолжает автор,— трудности тоже, но совершенно другого рода. Нам нужно много всего. Двадцать лет тому назад в нашей семье никто не имел двух смен белья, мы ели из одного блюда деревянными ложками, мы не могли купить чулки или носки — их вязала мать. Так жило большинство... Мы хотим создать в стране такие условия, чтобы все, а не избранные могли хорошо питаться, одеваться, жить в хороших домах».

Достоверность рассказов бывалых людей многократно усиливается оттого, что наряду с рядовыми истории — рабочими, крестьянами, солдатами — в этих рассказах участвуют крупные политические и общественные деятели, ученые, военачальники. От вождя революции В. И. Ленина, его соратников М. С. Урицкого, М. Т. Елизарова, А. В. Луначарского, большевиков-питерцев Захара Невского и Е. Л. Онуфриева (воспоминания А. С. Гундорова), наркомтяжа Серго Орджоникидзе, капитанов советской индустрии И. Тевосяна и А. Завенягина, писателя А. А. Фадеева («О времени, о товарищах, о себе» В. С. Емельянова), легендарного испанского генерала Энрико Листера, «неистовой Пасионарии» Долорес Ибаррури, генерала Лукача — Мате Залка, советских добровольцев — Петровича (К. А. Мерецкова), Малино (Р. Я. Малиновского), Вольтера (Н. Н. Воро[illegible] бом Испании» А. И. Родимцева) и до Героев Социалистического Труда доярки М. В. Корневой и бригадира Бараковой («Волжские ветры» П. А. Малининой) — такова обширная историческая галерея, воссозданная в этих книгах. Закономерно и то, что портреты современников, живые эпизоды прошлого перемежаются здесь с выкладками, рецептами сплавов, техническими подробностями или картами военных операций.

Героические страницы борьбы испанского народа с мятежниками, показавшие всему миру силу интернационального братства и дружбы, А. И. Родимцев воскрешает живо и увлекательно. Далекие драматические события становятся кровным делом советских людей. Не только для тех, кто, подобно автору книги «Под небом Испании», словом и делом защищал завоевания испанской революции, обучал республиканских солдат военному искусству, сам брал в руки оружие. Нет, и в далекой костромской деревне Саметь простая русская крестьянка Малинина мучилась и переживала за испанских братьев: «Мы знали: бомбят Мадрид, горят испанские города и села, война, кровь, пожарище... Далеко Саметь от Испании, и, наверно, на карте нет и точечки, что обозначала бы нашу Саметь, а вот у нас живут люди, о которых испанцы думают, когда в бой идут. И думы эти силу им дают, веру, надежду... И вдруг вся наша Саметь, и односельчане мои, и ферма наша, и доярки наши — все приобрело для меня новое, большое значение». Так сопрягаются географически удаленные точки, так раздвигаются горизонты жизни советского человека.

В рецензии на «Волжские ветры», напечатанной в «Правде», уже отмечалась правдивость и поучительность книги П. А. Малининой. Испытания, выпавшие на ее долю, как и на долю ее родного колхоза «12-й Октябрь», были исключительно суровыми, потребовали самоотверженного труда, доброты, великого терпения, кропотливой работы. И, оглядываясь на пройденное, на собственный путь, она говорит с полным правом: «Нету, по-моему, большего счастья для человека, как чувствовать, что ждет тебя твое рабочее место, нет большего счастья, как окунуться в бурлящую жизнь, в работу большую, важную, нужную для людей. И чем больше и труднее твоя работа, тем больше и крепче твое счастье. Никогда не поверю, что легкий труд, не требующий напряжения всех твоих сил, может принести истинное и глубокое счастье». Немалую толику большой своей русской души вложила П. А. Малинина в любимое свое дело — животноводство. Корма, удои, уход за выведенными породистыми животными, вплоть до массажа вымени, — все это становится творческим делом, требующим личного отношения и самоотдачи. «Всю свою жизнь,— вспоминает П. А. Малинина,— я посвятила сельскому хозяйству, и, если бы мне была отпущена вторая жизнь, я бы ее прожила так же».

Вывод ответственный и выношенный. Но то же самое могли бы повторить о прожитой жизни и остальные авторы «вспоминательных» книг: А. С. Гундоров, В. С. Емельянов, А. И. Родимцев. Большое и полезное начинание предприняло издательство «Советская Россия», выпустив в свет библиотечку «Рассказы бывалых людей». Авторы этих книг, летописцы Страны Советов, гвардейцы нашего общества, учат жить честно, в творческом горении и служении своему [illegible]

А. С. Гундоров. Революцией мобилизованный; В. С. Емельянов. О времени, о товарищах, о себе; А. И. Родимцев. Под небом Испании; П. А. Малинина. Волжские ветры. «Советская Россия», М. 1968.

КРАСКИ РЕСПУБЛИК

В подмосковном музее-усадьбе Кусково, в небольшом здании, недавно восстановленном реставраторами, празднество красок. В огнедышащих печах закаляли эти краски и нежные переливы тонов против жары и мороза. А прежде того создавали их искусные, талантливые мастера: художники, гончары, стеклодувы, чародеи фарфора.

Нарядные сервизы, изящные статуэтки, изысканные вазы сложились в яркую, радующую глаз выставку «50 лет советской художественной керамики и стекла».

Ее экспонаты съехались в столичный музей со всех концов страны. И в каждом отразились краски родной природы. Поэтому, часто даже не взглянув на табличку, можно узнать произведения мастеров Грузии, России, Армении, Прибалтики, Украины...

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

...А МЫ ПОВЕРИЛИ РЕКЛАМЕ

В репортаже К. Барыкина и И. Тункеля «А мы поверили рекламе» («Огонек» № 40) шел разговор о неполадках, подкидавших тех, кто, воспользовавшись путевками Московского совета по туризму, отправился летом в путешествие по одной из красивейших водных трасс — «московской кругосветке». Заместитель министра речного флота РСФСР М. Назаров сообщает: «Министерство речного флота считает, что авторы правильно указали на ряд недостатков в организации и обслуживании туристов кольцевого маршрута Москва — Горький — Москва. Пароход «Виктор Гусев» и другие суда данного типа действительно не имеют достаточных удобств, однако другого пассажирского флота для работы на маршруте Москва — Горький — Москва (кольцо) из-за ограниченных габаритов пути, а также недостаточных глубин пароходство и министерство не имеют».

Министерство дало указание Московскому пароходству разработать программу переоборудования в 1969—1970 годах общих пассажирских помещений этих судов в каюты. Впредь до такого переоборудования старые суда не выйдут на дальние туристские маршруты. Намечено оборудовать каюты на пароходах «Сергей Есенин» и «Добролюбов».

Учитывая возрастающий интерес к поездкам на судах по рекам центральных бассейнов Российской Федерации,— продолжает заместитель министра,— мы обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой о выделении средств на строительство крупного пассажирского флота для обслуживания дальних транзитных линий.

Подробное письмо пришло в редакцию от заместителя председателя Центрального совета по туризму ВЦСПС Б. Фадеева. «Вопросы, поднятые в статье «А мы поверили рекламе»,— пишет он,— являются правильными и своевременными. Советами по туризму совместно с капитанами туристских судов была произведена проверка состояния теплоходов, материалы которой направлены в Министерство речного флота для принятия мер. К сожалению, выявленные недостатки устраняются очень медленно... Из-за отсутствия специально оборудованных судов Московский совет по туризму вынужден был арендовать в 1968 году теплоходы «В. Гусев» и «Волгоград». Учитывая их неприспособленность для полноценного отдыха, решено использовать эти суда на длительных туристских рейсах в 1969 году только при условии их переоборудования и оснащения необходимым инвентарем».

...Конечно, хорошее судно — основа водного туризма. Но это еще не все. Надо так организовать путешествие, чтобы люди могли хорошо отдохнуть. В частности, в репортаже речь шла о том, что следует увеличить число «зеленых остановок». Заместитель председателя Центрального совета по туризму сообщает редакции, что в этой связи предпринимается. Хотелось бы только, чтобы несложное это дело было решено поскорее, как и другие вопросы, не требующие крупных финансовых вложений, предполагающие лишь инициативу и настойчивость. Мы имеем в виду обеспечение туристов автобусами, организацию экскурсий в городах, лежащих на пути.

«Что касается участия советов по туризму в расходах по сохранению и реставрации исторических памятников и музеев,— пишет тов. Фадеев,— то за посещение этих мест туристами туристско-экскурсионные организации профсоюзов ежегодно перечисляют более 1,5 миллиона рублей. Значительная часть этой суммы расходуется на работы, связанные с охраной и реставрацией исторических памятников и музеев. Советы по туризму на собственные средства также проводят реставрацию исторических архитектурных памятников... Участие туристских организаций в этой важной работе в дальнейшем будет, несомненно, расширяться. Центральный совет по туризму благодарит редакцию журнала за статью, которая привлекла внимание широкой общественности и заинтересованных учреждений к нерешенным вопросам организации обслуживания туристов, путешествующих по Волге».

Эти письма позволяют надеяться, что проблема «московской кругосветки» да и другие проблемы водного туризма будут решаться быстрее.

Ахмедхан АБУ-БАКАР

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Дагестанские новеллы

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Случилось это в те времена, когда горцы совершали набеги на соседние аулы. Однажды мастер Ливинд на одном из сирагинских базаров сильно разочаровался: не смог сбыть свой товар — кольца, серьги, браслеты. Мастерил он их из меди — откуда у бедняка серебро и золото?

Его увлекла джигитовка лихих парней, и он поддался их уговорам. Продал по дешевке все свои изделия, продал инструменты, приобрел боевого коня и оружие и подался в отряд, который отправлялся в набег.

В первой же стычке он получил серьезную рану в голову. Товарищи вынесли его с поля боя и в укромном месте, у горного ручья, стали осматривать рану, желая узнать, не задела ли пуля мозг.

— Что вы делаете? — спросил Ливинд, придя в себя.

— Беспокоимся, не поврежден ли мозг,— ответили они.

— Не надо, не беспокойтесь! — сказал он с глубоким сожалением.— Мозг не поврежден, потому что его нет в моей голове. Был бы мозг, так не променял бы я резец свой на оружие. Белое от чер-[illegible]

ГИДАТЛИНЦЫ

Веселый народ гидатлинцы: гидатлинцы любят согревать себя вином, гидатлинцы умеют шутить, гидатлинцы умеют рассеивать сомнения. И вот однажды в пути встретились два гидатлинца. Один возвращался из лесу, а другой шел с мельницы. И они отметили встречу добрым вином и стали смеяться, вспоминая забавные случаи. И вдруг тот, кто шел с мельницы, начал сомневаться: не над ним ли смеется сотрапезник?

— Ты, Мухамад, не смейся надо мной!

— Ну что ты, разве я над тобой?

— Ты смеешься надо мной!

— Да нет же, что ты.

— Ты неправду говоришь, надо мной смеешься.

— Нет.

— Да.

— Нет же, поверь!

— Да.

— Я говорю — нет! — И Мухамад выхватил кинжал, отрубил себе мизинец и сказал: — Даже вот столечко не смеюсь!

И с тех пор гидатлинского Мухамада прозвали «Даже вот сто-[illegible]

В БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

Стоя на холме, откуда как на ладони виден был аул Акуша, в базарный день некий сирагинец, который не смог сбыть свой товар, ругал жителей этого аула, обзывая их самыми скверными словами. Вокруг него собралась толпа степенных акушинцев, которые славятся терпением.

Оказавшийся на базаре цудахарец протиснулся в толпе и обратился к одному акушинцу:

— Что здесь происходит?

— Да вот слушаем, как этот сирагинец поносит нас, акушинцев,— объяснил акушинец.

— А скажи, пожалуйста, не слышал ли ты, может, он хоть одним словом коснулся моего аула Цудахара? — спросил, поправляя на поясе кинжал, цудахарец.

— Нет, нет, Цудахара он не касался.

— То-то же... Иначе пришлось бы рыть ему могилу на этом холме. Занятие, известно, не очень-то приятное,— сказал цудахарец и выбрался из толпы.

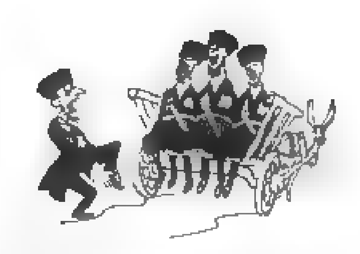
ПО ДОРОГЕ В ТЕМИР-ХАН-ШУРУ

По дороге в Темир-Хан-Шуру, бывшую столицу Дагестана, где находилась резиденция губернатора, шла группа людей с гор. И всю дорогу некий вихринец Али-Булат без умолку рассказывал о том, как когда-то он ходил в набег и занимался конокрадством. И, заметив, что никто не вымолвил за всю дорогу ни одного слова, кроме него, он обратился к спутникам:

— Что же вы ничего не расскажете, почтенные?

И тут ответил ему житель Цудахара, который шел жаловаться губернатору на конокрадов:

— Для войска, дорогой, и одного болтуна достаточно.

ЦУДАХАРЦЫ — ВЕСЕЛЫЙ НАРОД

Это на самом деле так. Цудахарцы очень любят песни. Если один заведет: «А-а-а-а!», тут же остальные подхватывают хором. Но однажды цудахарцы на арбах ехали по горной дороге. И вдруг колесо арбы прищемило одному ногу, и тот вскрикнул: «О-о-о-о!» И все хором подхватили: «О-о-о-о!»

ЛЕКТОР

Из города в аул приехал лектор. Аул был аварский, и лектор был аварец, который давно жил в городе, в городе же получил и образование. И в сельском клубе он решил, чтоб было понятно жителям, говорить, как он думал, на родном языке:

— До революции, галмахзаби (товарищи), у нас никакой законности гечу (нет), а после революции, галмахзаби, всякая законность буго (есть).

Почтенные жители аула удивлены: на каком это он языке говорит? Но друг лектора, желая его выручить, объясняет:

— Это русский товарищ, который изучает аварский язык.

Старики обрадовались:

— О, это хорошо, баркалла (спасибо) ему!

ВЕСЕЛЫЙ ВОРИШКА

В чужом саду мальчишка лет десяти, забравшись на дерево, срывал не совсем еще спелые яблоки и запихивал их за пазуху. На лай собаки выскочила хозяйка, заметила мальчишку на дереве. Хозяйка стала стыдить его:

— Ай-ай-ай! Какой паршивец. Как тебе не стыдно! Ну погоди, погоди у меня, вот пожалуюсь твоему отцу.

Мальчишка вместо того, чтобы удрать, хихикнул.

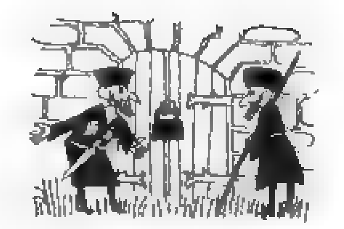
— Чего ты смеешься?!

А для этого, оказывается, у него была веская причина: отец его обрывал яблоки на соседнем дереве.

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Все его знали как доброго, отзывчивого и внимательного человека. Многим помогал он советом и делом. И звали его не случайно Акбар, что значит «делающий только добро». И к нему в мастерской однажды обратилась девушка, которая собиралась вступить в партию, с просьбой дать ей рекомендацию, на что Акбар с удовольствием согласился и только в конце спросил:

— А ничего, если я беспартийный?

СКОСИТЬ БЫ НАДО...

Однажды Куле-Име решил проведать в Таркама своего кунака Билала. Билал несколько раз бывал в гостях у Куле-Име, надо же удос[illegible]

И вот Куле-Име встретил своего кунака на окраине Таркама. Но что такое? Билал как бы не узнает его и мог бы пройти мимо, если бы Куле-Име не окликнул:

— Эй, путник, не знаешь ли ты саклю моего кунака Билала?

Билал обернулся, хотя в душе и проклял уже гостя, сделал обрадованный вид и сказал:

— Э, это ты, дорогой Куле-Име! Пошли, пошли.

Всю дорогу к аулу Билал думал, как бы избавиться от этого незваного гостя, и, наконец, нашел способ. Он повел его по давно заросшей травой тропинке прямо к воротам старой мечети, на которых висел огромный харбунский замок, и, уткнувшись в ворота, промолвил:

— И не везет же нам! Как видишь, дорогой гость, жены дома нет. И куда она могла пойти, вот беда! Слушай, ты теперь знаешь мою саклю,— если приедешь другой раз, то обязательно приходи сюда.

Куле-Име грустно покачал головой, посмотрел на заросшую травой тропинку и сказал:

— Скосить бы надо!

КТО О ЧЕМ, А ГОЛОДНЫЙ...

Это было в самый засушливый и неурожайный год прошлого столетия, о котором и до сих пор с печалью вспоминают почтенные горцы, говоря, что это был самый нищий год. Тогда-то некий богач, который ехал по долине Таркама, подсадил к себе в фургон бедного горца и решил поболтать. В фургоне лежал хурджин, а из сумы хурджина выглядывал свежеиспеченный чурек.

— Если ты умный, отгадай мою загадку,— обратился богач к бедняку.— Что такое, скажи ты мне: круглое, желтое, не яблоко и не груша?

— Чурек! — ответил бедняк, глядя на хурджин с чуреком.

— Нет, не угадал. Золотая монета, что у меня в кармане. А скажи, что такое: белое и прозрачное, сверкающее и дорогое, не вода и не стекло?

— Чурек! — сказал бедняк.

— Опять не угадал. Это алмаз в моем кольце. А скажи, что такое: длинное и ценное, украшенное белым и красным, не браслет и не пояс?

— Чурек!

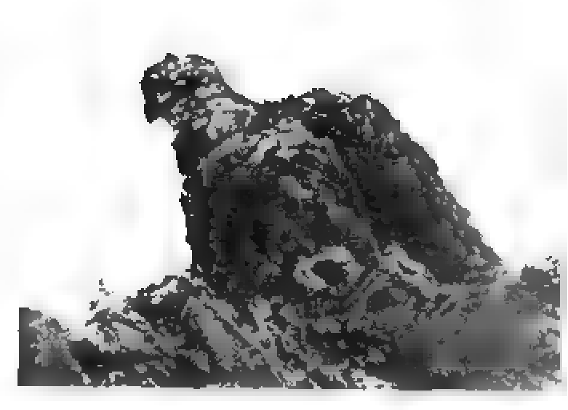
— Вот заладил! Это же сбруя моих лошадей с украшениями из серебра с рубиновыми камнями.

— А когда же будет о чуреке загадка? — воскликнул бедняк, не отрывая глаз от хурджина.

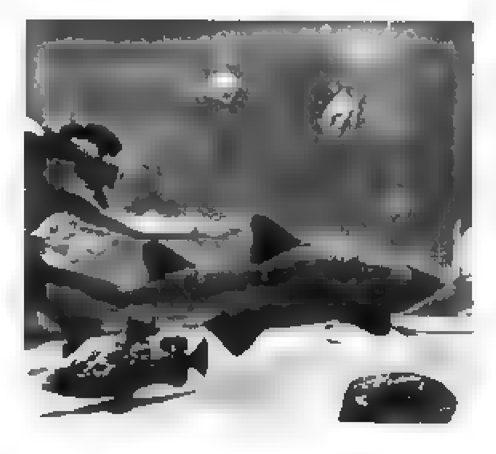
Предлагаю вниманию читателей снимок скалы, сделанный мною близ села Верхние Куларки, Читинской области. Не правда ли, очертания этой каменной глыбы очень похожи на орла?

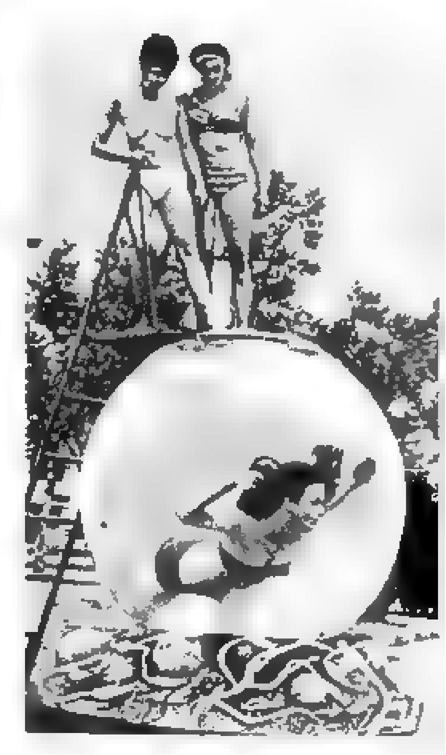
Г. Киргизов

ОПАСНАЯ ИГРА

Аквалангистка жительница Австралии Ева Папп обычно плавает там, где обитают акулы. Все ее подводные подвиги снимает фоторепортер. Так вдвоем они, рискуя жизнью, зарабатывают себе на жизнь. На случай опасности у Евы всегда с собой пневматическое ружье.

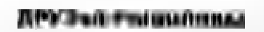
БАССЕЙН-АКВАРИУМ

Стенки этого шара, в который вмещается две тысячи [illegible] прозрачного пластика. Такой уникальный бассейн сделан в США

СМОТР МИНИ-АВТОМОБИЛЕЙ

В Токио состоялась выставка миниатюрных моделей автомашин. На ней было показано десять тысяч автомобильчиков, сделанных из пластика.

Сторож зоопарка англичанин Эдвард Милборо — страстный рыболов. Чтобы не скучать в одиночестве, он берет с собой на рыбную ловлю молодую слониху Ирму.

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

«INVICTA»

Итак, мы уже знали, название операции Шелинга: «invicta». Надо было осуществлять ее под нашим, конечно, наблюдением.

Как же все выглядело в этой решающей минуте?

Профессор Старцев — главная фигура. Старый, профессиональный разведчик. Он же Суровцев, инженер и сотрудник Пальского. Родин не знал, как давно Старцев связан с разведкой, предполагал, что давно.

Родин сообщил нам, что с некоторых пор у Старцева возникли трудности с передачей информации. Прежние связи оборвались. Затруднение объяснялось просто. Профессор Старцев перешел на работу в научно-исследовательский институт. Ранее Старцев частенько встречался со своими коллегами учеными, приезжающими с Запада. В их числе были и связники, и через них он передавал информацию. Теперь избегал таких встреч, опасаясь провала.

Родин показал, что Старцев, в частности, был связан с Жаньеном. Тот работал на ведомство Шелинга. Именно по рекомендации Старцева Жаньен установил связь с Значковским, втянул его в валютные операции и подготовил вербовку за рубежом. «Invicta» предусматривала прямую связь Старцева и Значковского путем личного контакта, связь Значковского с Родиным — через тайник без личных контактов.

Мы решили не торопить события, поскольку цепочка замкнулась в своих звеньях.

И вот наконец наступил день первой передачи. Мы постарались, чтобы в руки Старцева попал «интересный» материал из той области науки, которая очень интересовала его заокеанских хозяев. Нелишне подчеркнуть, что этот материал составлялся специалистами в расчете на то, чтобы дезориентировать хозяев Старцева. К тому же и без нашего участия у Старцева, наверное, накапливался материал для передачи. Мы спешили с вручением ему материалов и по своим чисто профессиональным соображениям. Старцев, по всей вероятности, должен был зашифровать сообщение. И нам важно было получить ключ к его шифру.

Утром Значковский со Светланой Старцевой и со знакомыми выехал на «нивинте» из дома.

В воскресный день шоссе не загружено. Он ехал быстро. До Бронниц добирался минут сорок, свернул на бетонку. Машину остановил возле столба на двадцатом километре.

Затеяли пикник. Расстелили на земле брезент. Значковский перенес из машины корзинку с продуктами, все разбрелись собирать валежник для костра. Собирая валежник, Значковский подошел к березе и вынул из тайника одну консервную банку с деньгами и вложил другую, с информацией.

Пикник продолжался недолго.

Со стороны Коломны в Бронницы выехала «Волга». За рулем сидел Родин. Он проехал к условленному месту, извлек передачу Значковского.

Никто не ограничивал его во времени, действовать он должен был с учетом безопасности.

У поста ГАИ, при пересечении Каширского шоссе, Родина остановили. К нему подошел сотрудник КГБ в милицейской форме, проверил документы и незаметно переложил в свою сумку консервную банку. Родин проследовал в совхоз, банку повезли в Москву. Вскрыли ее и обнаружили в незашифрованном виде информацию Значковского о встречах с летчиком Отаром Бочирошвили, схемы его самолета, микропленку с чертежами самолета. Информация же Старцева была зашифрована. Несколько часов работы специалиста, и мы получили дешифровку. Да, вовремя мы вышли на след...

После внесения коррективов в эту информацию Родин отвез передачу на Симферопольское шоссе.

Восемьдесят шестой километр. Каменная опалубка у изножья километрового столба. Родин перевернул три белых камешка — они зачернели тремя черными точками... Отошел в лес, отыскал нужную ему ель и под нижней ее веткой положил консервную банку.

К километровому столбу подъехала машина с дипломатическим номером. Из нее вышли люди. Они сошли «прогуляться» в лес...

Не составляло труда узнать, кому принадлежала машина, кто были ее пассажиры, в какое посольство ушла передача!

Теперь оставалось терпеливо ждать.

Перед вторым воскресеньем третьего месяца Родин получил открытку без обратного адреса.

Окончание. См. «Огонек» №№ 42—44, 46—48.

В открытке шел малозначащий текст. Этот текст был сигналом. Родин должен был срочно навестить тайник на восемьдесят шестом километре Симферопольского шоссе. Навестил. Получил ответ.

Последняя информация технического значения была оценена как очень интересная, просили некоторых уточнений, причем срочно.

И еще одно, второе воскресенье. Февраль. Значковский оставил передачу.

Родин взял консервную банку. На переезде его машина задержалась. Он передал нам посылку. За переездом остановился у чайной в большой деревне. В специальной машине эксперты расшифровали письмо профессора.

Родин доставил передачу на восемьдесят шестой километр. На этот раз передача была взята на другой день. В понедельник. Взяла передачу опять же машина с дипломатическим номером.

И опять ожидание. Терпеливое ожидание. И вот оно! Открытка Родину. Он явился к тайнику. Получил указание укрепить связь Значковского с летчиком. Информации Значковского придали особое значение. На этот раз требовали более точных сведений о летчике, интересовались возможностью его вербовки.

И еще пришло второе воскресенье очередного месяца. Март. Значковский навестил тайник.

Прошел апрель, наступил май...

Игра в дезинформацию подходила к концу. Затягивать ее было рискованно.

Пришлось поломать голову. Надо было как-то активизировать противника, вызвать его на более значительные акции или заканчивать игру.

В руки Старцева мы подсунули такого рода материал, что он немедленно запросил у Шелинга возможности личной встречи.

Некоторое время спустя в списке очередной группы туристов из Соединенных Штатов появился Шелинг. Он ничем не рисковал, отправляясь в туристическую поездку.

Шелинг не предупредил о своем приезде через тайник. Значит, он имеет возможность известить профессора по другой линии связи? Какой? Об этом могут знать только профессор и Шелинг. Что это за линия связи, каковы ее возможности? Зашифрованное короткое известие о приезде или в этой линии связи есть возможность передачи и подробностей встречи, ее организации, места? В этом могли быть заключены непредвиденные опасности, могла быть и система тревоги. Тревога могла быть поднята, с одной стороны, профессором, с другой — Шелингом. Тогда все рушилось. Встреча не состоялась бы.

А если она состоится? Где? Будет ли возможность проконтролировать ее. И будет ли вообще личная встреча? Не найдет ли Шелинг еще кого-нибудь? Вопросы, вопросы и вопросы...

Наступил последний акт драмы. Последний акт...

ВСТРЕЧИ...

Пришел запрос на визы для группы туристов, в которой значился Шелинг.

Через несколько дней на пограничной станции можно было ожидать «высокого» гостя.

Значковский вызвал телеграммой Бочиро[illegible]

Родин получил через тайник распоряжение стоять в назначенный срок у входа в ГУМ.

Как будет оповещен Старцев, оповещен ли он, мы не знали. Ничем здесь не мог нам помочь и Родин

как он вышел из такси, и как прошелся неторопливым шагом по стоянке, как приблизился к машине и взглянул на Родина.

В двенадцать часов Родин завел мотор и уехал.

На другой день группа туристов пошла в Третьяковку. Немного раньше туда пришел Значковский. В двенадцать тридцать он остановился возле картины Иванова. Сзади к нему подошел Шелинг и встал рядом. Он даже не скосил глаз на Значковского. Постоял рядом и пошел в другой зал.

Парад продолжался.

Значковский назначил встречу с Бочирошвили в кафе «Националь». Они заняли столик во[illegible]

Мимо окна прошел в гостиницу Шелинг.

И только? Не собирается ли он этим ограничиться? Зачем тогда запрос о возможности вербовки?

А как же со Старцевым?

За профессором было установлено тщательное наблюдение. Никаких признаков беспокойства он не проявлял.

Наблюдать за Шелингом было очень трудно. Он был опытным мастером, мог обнаружить внешнее наблюдение.

Какой же еще есть канал для связи у Старцева с Шелингом?

Должен признаться, что очень нас беспокоил этот канал. Они могли снестись незаметно для нас, объясниться, и тогда...

Но чудес не бывает.

В нашей работе надо приглядываться и к обыденным привычкам человека. И в обыденном случаются исключения. Каждый вечер Старцев перед сном совершал прогулку. В любую погоду он выходил на Гоголевский бульвар.

Старцев вышел на прогулку, прошелся от памятника Гоголю до Кропоткинских ворот, вернулся назад и присел на крайнюю скамейку [illegible]

Шелинг пешком пришел из гостиницы к памятнику и сел на скамейку, где сидел Старцев. На скамейке еще сидела пожилая женщина, возле нее играла девочка. Шелинг заговорил с девочкой о каких-то пустяках, подарил ей шоколадку, представился, как перед взрослой, назвал свою фамилию. Пожилой женщине объяснил, что он американец и что вот приехал туристом, с военных лет не бывал в Москве, что нашел в городе много перемен к лучшему.

В разговор вступил Старцев. Расспрашивал Шелинга, какое впечатление произвел на него город.

Затем они встали, медленно пошли, разговаривая, к Кропоткинским воротам. Два безобидных с виду старика, почти ровесники.

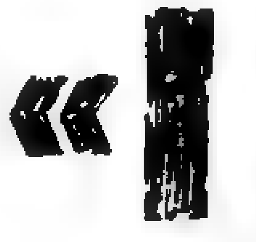
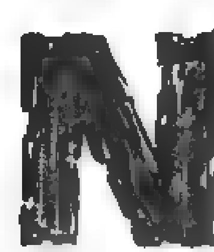
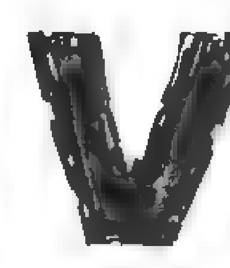
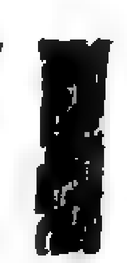
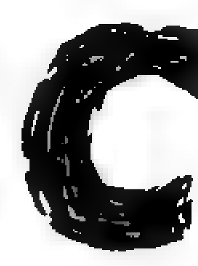
Они останавливались, как бы увлеченные разговором, останавливаясь, имели возможность осмотреться...

Мы уже знали, что Шелинг, выходя из гостиницы, не предпринимал никаких попыток какнибудь уйти от возможного наблюдения, никаких конспирирующих действий не предпринимал и Старцев. Они играли в случайную встречу двух незнакомых людей: разговорчивого американца и московского старожила.

Их встреча могла быть зафиксирована. И что же? В чем мы их упрекнули бы? Встретились и разговорились о Москве? И только?

Сначала они действительно говорили о Москве, затем, видимо, удостоверившись, что около них нет ничего подозрительного, перешли к делу.

Шелинг объявил Старцеву, что его последняя информация вызвала очень большой интерес в

В Москву Шелинг прибыл на «Красной стреле». Группа туристов сразу же проследовала на автобусе в гостиницу «Националь». После завтрака предстояло коллективное посещение музея. Вернувшись с экскурсии, Шелинг пообедал, затем взял такси и поехал по московским магазинам. Ну, конечно, прежде всего в комиссионный антикварный магазин на улице Горького. Там он купил какую-то серебряную безделушку, затем проехал в комиссионный магазин на Арбате и вот наконец появился на улице 25-го Октября. Шелинг отпустил машину.

Родин дремал за рулем. Шелинг поравнялся с его «Волгой», бросил короткий взгляд на Родина, скользнул по его лицу равнодушным взглядом и тут же отвернулся. Миновал машину, вышел на тротуар и двинулся по направлению к ГУМу. Ну что же, и такая малая толика годится для улики в длинном ряду других улик. Его, конечно, сняли на кинопленку. И то,

высоких сферах. Рискуя очень многим, он выехал к Старцеву, чтобы уточнить некоторые детали. Нужны подробности к переданной информации и некоторые дополнительные сведения. Возможно ли добыть такого рода сведения?

Старцев отвечал уклончиво. Он объяснил, что его новое положение, работа в новом институте открывают неожиданные перспективы, однако именно «неожиданные». Его приглашают на консультации по вопросам, которые ранее ему не могли быть доступны.

Они с Шелингом должны прежде всего пересмотреть условия, на которых идет работа. Эта информация намного дороже той, что поставлялась раньше. Но добывать ее значительно опаснее. Старцев жаловался, что стал старым человеком, устает, что расшаталась нервная система. Он вызвал Шелинга и для того, чтобы обусловить сроки окончания его работы. Старцев соглашался работать еще не более года. Че-

рез год он покупает туристскую путевку и уезжает из России навсегда.

Шелинг принял условия Старцева. На том они и расстались.

Старцев и Значковский обличены. Шелинг? С ним еще есть неясности... Улик пока недостаточно. Может и ускользнуть «высокий гость»...

Шелинг с группой туристов уехал в Грузию, из Грузии в Киев. Десять дней продолжалась его поездка

Десять дней Значковский не отпускал от себя Бочирошвили. Он сватал ему роскошную машину из рук одного автолюбителя. Тянул время. Бочирошвили несколько раз порывался уехать, Значковский каждый раз находил причину, чтобы задержать отъезд летчика. Стало быть, он еще мог понадобиться Шелингу.

Каждый день Значковский и Бочирошвили обедали в кафе «Националь» Обедали в одно и то же время. От трех до четырех часов.

И вот он логический конец операции «Invicta»!

Шелинг вернулся в Москву

На второй день по возвращении в Москву он вышел в три часа дня из гостиницы и прогулочным, неторопливым шагом прошелся вдоль окон кафе «Националь».

Значковский поглядел на часы и заторопился Он объявил Бочирошвили, что они должны поехать на последнюю и решительную встречу с хозяином машины. Бочирошвили до этого часа так и не видел хозяина машины.

Значковский подозвал такси

Все документы на арест преступников были у нас готовы.

Профессора Старцева, как только машина со Значковским и Бочирошвили отъехала от кафе «Националь», пригласили в министерство, в ведении которого находился его институт Он вышел из подъезда. Подъехала «Волга». Предупредительно распахнулась дверца, профессор сел в машину машина помчалась к центру Москвы, к площади Дзержинского.

В глубине Измайловского парка Значковский и Бочирошвили встретились с Шелингом

— Это вы хозяин машины? — спросил Бочирошвили, разыгрывая беспокойство.

— Наверное! — ответил Шелинг.— О какой машине вы спрашиваете?

— «Кадиллак»! Значковский сказал, что вы хотите продать «кадиллак».

Шелинг снисходительно усмехнулся.

— Есть «кадиллак»...

— Вы его продаете?

Шеллинг вздохнул и поучительно ответил:

— Все продается... Вопрос в цене...

— Надо посмотреть машину... Я сам назначу цену.

Шелинг помедлил с ответом, довольно бесцеремонно разглядывая Бочирошвили.

— Вы решительны! — заметил Шелинг после паузы.— Откуда у вас деньги на «кадиллак»? Вы просили у вашего друга новую машину... Вы знаете, сколько стоит новый «кадиллак»? Одиннадцать тысяч долларов...

— У нас нет таких цен... В советских рублях я расплачусь. Я хорошо зарабатываю. Вы боитесь, что у меня темный заработок? Не бойтесь! Я не спекулянт...

— Летчик?

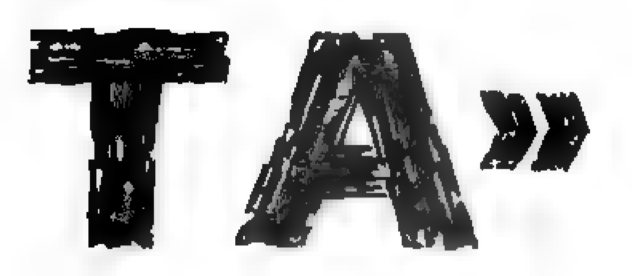
— Летчик-испытатель...

— Военный человек?

— Майор!

Шелинг опять помедлил Достал из кармана фляжку грузинского коньяка и складной стаканчик. Выбрал на полянке местечко и присел на пень.

— Сделку положено обмыть!

Бочирошвили брезгливо поморщился.

— У нас это не так отмечают... Есть ресторан «Арагви».

Но все же по стаканчику выпили.

— Итак, вы военный человек, Бочирошвили. У меня есть к вам вопрос: скажите, что полагается офицеру Советской Армии по советскому законодательству за передачу иностранной разведке сведений о секретном вооружении?

Бочирошвили пожал плечами.

— Наверное, расстрел... Почему это вас интересует?

Шелинг достал из кармана конверт и передал Бочирошвили.

— Вскройте... Ознакомьтесь с чертежами.

Бочирошвили разорвал конверт. У него в руках были фотокопии чертежей.

— Вам знакомы эти схемы?

И ужас и растерянность на лице Бочирошвили

— Откуда это у вас? — воскликнул он.— Это ты?!

Он обернулся в ярости к Значковскому.

— Не кричите! — остановил его Шелинг.— Мне известно, что эти материалы попали в руки американской разведки Зачем кричать? Надо искать выход из положения.

— Кто вы такой? — подступил к нему с вопросом Бочирошвили.

— Какая разница, кто я? Что вы думаете делать, летчик?

Бочирошвили отступил на шаг. Он оглядывался, как затравленный зверь.

— Надо пойти и доложиться по начальству! — предложил Значковский.

Бочирошвили переводил настороженный взгляд с Шелинга на Значковского, с Значковского на Шелинга.

— Можно и не докладываться! — добавил Значковский.

Бочирошвили понимающе кивнул головой.

— Вы не ответили на мой вопрос,— наступал Шелинг.— Что вы думаете делать, летчик?

Бочирошвили придвинулся к Значковскому

— Я убью мерзавца!

Шелинг поднялся с пенька. Встал между Значковским и Бочирошвили

— Убить человека незатруднительно... А дальше?

Бочирошвили сжал кулаки, но под взглядом холодных глаз отступил

— Вы мне можете предложить какой-то выход?

— Возможно...

— Кто вы такой?

Шелинг усмехнулся.

— Вы до сих пор не догадались?

Бочирошвили вытер ладонью холодный пот со лба.

— Что вам от меня надо?

— Вы сделаете уточнения в этих схемах. Технические уточнения...

— И что же дальше?

— Остальное зависит от вас... Вы хотели избежать ответственности. У вас есть самолет Ваш аэродром в тридцати минутах полета от границы. Никому не придет в голову применять ракеты земля-воздух против экспериментальной модели. Дальше мы все берем на себя... Мы вас не обидим

Шелинг вдруг замолчал и приложил палец к губам.

В глубине рощицы возникли две фигуры. Молодой человек шел под руку с девушкой. Они шли прямо к трем березкам, под которыми расположились Шелинг, Значковский и Бочирошвили

Бочирошвили оглянулся

— Присядем,— сказал Шелинг.— Мы не до- [illegible]

— Черт этих влюбленных принес! — ответил Бочирошвили.

Парочка шла медленным шагом. Все трое сели на траву. Значковский достал из кармана пол-литра водки и стаканчик. Развернул сверток с бутербродами

Бочирошвили упал лицом на землю и уткнул лицо в траву.

Парочка приближалась.

Бочирошвили взглянул на них, чуть повернув голову, и глухо сказал:

— Эта жизнь не для меня... Я не привык людей бояться...

— Придется привыкать,— ответил Шелинг.— Я привык...

Бочирошвили вдруг сел.

— Ради чего?

— А ради чего вы рискуете на опытных моделях. Сколько их горело?

— В воздухе лучше гореть...

— Чем же лучше?

— Сразу и славы много!

Шелинг вдруг улыбнулся.

— А вы романтик, господин Бочирошвили! Я люблю романтиков.

— Вот еще один! — заметил Бочирошвили.— Москва.. И поговорить не дадут.

Шелинг оглянулся.

С другой стороны леса приближался к поляне пожилой седой человек. Он шел с книгой в руках. Шел более уверенным и целеустремленным шагом, чем влюбленная парочка.

Шелинг протянул стаканчик Бочирошвили.

— Для привычки... от людей спрятаться.

— Давайте помолчим! — перебил его Бочиро-[redacted]

Пожилой седой человек и парочка сближались.

Первыми вышли на поляну молодые люди.

— У вас нет спичек? — спросил молодой человек, достав из кармана пачку сигарет.

Отказать было невозможно: Значковский курил. Он встал и протянул молодому человеку коробку спичек.

Подсечка под ногу, и Значковский опрокинулся на спину. Шелинг поднял голову, его глаза встретились с черным глазком пистолета.

— Спокойно! — сказал Бочирошвили.— Пистолет заряжен.

Шелинг приподнялся на колени.

Теперь и я мог вмешаться.

— Здравствуйте, господин Шелинг! Как вы себя чувствуете на лоне природы?

Шелинг вскочил на ноги.

— Чекисты?

— Чекисты, господин Шелинг! Только не надо нервничать и делать глупости...

Шелинг обернулся к Бочирошвили. Чуть прищурился.

— А этот летчик? Он тоже чекист?

— Чекист, господин Шелинг!

— Профессионально сделано... Двадцать лет тому назад вы работали грубее.

— Времена меняются, господин Шелинг! Меняются и методы

— Я так понимаю, что вы начальствующее лицо?

— Отчасти... Дубровин, полковник Дубровин...

— Ах, вон оно как! Высокая честь...

— По Сеньке шапка! Есть такая русская пословица.

— Тогда я хотел бы с вами говорить наеди-[redacted]

— Ну что же, парк велик. Можем прогуляться по парку.

Мы пошли с поляны в глубину парка.

— Я не хотел бы ареста, господин Дубровин,— начал Шелинг.— На следствии за мной останется право молчать. Здесь я говорил бы откровеннее.

— Это зависит от того, что вы можете нам сказать... Я имею в виду, что вы нам можете сказать нового?

— Я вообще не хотел бы огласки всей этой истории.

— Об этом надо поразмыслить, господин Шелинг!

— Моя откровенность этого стоит... Я вам могу еще пригодиться, господин Дубровин.

— Такие вещи выясняются в процессе событий, господин Шелинг.

РАЗВЯЗКА

Итак, события приближаются к своему логическому концу. Остается рассказать о последнем акте, о последнем действии этой драмы, фарса или трагикомедии. Пусть читатель сам определяет жанр этой истории.

Передо мной профессор Старцев, [redacted] инженер Суровцев, он же... Поподробнее [redacted] тулы мы назовем позже.

Он представителен и даже величав. Густые жесткие волосы, тонкие губы, тяжелый подбородок, суховатый взгляд стальных глаз.

— Вы прочитали постановление об аресте? — спросил я профессора.

— Прочитал... Клевета и гнусность!

— Не торопитесь, гражданин! — остановил я его. Но по фамилии его не назвал

— Есть вопрос! — сказал Старцев.— Когда вы поставите в известность руководство института о моем аресте?

— Руководство института поставлено обо всем в известность. А нам надо с вами выяснить некоторые обстоятельства. Вопрос первый: ваше имя, фамилия и отчество?

— В постановлении об аресте все это записано... Зачем вам эта формальность?

— Формальность? Нет, это вопрос по существу. Ваше имя, фамилия и отчество?

— Старцев Арсентий Дмитриевич! Место рождения — Старогород. По документам год рождения девяностый прошлого столетия. Но я думаю, что это ошибка в записи... Лет на пять сделали меня моложе...

— Старцев Арсентий Дмитриевич! — повторил я.— Старцев... Хм! Вы никогда не носили другого имени и другой фамилии?

— Это что? Тоже вопрос по существу? Или вы каждому подследственному задаете такой вопрос?

— Смотря по обстоятельствам!

Я все еще избегал называть его по имени.

— Повторю вопрос! Вы когда-нибудь носили другое имя и другую фамилию?

Профессор откинулся на спинку стула. Внешне посуровел и тоном официальным ответил:

— Я Старцев Арсентий Дмитриевич.

Не я отнюдь не торопился устанавливать с ним официальный тон. Как бы в раздумчивости я сказал:

— Странно...

И замолчал.

Старцев мгновенно ухватился за нотки сомнения в моем тоне.

— Может быть, какое-либо недоразумение!

Я внимательно поглядел на Старцева. Тяжело вздохнул. Пусть как ему это угодно истолковывает мой вздох. Встал из-за стола и прошел к сейфу. Отпер сейф, достал папку. Не отходя, порылся в папке, вернулся к столу с пачкой фотографий

Это были фотографии Старцева за многие годы его продвижения по служебной лестнице.

Я их веером разложил перед ним на столе.

И выходя из-за стола, и стоя у сейфа, и выложив фотографии, я не спускал глаз со Старцева. Мне было важно знать, как владеет собой этот человек, насколько серьезный противник сидит передо мной.

Пожалуй, я мог уловить у Старцева лишь [redacted]

— Это ваши фотографии? — спросил я.

— Мои... некоторые из них даже подписаны мною... Это фотографии из личных дел.

— Приглядитесь внимательнее к своим фотографиям.

Старцев пожал плечами.

— Они относятся к разным годам вашей жизни. Лицо менялось, вы старели.

— Все стареет...

Я положил перед Старцевым две фотографии. Его фотографию двадцатых годов и фотографию инженера Суровцева.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил я Старцева.— На одной фотографии вы, Старцев, на другой... Это тоже ваша фотография?

Старцев рассматривал фотографии, не касаясь их руками, фотографию с «паккардом» и великим князем взял в руки.

Чаще, заметно чаще, начала пульсировать синяя жилка над виском. Он поправил очки. Пожал плечами.

Учащенная пульсация жилки — это не разыгранное волнение. А вот очки он начал поправлять, пожал плечами — это игра. Видя, что не может скрыть волнения, он его подчеркивал [redacted]

— Это подлинная фотография? — спросил он [redacted]

— Вам лучше знать!

— В своей лаборатории я это установил бы... Мне еще не приходилось встречаться с такими странными вещами. Случается, что один человек похож на другого... Между ближайшими родственниками даже частенько случается. Простите, но это мой двойник! Не приблизительно похожий человек, не просто похожий на меня человек — это двойник! Или... Или я буду утверждать, что это искусная подделка, фотомонтаж, сделанный в неизвестных мне целях!

— Нет, это не фотомонтаж! Я тоже смотрю и диву даюсь. Редчайшее совпадение!

— И кто же этот мой двойник?

— Суровцев... Инженер, торговый представитель в Петербурге американской автомобильной фирмы «Паккард». Суровцев родился в Петербурге, был выходцем из дворянской семьи и никакого отношения к Старогороду не имел...

— Старогород — маленький городок... Не каждый даже знает, что есть такой в России. О Суровцевых я там не слыхивал...

— В Старогороде, пожалуй... Там о Суровцеве трудно было услышать. Может быть, вы с ним встречались в других местах? Когда-нибудь вы встречались с Суровцевым?

— Я долгую жизнь прожил, гражданин следователь! Мало ли с кем я встречался! Всех и не упомнишь... Но если бы я встретился со своим двойником, я это запомнил бы!

Очень уж охотно Старцев включился в игру воспоминаний. Мне это нужно было, чтобы разговориться с подследственным, прощупать его слабые места, удостовериться в его умении скрывать свои мысли и чувства. Старцев ждал, откуда последует главный удар, и ему, конечно, было интересно, как давно он попал в поле нашего зрения, что мы о нем знаем.

— Скучные воспоминания. Не так ли? — остановил я Старцева.— И не по существу дела. Я хотел бы получить от вас ясный и точный ответ. Вы не встречались с Суровцевым? Может быть, вы что-нибудь слышали о нем?

— Не встречался с Суровцевым и никогда о нем не слышал!

— Когда вы служили в Красной Армии, вы писали письма родным в Старогород?

— Я был тогда малограмотным... Писем не [redacted]

— Как погибли ваши родители в Старогороде?

— О матери ничего не слышал. Отец разорился, он был купцом, с горя запил горькую и умер под забором.

Я сожалеюще покачал головой.

— Отец Арсентия Дмитриевича Старцева был действительно купцом. Но его расстреляли петлюровцы за то, что его сын служил в Красной Армии.

Старцев привстал. У него побелели губы. О, он, конечно, понял, что мы очень глубоко копались в его биографии. Именно поэтому у него побелели губы и мелко затряслись руки. Но он опять переборол волнение.

— Что вы говорите? Я считал, что отец умер бродягой, под забором, а он, оказывается, герой!

— Вы писали отцу, он вам писал?

— Куда? Наш почтовый адрес очень часто [redacted]

Я положил на стол перед профессором письмо Старцева к отцу в Старогород, написанное на рекламном проспекте фирмы «Паккард» с адресом А. А. Пальского.

Ну, конечно, он и не знал, наш профессор, что настоящий-то Старцев написал это письмо, «позаимствовав» у Суровцева рекламный проспект. Написал письмо людям, которых давно нет в живых и следов от которых не могло остаться. А письмо осталось. Мог ли инженер Суровцев предполагать, что какой-то бухгалтер в Старогороде затеет собирать коллекцию писем, не нашедших адресата?

Я следил за глазами профессора. Вот он дочитал до точки. Но не проспект же он читал, а письмо,— проспект ему был знаком, разве что он мог воскресить в нем дорогие сердцу воспоминания.

— Экспертиза установила, что ваш почерк не совпадает с почерком автора этого письма. Писал Арсентий Старцев на рекламном проспекте, который...

— Который принадлежал Пальскому? Так вы хотите сказать? — перебил меня профессор.

— Хм! Нет! Я далек от такого смелого утверждения. В руках Пальского проспект этот должен был побывать! Очевидно, профессор, и инженер Суровцев располагал такими проспектами. Но рекламные листы для того и издаются, чтобы их распространять. Арсентий Старцев мог получить их из других рук. Вы это имели в виду, перебивая меня?

— Могло быть и так...

— У кого же он получил? Он служил рядовым красноармейцем. Письмо пришло откуда-то из-под Ростова-на-Дону. Вы же не будете утверждать, что в тех районах в те годы могли найтись покупатели «паккардов».

Наконец-то Старцев усмехнулся...

— Вам очень хочется доказать, что я и Суровцев — одно и то же лицо? Что это вам даст, Никита Алексеевич?

— Это объясняет одну непонятную вещь! Мы никак не могли понять, каким образом сын старогородского мещанина и купчишки, бывший красноармеец, которого выучила грамоте Советская власть, которая привела его к профессорской кафедре,— каким образом человек с такой биографией попал на службу к нашим врагам? Как он мог предать Советскую власть? Суровцев? Инженер, торговый агент иностранных фирм — это рядом с иностранной разведкой. Старцев из Старогорода — это странно! Только для этого, Арсентий Дмитриевич, мы копались в этой истории... Я думаю, что вам нет смысла отказываться, что вы сменили фамилию Суровцева на Старцева... Расскажите, как вы это сделали.

Старцев передернул плечами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Все это относится к Суровцеву, а не к Старцеву.

— Хорошо, оставим этот вопрос. Он имеет чисто академический интерес. Как вы нашли Шелинга? Вы давно с ним не виделись?

Старцев встал и как бы даже с облегчением [redacted]

— Ах, вон оно что! А я никак не мог в толк взять причину ареста. Это за то, что я встретился с американцем на бульваре, вы мне предъявили обвинение в шпионаже?

— Арсентий Дмитриевич! Неужели вы это всерьез? За то, что вы встретились с американцем, вас не стали бы обвинять в шпионаже! Я вам задал житейский вопрос. Встретились старые друзья... Ответ на этот вопрос я даже не занес бы в протокол.

— Боюсь, что вам вообще ничего не придется заносить в протокол.

Я попросил привести ко мне Шелинга. Очная [redacted]

На первом допросе Старцева мы ставили ограниченную задачу. Надо было посмотреть: будет ли он говорить? Никто от него не ожидал немедленных признаний, шаг за шагом мы ввели бы его в сферу его деятельности. А потом мы задали бы вопросы, которые остались для нас еще неясными.

Шелинг рассказывал все. Но некоторых вещей, касающихся Старцева, он не знал или не хотел нам раскрывать.

Нас интересовало, когда и как Старцев-Суровцев встал на путь шпионажа.

Шелинг утверждал, что еще в сорок четвертом году он получил Старцева в порядке пере-

— Охотника я отпустил, только снял с него шкуру.

Рисунок В. Тамаева.

дачи агентуры от немецкой разведки. Старцев-Суровцев числился по ведомству Канариса, в военной разведке. Мы могли предполагать, что инженер Суровцев, связанный с заграничными фирмами еще до революции, был завербован военной разведкой армии Вильгельма. Шелинг утверждал, что немецкий резидент, передавая Старцева-Суровцева, данных о времени его вербовки не сообщил. Не сообщил и о связях Старцева, не сообщил ничего и о его работе на немецкую разведку. Вот примерно тот круг вопросов, который мы должны были узнать от Старцева.

Шелинг терпеливо ответил на все наши вопросы в присутствии Старцева. Старцев отказался подтвердить его показания.

Мы оставили Старцева подумать о своем положении в одиночестве.

Я вызвал Значковского. О, далеко не так он входил впервые в этот кабинет. Тогда он мог иронизировать, снисходительно принимая мои вопросы о машине, играл в прямоту и смелость.

От игры он не отказался и в крайнюю минуту.

Сел за столик, уронил голову на руку и прикрыл глаза ладонью.

Мы исполнили формальности, необходимые для начала допроса. Он не поднимал головы, не открывал глаз. Поза отчаяния или, может, раскаяния?

Я кончил писать и положил ручку. Мы помолчали.

В блокноте у меня были набросаны вопросы. И первый — самый логичный для этого случая. Простой вопрос.

— Чем бы вы могли объяснить, гражданин Значковский, причину вашей встречи с Шелингом? Зачем вы встретились с Шелингом?

Тяжелый вздох в ответ и даже всхлипывание.

— Вы когда-нибудь раньше встречались с Шелингом? Вы с ним знакомы?

— Знаком...— выдавил из себя Значковский.

— Так чем же все-таки вызвана ваша встреча в Измайловском парке?

— Бедой моей!

Он поднял голову и проникновенно заглянул мне в глаза.

— Один раз только споткнулся на этой дорожке! Один только раз... Попала мне однажды в руки валюта. Продал. За несколько минут оправдал несколько концертов... А деньги, они хоть клеем и не смазаны, а к рукам прилипают. И еще раз валюта попала в руки, а потом и сам начал искать... Ну и что же говорить: один раз живем!

Значковский опять тяжело вздохнул.

— Один раз живем! Один раз... Деньги?! Сами по себе они ничто! Но я мог на них купить... Я люблю машины. Я люблю всякую технику. У меня дома музыка... Стереофоническое звучание... Ну и все прочее... Казните! Виновен.

— В чем вы виновны? Давайте уточним!

Значковский опять вздохнул.

— Перебрасывал валюту! В этом и виновен!

— Спекуляция валютой — так надо вас понимать!

— Именно так...

Я попросил Значковского рассказать, как он проводил валютные операции, не перебивал его, дал возможность высказаться. О, он с великой легкостью назвал тех лиц, через которых сбывал валюту. Мы их уже знали. Здесь он был правдив. Откуда брал валюту? Вот здесь уже начиналась фантазия. Знакомства на улице с иностранцами, за ресторанными столиками, с туристами возле бензоколонок. Ни слова о Жаньене, ни слова об инсценировке «подарка». Суммы операций им назывались довольно точно.

Пока он все это рассказывал под стенографическую запись, я в иных местах рассказа, где он говорил правду, ободряюще кивал головой.

Он кончил, я сделал вид, что задумался. Много у меня к нему вопросов. Разных ошеломляющих вопросов. Солидная была проведена подготовка.

— Скажите, Значковский,— спросил я его,— почему некто Жаньен однажды, прервав командировку, внезапно вылетел из Москвы?

Значковский был подготовлен. Он оказался мастером актерских переходов. Он вдруг взорвался... Сыграл нервный взрыв. Но он не закричал, не возмутился, он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и натянуто, но все же и вызывающе улыбнулся.

— Значит, в таком стиле все пойдет, гражданин следователь? Очень забавно. Собрались мне дело клеить? Давайте! Карты на стол! А я-то! Раскис... Раскаялся!

Значковский вытянул из кармана сигарету и закурил.

— Еще вопрос! — сказал я, как будто он и не менял стиля допроса.— Вы сами выбирали машину в Нью-Йорке или эту акцию передоверили своим американским друзьям?

Значковский сделал глубокую затяжку, загасил сигарету о подошву ботинка, свернул ее и щелчком кинул на пол.

Я проследил взглядом за полетом сигареты и укоризненно покачал головой.

— Не одобряете? — спросил он меня.— Свинство? Согласен! На большее вы не можете претендовать!

— В чем же вы усматриваете свинство, гражданин Значковский?

— Я искренне признался... А вы мне шьете черт знает что!

— А именно?

— Какого-то Жаньена!..

— Жаньен? Это один из валютных компаньонов... Мы ничего вам не шьем. Я терпеливо выслушал ваши откровенные, как вы выразились, признания. И что же? Откровенности-то и не было. Да, вам будет предъявлено обвинение в спекуляции валютой. Но это не главное. Главное — это измена Родине.

— Шпионаж? Это надо доказать, гражданин следователь!

Я обещал Значковскому попытаться привести доказательства.

Пришлось выполнить обещание. Мы показали Значковскому фильм — гонки на шоссе. Замедленной проекцией продемонстрировали ему эпизод с переброской информации из его машины в машину иностранного корреспондента. Потом прокрутили киноленту, которая напомнила посещения тайника на шоссе за Бронницами. Затем показали суматошные поиски в карманах летчика и... многое еще что показали.

Актер предстал перед нами в третьей своей роли. Теперь он не кидал сигарет на пол, торопливо, сбивчиво начал рассказывать. На этот раз правду.

Рассказ его повторить не к чему. Все обстоятельства дела уже известны.

Оставался последний вопрос. Я ждал, что он сам вспомнит счетовода. Не вспомнил.

Мы имели показания Родина. В этих показаниях не было полной ясности. Счетовод встретил Родина на пляже в Ялте. Передавая в Симферополе ему документы, он сказал, что это последнее дело, которое он сделал. Он сказал: «Мне все надоело! Я хочу спать спокойно! Иначе я сам пойду и доложусь».

Родин передал об этом информацию Шелингу. Как распорядился Шелинг, Родин не знал...

В вагоне «Красной стрелы» Значковский сказал Родину, что он убрал агента.

Шелинг показал, что тот стал для них опасен. Исполнителем выбрали Значковского. Проверить его на деле и связать кровью... Значковский задание выполнил.

Мы знали, что явилось причиной той смерти. Немецкий полицай, агент разведки, что его могло ожидать другое, когда стал в тягость хозяевам?

Родин передал следствию и ампулку с ядом «БЦ-12». И он был этим вооружен. Мы изготовили копию ампулы. Только наполнена она была водой.

Когда Значковский кончил свои излияния, я достал из ящика стола копию ампулки и поставил ее перед ним.

— Вы можете мне объяснить, что это такое? — спросил я.

Он уставился на ампулку и в первое мгновение попятился.

— Вы знакомы с этим предметом? — опять спросил я.— Этим ядом был убит...— Я недоговорил.

Значковский схватил ампулку и раздавил.

— Вот так! — воскликнул он.— Следствие на этом закончено.

Он встал, глубоко вдохнул в себя воздух.

Я махнул рукой.

— Бросьте, Значковский! В этой ампулке вода. Вы бросили в комнату ампулу. В окно! Она разбилась... Там могли оказаться дети...

И вот опять передо мной Старцев-Суровцев. Теперь против него не только те вещественные доказательства, которые я пока приберегал до поры до времени, но и показания Значковского.

Старцев внимательно прочитал показания музыканта, отодвинул от себя листки, всем видом показывая, что не собирается ничего подтверждать.

Тогда я задал вопрос о скрипке.

Наконец-то, наконец кончилась игра в бесстрастность. Он даже не стал расспрашивать, откуда нам об этом известно.

— А вы найдите ее сами! Нет, никогда вам не найти этой скрипки. Она еще годится... Годится тем, кто собирает по малости силы, чтобы вбить осиновый кол в могилу большевиков. Я! Я сам ее сохранил, я исполнил обет настоятельницы лиговского монастыря. Монастыря на нее не построят, но будут ее струны звучать в броне тех танков, которые когда-то еще раз пройдутся по вашей земле!

Устал играть в равнодушного. Вспыхнул. Но тут же и погас. Дальнейший его допрос был признан бессмысленным. Он молчал.

Я ему продемонстрировал копии его «информаций» Шелингу, а затем показал материалы, на основании которых он готовил эти «информации», полагая, что получил доступ к настоящим секретам нашей военной техники.

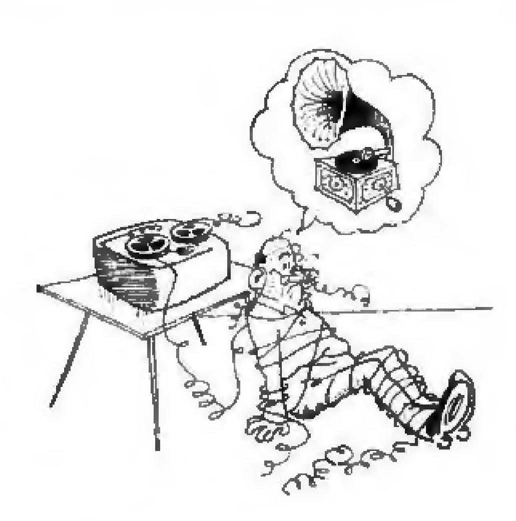
Итак, через несколько дней дело уйдет в суд. Я закрываю последнюю папку многотомного дела.

— А нет ли у вас ухи из баранины!
Рисунок П. Гейзандова.

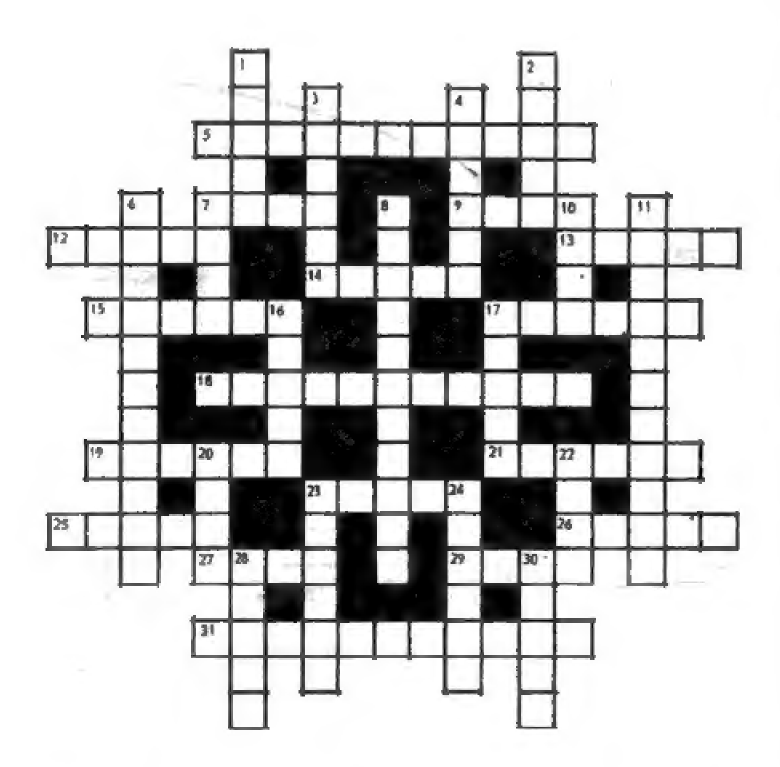
— Перестаньте реветь, будет вам четверка.
Рисунок В. Воеводина.

Новый век.
Рисунок Б. Боссарта.

— Это вы квартиру вызывали подмести!
Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский штангист, рекордсмен мира. 7. Вид топлива. 9. Река в Казахской ССР. 12. Лабораторный сосуд. 13. Лист бумаги с печатным заголовком. 14. Государство в Юго-Западной Азии. 15. Музыкальная пьеса. 17. Млекопитающее рода сурков. 18. Курорт на берегу Балтийского моря. 19. Город-герой. 21. Английский ученый, открывший закон всемирного тяготения. 23. Шерстяная ткань. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 26. Слесарное приспособление. 27. Птица. 29. Состязание лошадей на ипподроме. 31. Наука об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах.

По вертикали:

1. Приток Миссисипи. 2. Советский композитор. 3. Уполномоченный иностранного государства. 4. Русский поэт. 6. Драгоценный камень. 7. Отдельный снимок на ленте кинофильма. 8. Автор картины «Девятый вал». 10. Роман М. О. Ауэзова. 11. Действующее лицо оперы Д. Пуччини «Тоска». 16. Порт на берегу Белого моря. 17. Снежная буря, метель. 20. Столица Йемена. 22. Переносное жилище кочевников. 23. Порода собак. 24. Путь движения небесного тела. 28. Персонаж драмы А. П. Чехова «Три сестры». 30. Вулкан на острове Исландия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

7. Умножение. 8. Гелиограф. 9. Колокольчик. 12. Турнир. 13. Широта. 14. Корин. 17. Батискаф. 18. Парусина. 19. Кулебяка. 21. Черенков. 26. Чибис. 28. Енисей. 29. Домино. 30. Хореография. 31. Дирижабль. 32. Санаторий.

По вертикали:

1. Амплитуда. 2. Мелодия. 3. Черкасов. 4. Угольник. 5. Дивизия. 6. Катамаран. 10. Гравиметрия. 11. Подосиновик. 15. Пачка. 16. Падеж. 20. Успенский. 22. Ортопедия. 23. Мишкольц. 24. «Гитарист». 25. Пелотас. 27. Боливар.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00508. Сдано в набор 12/XI-68 г. Подписано к печ. 26/XI-68 г. Формат бумаги 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 004 000 экз. Изд. № 2211. Заказ № 3202.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24

ПРОШЛОЕ СЛУЖИТ НАСТОЯЩЕМУ

Н. МОЛЕВА,
кандидат искусствоведческих наук

Памятники прошлого. Всегда есть что-то музейное в этом определении. И едва ли не самое трудное — включить сооружения прошлого в наше сегодня и не в качестве музейных экспонатов, а участников нашей жизни.

В Кракове, во дворе одного из старейших в Европе — Ягеллонского университета, под ренессансными арками, вокруг старинного колодца, где, наверное, пил воду учившийся здесь Коперник, располагаются выставки прикладного искусства прошлых веков. Чудесный дворец XVIII века на окраине Варшавы занимают произведения скульптора Ксаверия Дуниковского. В прославленной «Каменице Целеевской», жилом доме XV века, обосновался краеведческий музей Казимежа.

Можно по-разному относиться к памятникам старины. Восстанавливать их, поддерживать, охранять... прежде всего от зрителей, но можно отдать тем же зрителям под охрану и опеку, использовать так, чтобы они вошли в повседневную жизнь городов и местечек, неразрывно связывая ее с историей.

Торунь. Один из старейших польских городов, с многовековыми культурными традициями. Много в нем помещений для концертов. Но вот концерт старинной музыки устраивается в огромном зале городской ратуши. Строгая торжественность средневековой архитектуры, портреты XV—XVI веков, среди них то самое изображение Коперника, которое все мы знаем со школьной скамьи,— все это создает особое настроение у исполнителей и слушателей. Музыка помогает глубже понять старую живопись, но, в свою очередь, живопись и архитектура как бы дополняют и объясняют музыкальное произведение. И польские музеи часто и гостеприимно открывают двери для концертов и целых спектаклей.

Теперь уже трудно сказать, как родилась идея «Королевских балетов» в Вилянуве. На террасе дворца, на фоне его стен и в окружении редкой по красоте зеленой архитектуры парка развертывалось действие балетов «Очень страшная охота», «Прекрасная прачка» и «Гости в доме», поставленных на музыку польских композиторов XVII—XVIII веков, во многом впервые исполненную. Не случайно в программе специально оговаривалось местонахождение рукописей этих нот. В исполнении солистов балета варшавского Большого театра картины прошлого оживали, наполнялись движением, звуками, игрой стремительно сменяющихся красок.

Юбилей немецкого композитора Телемана (200 лет со дня смерти) проходил в большом холле Народного музея в Варшаве. А в Лазенках, в залах особенно любимого варшавянами дворца-музея «на воде», была поставлена его опера «Пимпиноне». Зажглись сотни свечей в старинных хрустальных люстрах и канделябрах, гайдуки, одетые в алые с золотом куртки, встречали зрителей у входа, у дверей застыли дворцовые служители в кафтанах, в треуголках на густо напудренных париках, а в нарядном зале певцы в пышных придворных костюмах начала XVIII века давали представление.

Конечно, можно думать о том, что свечи закапают пол, что обувь зрителей нанесет мусор. «Но не надо забывать,— улыбается хранитель Лазенок Марек Квятковский,— что пол и предназначался для того, чтобы по нему ходили, а следы стеарина нетрудно стереть, зато в дыхании большого искусства и в десятках бытовых мелочей навсегда останется в памяти зрителей ощущение образа эпохи...»

В Лазенковском парке зрители собираются на спектакль «Театра на острове», одного из замысловатых сооружений XVIII века. На крутом откосе Вислы в Торуне, среди развалин средневекового замка крестоносцев, сохраняемых веками, начинается представление «Свет и звук», воскрешающее те далекие времена. Мягкий гул органа плывет над притихшим Казимежем — в соборе идет концерт одного из лучших органистов страны, Рончковского. Во дворе Вавельского замка, где когда-то сражались на турнирах закованные в сталь рыцари, начинается симфонический концерт или продолжаются ювеналии — веселые студенческие празднества с переодеваниями.

Сколько их, этих всегда интересно задуманных и необычайно тщательно осуществленных спектаклей, концертов, зрелищ! И ведь большей частью артисты выступают бесплатно, с тем, чтобы весь сбор поступал на реставрацию памятника старины.

«Наш долг перед искусством,— говорят они,— наш долг перед Польшей».

На первой странице обложки: Подготовку к испытаниям модели вертолета «МИ-4» в вертикальной аэродинамической трубе ведет техник-экспериментатор В. Н. Гасников (см. в номере репортаж «Опережая время»).

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Зима в Подмосковье.

Фото Б. Раскина.

В залах Лазенковского дворца идет опера «Пимпиноне».

Веселые студенческие ювеналии во дворе королевского замка в Кракове.

Сейчас начнется представление пьесы Мольера.

Концерт старинной музыки в зале ратуши в Торуни.

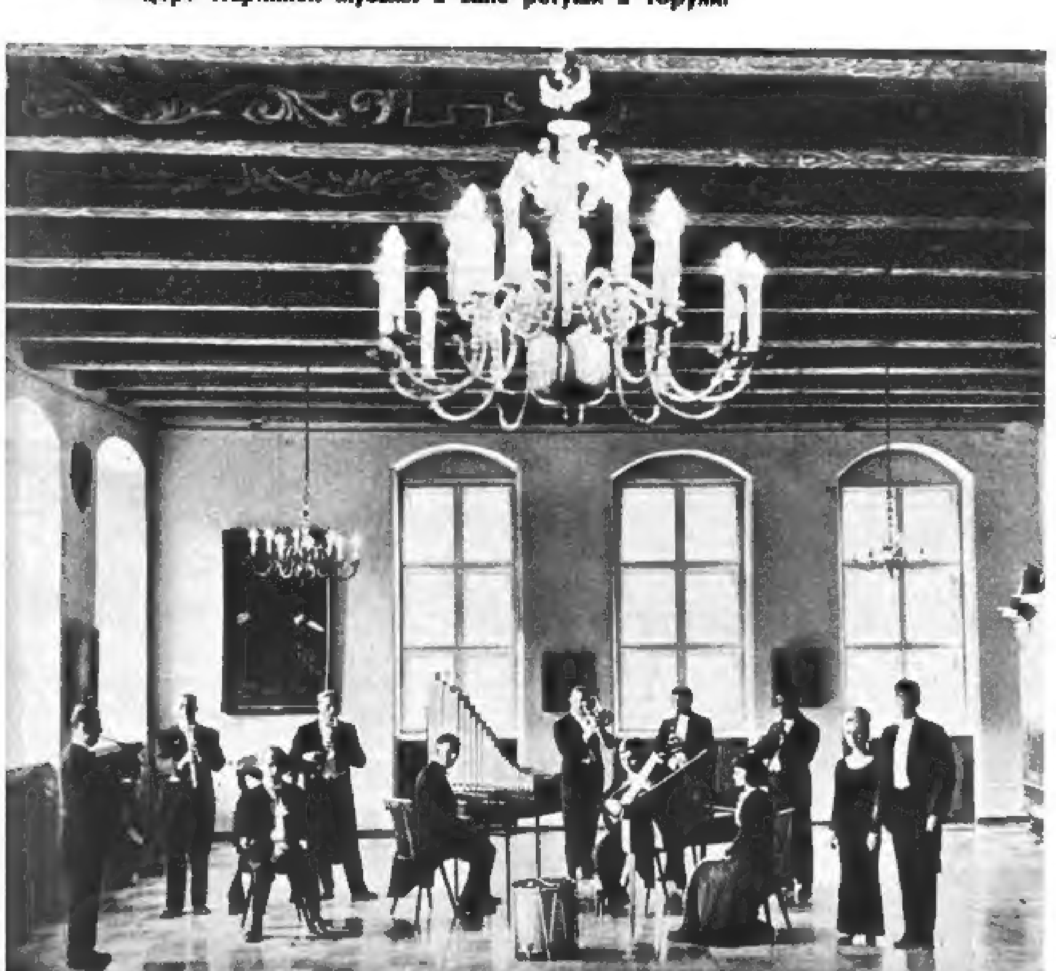

Фото П. Барача и З. Семашко.

Парк Вилянув. Спектакль балета варшавского Большого театра.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663